

"Карта Гулага"

Тамара Григорьева

Тамара ГРИГОРЬЕВА

Карта
ГУЛАГА

г. Балхаш 2012 год

Все, что было не со мной, помню

Уже много лет занимаюсь трудной, но беспрестанно тревожащей душу темой сталинских репрессий. Почему возможен был ГУЛАГ? Что помнят об этом люди, пережившие это страшное время? Для старшего поколения, чья жизнь была связана одной судьбой с судьбой своей страны и своего народа, эти черные времена террора были испытанием, которое ранило сердце и тогда, и оставило зарубку на сердце навсегда.

Первыми открыли завесу тайны гулаговских лагерей писатели. Александр Солженицын еще в 1961 году опубликовал свою повесть «Один день Ивана Денисовича» о жизни узников ГУЛАГа, его же перу принадлежит знаменитый документальный очерк «Архипелаг ГУЛАГ», написанный позже, тогда же он пишет роман «В круге первом» и другие историко-художественные хроники. Лагерная тема и тема репрессий прозвучала и у других писателей в «Белых одеждах» Дудинцева, в «Детях Арбата» Рыбакова, «Ночевала тучка золотая» Приставкина, «Московские окна» В.Аксенова и многих других авторов, чьи книги и воспоминания были написаны не чернилами, а кровью сердца.

Вслед за писателями, которым дано особенно точно чувствовать биение пульса времени, сопереживать и выражать чувства народа, нести высокую миссию народной памяти, гулаговская тема прорвалась на экраны. Фильмы «Утомленные солнцем» Н. Михалкова, экранизация романов Солженицына, современные ленты «Апостол», «Штрафбат», «Жуков» и другие сериалы притягивали к экранам правдивостью и чувством общей причастности к тому, что ЭТО на самом деле и было с нами и со страной, пережито нашими родителями. Одним из первых об этом рассказал фильм литовских кинематографистов «Людоед». Страшно даже смотреть, но еще больнее было осознавать, что все события были не только подлинными, но еще и происходили на нашей земле, в Прибалхашье, где не только велись съемки, но еще и на самом деле было одно из подразделений ГУЛАГа- Балхашлаг.

Как-то даже не верилось в такое, но я знала лично многих людей, которые прошли через Балхашлаг. Многие из них после реабилитации так и остались в Балхаше, но и те, кто при первом же разрешении вернуться на родину, как сделали более 300 бывших балхашлаговцев из Литвы, никогда не забывали наши степи, где остались лежать в земле многие их соотечественники. Некоторые из них приезжали позже сюда, чтобы почтить память родных, теперь приезжают уже их дети. Литовские мотивы неоднократно звучали со страниц «Пульса» и других городских газет.

За годы журналистской работы мне не раз приходилось писать о Балхашлаге, а также встречаться с теми, кто пережил депортацию, прошел через трудовую армию, был сослан сюда в тридцатые-пятидесятые годы. Эта тема проходит через мою судьбу, через мое сердце уже более 30 лет. Накопилось

немало материалов, которые рассказывают о людях, событиях того непростого периода в истории и в жизни многих людей. Все это надежно хранят и моя память, и газетные страницы. В последнее время ко мне неоднократно обращается молодежь с просьбой помочь материалами о Балхашлаге, потому и родилась идея собрать все прежние публикации о том далеком и уже, к счастью, невозвратном времени воедино. А началась моя непроходящая и поныне боль в растревоженной душе с давней статьи в апреле 1989 года в областной газете «Индустриальная Караганда» под коротким названием «Судьбы», которая открывает одну из глав этого сборника, который я назвала «Карта Гулага».

**Тамара Григорьева,
«Почетный журналист Казахстана»**

От автора: Неожиданно для меня, на первое издание книги «Карта Гулага» в 2012 году, рассчитанное прежде всего на читателей городских и школьных библиотек, тиражом 30 экземпляров, оказался более высокий спрос моих земляков. Первые заинтересованные отклики на сборник газетных статей, опубликованных за 1989-2012 годы, в основном в газете «Пульс» и разделенных на пять тематических глав под общим названием «Карта Гулага», показали, что история, в том числе малоизвестные ее страницы, связанные с репрессиями 30-50 годов прошлого 20 века, и нашедшие отражение в документах и людских судьбах на страницах книги, привлекла внимание многих людей.

Надеюсь, что эхо прошлого времени, отзывающегося в моем сердце уже более четверти века, найдет отклик и в душах моих дорогих балхашцев и тех, кто слышит чуткий голос нашей общей Памяти.

1. ТАЙНЫ СЕКРЕТНЫХ ДОКУМЕНТОВ

январь 1998 г «Индустриальная Караганда»
«БАЛЛАДА О ЧЕРНОМ СОЛНЦЕ»

В этой истории все переплелось: прошлое и настоящее, люди и судьбы, тьма и свет. Исчезли даже пограничные столбы, потому что эхо памяти способно преодолеть любые расстояния и даже само время.

Из литовского архива

Таким эхом памяти стало первое письмо с берегов далекой Балтики, в котором Балис Гаяускас поведал о себе, о том, что среди многочисленных лагерей Гулага, где он провел 37 лет, был и Балхашлаг. Рассказал и о том, что в Литве до сих пор ежегодно собираются бывшие политзаключенные, среди которых немало узников этого лагеря, что они издают газету «Ссылный». Так появилось «Письмо из Вильнюса», опубликованное в газете «Индустриальная Караганда» 4 ноября 1997 года. Завязалась переписка, в которую включились и другие люди.

Кроме исповедей балхашлаговцев, были присланы фотографии и список бывших заключенных Балхашлага, в котором значатся 363 имени. Эти документы жгли руки, требовали огласки. И потому, когда по инициативе русского национально-культурного центра «Согласие» была организована выставка «Эхо памяти», один из ее разделов заняли документы из Литвы.

... В Балхаше я прожил без малого 17 лет, - пишет Витаустас Войцекаускас.- В 1949 году сюда со всего архипелага Гулаг поступали заключенные – из Коми АССР, Красноярского края, с Западной Украины, молдаване и кавказцы, прибалты... Работали в основном на ТЭЦ, на строительстве жилых домов. Я бы мог рассказать о каждом доме, построенном нами. Это восьмой и девятый кварталы, дворец металлургов и дом культуры строителей, больничный городок и целый квартал индивидуальных домов. Несколько домиков на углу улиц Ленина и Амангельды построили японские военнопленные.

Я лично строил анодный, электролитный, меднокупоросный цеха. После отъезда на родину еще три раза бывал в Балхаше, один раз со старшей дочерью. Мои дети - два сына и две дочери родились в Балхаше. Ходил по городу, ездил в поселки Восточный Коунрад, Гульшад, может быть, в последний раз. Посетил и степлаговскую зону, могилки товарищей. Прошу вас, проведите их, мы там поставили большой католический деревянный крест. Вечная им память!

В присланных списках имя В.Войцекаускаса значилось под номером 341. Здесь же нашла несколько знакомых имен. Б.Гаяускас, открывший литовскую страницу в истории Балхашлага, числился под №81. А вот №114 уже вычеркнут – смертью. Наверное, в Литве еще об этом не знают, раз вписали Виктора Юрвичуса в список живых гулаговцев. Да и я узнала об этом только тогда, когда в одном из писем указали его балхашский адрес: «Он вам многое может

рассказать ...». Увы, Юрявичуса не стало еще в 1993 году. Но его внучка, школьница Юля, отвела меня тогда к своей двоюродной бабушке, которую девочка ласково называла Петрусей.

Судьба Петрунели Жаугайте –еще один горький упрек прошлому, в котором были не только ударные стройки, но депортация целых народов, лагеря, расстрелы... Девушке было 20 лет, когда ее арестовали вместе с сестрой. Что им ставилось в вину, они так и не поняли. На суде всем арестованным (суд был общий) объявили приговор -10 лет лагерей. Петрунеля попала в Воркуту, а сестру отправили в Кемеровскую область.

Позже выслали и родителей с братом – под Иркутск. По счастью, эта семья впоследствии воссоединилась. Вместе с Петрунеле в северном лагере были земляки, которые, как и она, разыскивали родных по всей стране. Так были найдены следы родителей. А сестра Евгения была этапирована в Балхашлаг, где после освобождения и осталась. Отец потом писал прошение, чтобы разрешили переехать к дочери, но долго ходили бумаги, отец не дождался ответа, так и умер в Сибири. А мать и брат позже переехали в Балхаш, к ним присоединилась и Петрунеля.

-Осталась я теперь одна из всей нашей семьи. Уже здесь похоронила маму, брата, сестру и ее мужа – Виктора Юрявичуса. Здесь живут его сын и моя дочь, наши внуки. Привыкла, хотя иной раз снится родительский дом в Литве. Мне присылали оттуда бумагу, сообщали, что могу вернуться. Даже обещали квартиру сразу дать. Но куда же ехать? Годы здоровья не прибавили, и средств больших нет, живем с дочерью и внуками на мою пенсию и ее зарплату. Да и могилы близких держат.

Пожилая женщина не скрывала слез, своего волнения, когда показывала бережно хранимый листов- решение Верховного суда Литовской ССР от 1990 года, пересмотревшего дело и полностью ее реабилитировав.

Но ведь жизнь прошла, пока человеку вернули его доброе имя. Никакая реабилитация не даст забыть страшный холод и голод заполярного лагеря, непосильный труд на лесоповале, штабелями укладываемых умерших, которых просто вывозили в тундру. ..И после лагеря было не легче переносить косые взгляды, постоянное чувство унижения, страха за близких, за их жизнь.

В присланных из Каунаса списках имена сестер почти рядом- Петрунеля под № 358, Евгения (Генуте) Жаукайте –под № 363. Какая горькая ирония судьбы! Прожив в лагерях под номерами, они уже под новыми номерами вписаны в списки оставшихся в живых узников Гулага.

Еще одно, но уже общее документальное свидетельство: « Литовцы- жертвы сталинизма на Балхаше.»Типографским шрифтом набрано: «Мы, мужчины и женщины из Литвы,были репрессированы по статье 58 советского уголовного кодекса и находились вдали от родины в Балхашском лагере политзаключенных с 1948 года. Нас из эшелонов заселяли в бараки, построенные японскими военнопленными. Литовцев в лагере было около 1000 - учащихся, учителей, студентов, рабочих, земледельцев. Русского языка не знали, поэтому не понимали приказов, какую работу выполнять. Работали на шахтах Коунрада и на стройках.

Кроме литовцев, в лагере было много вывезенных из Западной Украины, русских политзаключенных, поляков, евреев, венгров, китайцев, немцев, австрийцев и казахов. Лагерь окружала кирпичная стена высотой около двух метров, с колючей проволокой, караульными вышками...

Суточный паек был таким: миска супа, 650 граммов черного хлеба на целый день, овсянка и маленький кусочек рыбы. Женщины работали в две смены на кирпичном заводе. Еще одним местом работы были шахты Коунрада, заключенные жили на территории шахты.»

Камушки на ладони

Таким остался в памяти выживших в том аду лагерь по имени Балхашлаг. В степи, всего-то в нескольких километрах от города и почти рядом с промплощадкой комбината, еще сохранились остатки кирпичной стены, бараков и даже три ряда колючей проволоки. Рядом за развалинами бывшее кладбище, ставшее братской могилой. Его заливают грунтовые воды, засыпает пульпа, и уже совсем кошунственно выглядят неорганизованные свалки. Сюда редко кто заглядывает, не все горожане даже знают о том, что здесь был когда-то Балхашлаг, что под этой растрескавшейся землей, на которой даже трава не растет, лежат люди. Неизвестно, сколько тут было похоронено, кто и откуда родом.

Пока доподлинно известно, что здешняя земля стала последним приютом для 51 японского военнопленного. Это выяснилось сравнительно недавно, когда в 1993 году в Балхаше с частным визитом побывала группа японцев, разыскивающих могилы своих родственников в бывших гулаговских лагерях. По их просьбе городские власти установили символический памятник из местного черного саякского мрамора, на который позже была прикреплена табличка с иероглифами. Потом приезжала еще одна делегация из Японии. Тогда-то и были впервые обнародованы цифры, подняты архивные документы с именами умерших в лагере военнопленных.

Эти скорбные списки свидетельствуют о том, что всего на территории Казахстана захоронено 1394 японских военнопленных, в том числе умерших в Балхашлаге 51 человек. Довелось видеть, как торжественно, в абсолютной тишине совершался обряд поминовения у мраморного надгробия. Горели благовонные свечи, земля и плита были политы рисовой водкой. Специально привезенную с родины небольшую тумбу накрыли белым покрывалом, а вокруг стояли в низком поклоне соотечественники тех, кто покоился в этой суровой земле.

Когда обряд закончился, две пожилые женщины – дочери записанного в траурном списке под №Б-16 солдата Касаэ Накаяма,- обходя шаг за шагом редкие над этим безымянным кладбищем металлические штыри с табличками, где сваркой были выплавлены номера, вдруг застыли.

Они нашли могилу отца! Кажется, даже не поверили сразу, все сверялись со списком, а люди уже бежали к ним, из автобуса уже несли охапки балхашских хризантем. Очень сдержанные в проявлении чувств, не вытирали слез даже мужчины. И теперь уже у этой простой таблички снова был совершен поминальный обряд, и снова все в тишине. Они даже плакали молча. И все никак не могли уйти, хотя их уже ждала машина, чтобы везти дальше, в Караганду. Уже в последний момент старшая сестра снова опустилась на колени, стала что-то искать на земле. А когда поднялась и раскрыла ладонь, то в ее руке лежал невзрачный серый камушек. Она бережно положила этот дорогой для нее сувенир в маленькую расшитую сумочку и, не оглядываясь, пошла вперед.

...В декабре прошлого 1997 года перед открытием выставки «Эхо памяти» члены правления культурно-национального славянского центра «Согласие» побывали на месте бывшего Балхашлага, положили цветы у стены, на все еще обвивавшую разрушенные стены колючую проволоку, отдали день памяти всем, кто захоронен на лагерном кладбище.

Зимние букеты легли на плиту с японскими иероглифами, к единственной сохранившейся металлической оградке, к подножию деревянного креста, который высится над степью. Это тоже символический знак, оставленный в 1987 году приезжавшими из Литвы бывшими балхашлаговцами и родственниками похороненных здесь узниками. Место было выбрано наугад, где посуше и повыше земля. На перекладине креста табличка с датами 1941-1957 год и надписью на литовском и русском языках «Место покоя политзаключенных – жертв сталинизма.»

Вот так и помечена теперь здешняя степь двумя чужеземными знаками памяти – литовским крестом и японскими иероглифами. Пронесется над ними балхашские ветры и, может быть, где-нибудь у берегов Японии или над Балтикой передают потом тамошним ветрам привет из казахстанской степи.

...Никогда не была в Литве, хотя всегда мечтала увидеть землю, давшую миру талантливейшего художника, композитора и поэта М.Чюрлениса. Только в его полотнах так явственно звучит музыка, недаром же циклы его картин названы «Соната весны», «Соната моря», «Соната звезд.» А когда слушаешь его симфонические поэмы «В лесу» и «Море», то будто воочию видишь лесные поляны и чащи, не только слышишь, но и видишь шум прибоя, ураган шторма. Среди света и радости, которыми озарены живопись и музыка М.Чюрлениса, неожиданным и даже зловещим кажется набросок к картине «Баллада о черном солнце». Воображение ли только или предвидение двигало кистью художника? Над зелеными домами, колокольнями, над рекой парит в небе большая птица, будто пытаюсь прогнать черное солнце, затмевающего лучи другого, светлого светила.

Вечная тема борьбы Света и Тьмы, Зла и Добра проходит и через весь наш уходящий двадцатый век, через людские судьбы.

Литовскому Чюрленису вторит японский поэт И. Такубоку, который писал в своих стихах - танка :

Хотел бы положить я в изголовье

*Жемчужину печали,
Сквозящую прозрачной синевой,
И слушать до утра, как стонут сосны...*

Может быть, эти стихи вспомнились японскому художнику, нарисовавшему потом по памяти тесную лагерную каморку с низко склонившим головы сидящими в ней людьми и документальную панораму Балхашлага, над которым даже солнце кажется черным.

Имя этого художника осталось неразгаданным в подписях иероглифами под этими мрачными этюдами, но как говорили дочери военнопленного японского солдата, навеки оставшегося в степной могиле под Балхашом, в Японии, как и в Литве, тоже по традиции собираются бывшие узники Гулаговских лагерей - мужчины и вдовы умерших, в том числе в Балхашлаге.

Май 2000 г «Пульс»

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Депортация. Спецпереселенцы. Террор. Расстрел. Гулаг.

Все эти страшные по смыслу и особенно по содержанию слова происходят от одного понятия - репрессия. В переводе с латинского «репрессия» означает «подавление» с синонимами «карательная мера», «наказание». За что же карали людей, коверкали им жизнь, ломали судьбы, пятнали добрые имена?

Тайны секретных документов.

Ну, как говорится, были бы люди, а обвинения найдутся... Об этом свидетельствуют различные постановления, изуверские по своей сути. Изощрялись чиновники в формулировках. Вот только некоторые из них, направленным ударом вышибавшие целые слои населения, обрекающие людей на страдания, а порой и на гибель.

1930 год. Постановление ЦИК и СНК от 1 февраля «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством». Как будет установлено много лет спустя, только в 1930-1931 годы были 381000 крестьянских семей, зачисленных властью и ее добровольными, но не бескорыстными «помощниками» в категорию кулаков.

Местом ссылки стал в ту пору и Казахстан. Местная прослойка зажиточного по меркам того времени населения и занесенная в разряд баев насильно выдворялась из степных мест, подвергалась арестам. Избежать этой участи удалось немногим, кто успел перекочевать на чужбину – в Китай, Монголию. Именно за эти годы массовой – по отчетам - коллективизации по казахской степи

прокатилась жестокая волна голода, что привело к значительному сокращению численности казахов. Эти утраты невозможны, стали трагедией народа.

1936 год. Постановление Совнаркома «О переселении, как политически неблагонадежных, поляков с Украинской ССР в Казахскую ССР». Так появилась не по своей воле польская диаспора в республике.

1937 год. Постановление СНК и ЦК ВКПб от 21 августа «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». Одним росчерком пера была сломана, изменена судьба 200 000 корейцев, проживающих в районах Советского Приморья. Им всем, в том числе и детям, было приписано клеймо «неблагонадежных» под благовидным предлогом – «пресечь возможное проникновение японских шпионов.» Местом нового поселения дальневосточных корейцев стал Казахстан, в том числе Балхаш. Из почти двухтысячной корейской диаспоры, проживающей в нашем городе, каждый шестой испытал на себе ужас депортации. Когда Роза Ивановна Син – светлая ей память! - как председатель корейского культурно-национального центра стала ходатайствовать о том, чтобы балхашские корейцы старшего поколения до 1937 года рождения, как депортированные, получили статус жертв политических репрессий и право на пользование некоторыми льготами, то делилась со мной, как трудно шла эта работа. Приходилось запрашивать архивы, восстанавливать документы о высылке, которых ни у кого не было, получать различные справки. Так был составлен список из 271 имени, пострадавших от репрессий местных корейцев. Так через годы напомнил о себе 37-ой год.

А в воспаленном от подозрительности мозгу «отца народов» Сталина рождались новые проекты унижения - вплоть до уничтожения- все новых групп советских людей.

1938 год. Принимается постановление СНК СССР «О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР». Тогда с Кавказа в казахскую степь было переселено около 3000 хозяйств иранцев, курдов, армян, турок, других бывших жителей Азербайджана и Армении.

1941 год. Уже идет война, но помимо фронта идет и необъявленная война против своих народов. Об этом свидетельствуют документы: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упразднении немецкой автономной области в Поволжье» от 26 августа, постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКПб от 12 сентября «О размещении немцев Поволжья в Казахстане», а 3 октября «О переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР». По различным данным, в 1941-1942 годы в Казахстан было депортировано от 225 до 350 тысяч немцев.

1943 год. Согласно новому постановлению СНК СССР, в Казахстан было переселено 70 тысяч карачаевцев и около 100 тысяч калмыков. А были еще крымские татары, чеченцы, были украинцы, эстонцы, литовцы... Как свидетельствуют современные архивы, в период войны в Казахстане находилось на спецпереселении более 1,2 миллиона человек.

Я сознательно выбирала из публикаций о том времени только факты: цифры, названия указов и постановлений. Они наглядно дают представление о

масштабах депортации за сравнительно небольшой срок в тридцатые и сороковые годы.

Как ни горько, но это было с нами и со страной... Понадобились годы, даже десятилетия, чтобы стала известна эта правда о нашей истории. Только в 60-ые годы «оттепели», после развенчания культа личности Сталина, впервые и тогда еще робко пробилась истина. Нужны были отвага и душевное мужество, чтобы написать тогда:

*Я бы мог появиться в горах
И не зваться казахом,
или жить в белой хатке,
коров по оврагам пасти.
Все равно – привезли бы меня
В Джезказган вагонзаком.
Украина, прости!
О ингуш, мою землю прости!*

Эти строки из стихотворения Олжаса Сулейменова, написанные им в 1963 году, были впервые опубликованы лишь в 1973 году. Видимо, у издателей не было той смелости, что была у поэта. По счастью, теперь иные времена, на смену замалчиванию пришла гласность, постепенно заполняются «белые страницы» истории.

58-ая статья

Словно стонет и плачет кобыз, а вместе с ним, отзываясь на зов его струн, на печальную песню без слов, плачет и терзается душа слушателей, а на глаза поневоле набегают слезы. Эти слезы покаяния и очищения, светлой памяти о всех, кто, как автор этой музыки, казахский композитор Сармантай-улы, был опален печально известной статьей 58-ой статьей и вычеркнут из жизни навек. В «Списках скорби», которые были опубликованы в газете «Центральный Казахстан» в 1997 году, объявленном в нашей республике Годом согласия и памяти, по рассекреченным архивам были восстановлены добрые имена из «расстрельных» документов.

Даже пуля не способна расстрелять нашу память о безвинно погибших. Они были нашими земляками. В.В.Александров, русский, из Ленинграда, главный инженер Прибалхашстроя. М.Г.Грольман, немец из Риги, начальник планового отдела Прибалхашстроя. В.И.Иванов, русский, начальник Прибалхашстроя. Н.Битегулов, казах, мулла. Б. Калюков, казах, второй секретарь Балхашского райкома ВКПб. С.И.Кевсал, эстонец, старший бухгалтер Фабстроя треста Прибалхашстрой. Х.Ш. Кругляков, белорус, начальник электроцеха Коунрадского рудника. И.Е.Корнеев, татарин, председатель Балхашского горсовета. В.А.Аратюнян, армянин, слесарь Прибалхашстроя. Ли-Юн-Дюн, кореец, парикмахер. С.Калекин, казах, колхозник аула №1 Коунрадского района...

Этот интернациональный список велик, другие имена можно прочесть в «Списках скорби» на стенде Балхашского музея, посвященном жертвам репрессий, которые были переданы славянским центром после организации выставки «Эхо памяти».

Жизнь всех этих людей оборвалась в одночасье в 1938 году. Они были расстреляны после короткого суда и приговора по 58-ой статье. Каждая строчка этой статьи действующего в то время уголовного кодекса была достаточным обвинением, чтобы лишить жизни : «измена Родине», «контрреволюционный саботаж, «антисоветская деятельность», «пропаганда и агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, «помощь международной буржуазии» и т.д. Неважно, что аресты проводились по оговору или по ложному доносу, а «признания» в несовершеннолетних действиях выбивались под пытками. Главное - выявить и уничтожить «врага народа», стереть его имя даже в памяти близких, которые годами не знали о судьбе арестованных, а тем более о том, что они уже расстреляны.

Чудовищно, но на «отстрел» людей тоже были планы. Об этом свидетельствуют документы. Один из них – решение ЦК ВКПб по вопросам НКВД от 3 декабря 1937 года: «утвердить предложение ЦК КПб Казахстана об увеличении количества репрессированных по Казахстану на 600 человек по первой категории и на 1000 человек по второй категории.» Первая категория означала расстрел... Рьяно же служили режиму тогдашние власти республики, проявившие «инициативу» по увеличению расстрелов невинных людей. Как вурдалаки, они подпитывались кровью своих соотечественников. На расстрел отводились минуты, а вот, чтобы восстановить добрые имена людей, погибших в годы террора, понадобились годы. Реабилитация состоялась через 20 лет после гибели, в 1956 году, потом в 1958, 1960, 1989 годах. Запоздалое, но все-таки покаяние...

Восстановлению справедливости и правды послужил принятый 14 апреля 1993 года Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий». В Балхаше их число составляет 491 имя.

Узники Балхашлага.

Я читала многостраничные списки репрессированных с гнетущим чувством. За каждым именем была непростая судьба, и не только личная, порой целого народа. Корейцы, прибалты, украинцы, русские, татары, поляки, белорусы, весь прежний союзный интернационал. Большинство попали в Балхаш по «национальному признаку» - так называлась причина депортации в Казахстан разных народов, которых подозревали в «неблагонадежности». Листая личные дела в отделе социальной защиты, где в тоненьких папочках всего на 3-4 странички – с обязательной копией справки о реабилитации, что позволяло людям получить однажды единовременную денежную компенсацию за все пережитое, да льготы, теперь замененные малыми пособиями,- поневоле обращала внимание на даты рождения. Всем далеко уже за 70 лет...

Есть среди них и бывшие узники Балхашлага. Через здешний лагерь прошли военнопленные японцы и немцы. Там же за колючей проволокой оказались после войны советские офицеры и солдаты, кому «повезло выжить» в чужом плену. Были в этом лагере ученые и поэты, рабочие и крестьяне, врачи и художники. Здесь же все они становились людьми одной профессии- строителями. Заключенные Балхашлага строили цеха горно-металлургического комбината, работали на всех строительных площадках города. Об этом мне писали бывшие Балхашлагоцы из Литвы. Кстати, они были первыми, кто подтвердил сам факт существования лагеря политзаключенных в Балхаше, потому что в городских архивах об этом не осталось никаких следов.

Позже председатель союза политзаключенных и ссыльных Литвы Б. Гаяускас, который с 1949 по 1956 год работал в Балхаше на шахтах Восточного Коунрада и в каменном карьере треста Прибалхашстрой, прислал несколько номеров газеты «Тремтинус» - «Ссылный» с регулярно публикуемыми в ней списками узников сталинских лагерей, где были имена и балхашлаговцев. В письме также были фотографии участников съезда бывших балхашлаговцев и их списки из 361 имени. Все они как бесценные реликвии переданы в наш городской музей.

Позже довелось встречаться с теми, кто остался в Балхаше после освобождения. Они не хотят вспоминать о прошлом. Но помнят все!

Тяжелый каждодневный труд на стройках города, где почти все приходилось делать вручную, постоянно напоминал людям о том, что они почти рабы, лишь рабочая сила, притом дармовая. За выполнение нормы полагалась скромная пайка: утром баланда и 200 граммов хлеба, на обед та же баланда и такой же кусочек хлеба, на ужин – жидкий чай и все те же 200 граммов тяжелого неопеченного хлеба. Но и этих граммов хлеба можно было лишиться, если норма не выполнялась...

Возили на работу из лагеря на грузовых машинах по 30 человек с двумя охранниками. Рабочие места тоже были подконвойными, дворец культуры, к примеру, был обнесен забором с колючей проволокой вплоть до 50-ых годов. В лагере было две зоны: женская и мужская, разделенные кирпичной стеной. В женской зоне надсмотрщиками были женщины, властные и суровые. Женщинам доставалась такая же тяжелая работа, если не на стройке, то на кирпичном заводе. Жили в густонаселенных бараках с зарешеченными оконцами, уходящими глубоко под землю.

На нары было брошено не менее трех тысяч человек одновременно! Но главной приметой Балхашлага были номера: они присваивались каждому и на переключке звучали вместо фамилий, личный номер заключенных был размножен в виде нашивок на спине, на груди и на коленях – самые уязвимые месте для меткого выстрела в случае чего. На побег из местного лагеря мог решиться только безумец.

Случались смерти - от болезней, от недоедания. Как свидетельствовал очевидец, перед тем, как трупы вывезти на погост, мертвых «проверяли на живучесть»- протыкали грудь штыком... Лагерное кладбище находилось прямо за

высокой кирпичной стеной. Сегодня только мраморный обелиск с японскими иероглифами да крест, поставленный в память о своих товарищах приезжавшими в 80-ые годы литовцами, напоминают о месте последнего покоя бывших политзаключенных. Давно разрушились стены барачных, развалилась саманно-кирпичная кладка высоких заборов, скрипят на разболтанных петлях лагерные ворота...

Нет больше Балхашлага! Как нет Сталина, Карлага – сгинул в реке времени весь огромный «архипелаг Гулаг», разбросавший когда-то свою колючую паутину по всей стране от севера до юга и оставивший черный след в истории уходящего века. Но Гулаг остался в судьбах миллионов людей. Бывшие узники Балхашлага, как и все, кому пришлось пережить ужас сталинских лагерей, повальных репрессий, клейменных подозрительностью властей «спецпереселенцами», не хотят говорить об этом, тревожить душу воспоминаниями. А если и соглашаются рассказать, как это было, то просят не называть их имен. Как объяснил один из бывших балхашлаговцев, он не хочет, чтобы его прошлое отразилось на детях и внуках, тем более что в городе остались жить не только бывшие политзаключенные, но и их надсмотрщики, надзиратели, у которых есть тоже свои дети и внуки. И не дай Бог, чтобы снова возникла вражда или месть, чтобы снова один человек подозревал другого, снова рождались наветы и доносы, как уже было в другие времена с теми, кто еще помнит это, испытал на себе.

То, что остался у людей этот страх, подневольные мысли о возможном повторении подобного кошмара концлагерного режима в жизни других поколений, по моему, самая главная вина перед людьми, пережившими это. Таков страшный урок из прошлого, в котором жертвами репрессий стали не только народы, нации и люди, их исковерканная жизнь, но даже их осторожная доньяне память.

Апрель 2001 г. «Пульс»

ТАЙНЫ СПЕЦХРАНА

В печально знаменитом Гулаге (Государственном управлении лагерей), оставившем трагический след в судьбах миллионов людей, испытавших на себе муки земного ада в годы сталинских репрессий, одним из самых густонаселенных и разбросавшим свою сеть по всему Центральному Казахстану был Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь) НКВД (Наркомата внутренних дел) СССР.

Но, несмотря на давность событий – а Гулаг развалился вскоре после смерти Сталина, наступившей в 1953 году – за эти прошедшие полвека спецхраны, ныне именуемые архивами по правовой статистике, все еще хранят свои тайны.

Доступ к документам эпохи Гулага ограничен, некоторые из этих документов по-прежнему остаются засекреченными. Но и то, что уже не представляет государственной тайны, достаточно красноречиво рассказывает о том, что было, что пережили узники гулаговских лагерей.

Их судьбы можно считать свидетельством обвинения тоталитарного режима.

«Я устала от лагерей..»

Как судьба Гикало Антонины Ивановны. В архивном деле сохранилась ее собственноручно написанная биография. Родилась Антонина Ивановна в 1897 году в Ставрополе. Отец был народным учителем, мать - домохозяйка, занимавшаяся воспитанием 8-ых детей.

Антонина Ивановна далее останавливается лишь на фактах трудовой биографии: в 1931 году работала врачом –фтизиатром в туберкулезном диспансере Северо - Кавказской железной дороги, 29 декабря 1937 года была арестована как ЧСИР- «член семьи изменника родины». Ее муж как брат опального первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии тоже был арестован. Как позже ей сообщили, он умер на первом году лагерной жизни в одном из сибирских лагерей от крупозного воспаления легких. Антонина Ивановна была осуждена - только за принадлежность к семье «врага народа»- на 5 лет лишения свободы.

Из ростовской тюрьмы по этапу она попала сначала в акмолинский лагерь. Ее, дипломированного врача, использовали на общих работах: приходилось заготавливать камыш, освоить работу точильщицы ножей, потом вышивальщицы. А с 1 августа 1939 года она была по этапу направлена в село Долинка – своеобразную «столицу» Карлага. Тут была востребована ее специальность врача-фтизиатра: туберкулез свирепствовал в лагерях из-за «благоприятных условий» для этой болезни в силу недоедания, антисанитарии при тяжелом физическом труде. Работая в центральном лазарете САНО-санитарного отделения- она выезжала на ликвидацию сыпного тифа в поселок Карабас, за что была отмечена благодарностью по лагерю и даже денежной премией. Потом А.И.Гикало была и начальником санчасти в сангородке, и врачом в поликлинике, и заведующей больницей в Жартасском отделении.

Уже давно истек ее лагерный срок, но ее по-прежнему держали при лагере, только теперь в качестве «вольнораемной», хотя на то была не ее воля - чужая. В 1953 году, когда после смерти Сталина началось сокращение лагерей и массовое освобождение из лагерей политзаключенных, она, по-прежнему «невыездная» и доведенная до отчаяния, решает подать прошение. Первое, в мае 1953 года, осталось безответным, а вот второе письмо сохранилось в архиве до сего дня. Она писала начальнику Карлага: « Мне 56 лет. Я хочу иметь на старости лет что-то постоянное, мне такую работу предлагают, но не будут же ждать бесконечно.. Сейчас лагеря сокращаются. Но меня все еще не отпускают, хотя я уже вольнораемная. Я хочу, чтобы вы поняли, какую травму, какое горе принесли мне отказом об увольнении. Вы же человек! В 1937 году у меня отняли честное имя, семью, дом, лучшие годы моей жизни. В чем моя вина? В том, что я жена брата Гикало Николая Федоровича, бывшего секретаря ЦК ВКПб Белоруссии? Могла

ли я знать, что он делает, что он думает, если я никогда с ним не встречалась? Только один раз виделись...Он был государственным деятелем, а я маленький, обыкновенный человек. Из-за этого 5 лет лагеря, сначала на общих работах, а потом врачом. В свою работу я вкладывала свой энтузиазм, любовь, душу, не думая, что я заключенная. В Карлаге проработала 16 лет, и за это время ничего порочащего меня не было. Я отдавала себя больным. Я одинокая, совершенно никому не нужная. Когда стану старухой, буду без работы. Неужели за свои страдания, за честную работу я не могу получить право устроить свою жизнь, получить постоянную работу, которую мне предлагают? Я просто устала от лагеря, от вида колючей проволоки, от Долинки!.. Отпустите меня! Не могу я больше! Вся жизнь опустошена...» И подпись: Гикало.

На этом пршение-мольбу, написанное 2 июня 1953 года, лишь 5 марта 1954 года был подписан приказ об увольнении В. И. Гикало из Карлага «в связи с выездом». Как сложилась дальнейшая судьба мученицы, проведенной в Карлаге вместо 5 лет все 16, куда она потом выехала, в архиве сведений нет. Но есть короткая справка, что в 1955 году дело В. .И.Гикало было пересмотрено, и все обвинения с нее сняты. Реабилитация опоздала на целую жизнь.

Рапорт из Балхашлага

Эта история совсем о другом человеке, хотя адрес местопребывания все тот же - лагерь с колючей проволокой, и уже не в далекой, а близкой стороне. Потому что Балхашлаг, вернее, его развалины расположены почти в черте города, в нескольких километрах от Балхаша. Достопримечательностью его можно назвать с большой натяжкой, и все-таки это тоже памятник нашей истории. В городе и теперь живут немало бывших узников Балхашлага, возможно, кто-то помнит имя Зубарева Петра Ивановича.

Он был начальником Балхашлага, который во владениях Карлага обозначен как «20-ое отделение исправительно-трудовой системы НКВД СССР». Время правления П.И. Зубарева в Балхашском лагере пришлось на сороковые, военные годы. Тогда и был написан этот почти победный рапорт о трудовых достижениях во вверенном ему хозяйстве, причем особенно старательно подчеркнута роль самого Зубарева в успехах лагерного отделения.

« В сентябре 1940 года я был выдвинут на хозяйственную работу и направлен для налаживания работы в Балхашском отделении Карлага, которое находилось в прорыве. За 8месяцев 1940 года отделение проработало с убытками, среди заключенных свирепствовала цинга. Трудовое использование заключенных было плохое. В результате проведенного ряда мероприятий по вытягиванию отделения из прорыва за остальные 4 месяца 1940 года отделение было выведено в передовые, дав накоплений 703 тыс. руб. В 1941 году было все мобилизовано на перевыполнение поставленных задач, в результате отделение имело накоплений 1596 тыс. руб., сверх плана 1061 тыс. руб. За 1942 год план накоплений выполнен на 1279 тыс. руб., сверх плана 237 тыс. руб. В 1943 году отделение дало

накоплений 1116 тыс. руб. сверх плана 152 тыс. руб. За 11 месяцев 1944 года отделение имеет следующие показатели: накопления 1297 тыс. руб., сверх плана 758 тыс. руб. Кроме того, за 1944 год был организован выпуск разных изделий ширпотреба для хозяйства Карлага. Всего за период работы в Балхашском отделении в хозяйство Карлага дано накоплений до 6 млн руб, сверх плана 2159 тыс. руб. Состояние на 1 декабря 1944 года выглядит хорошо. Мною как начальником 20-го Балхашского отделения Карлага НКВД все сделано для нормальной работы в 1945 году. » Подпись: Зубарев. Ударный, почти стахановский труд, судя по бодрому рапорту начальника Балхашлага, и миллионные прибыли свидетельствуют о посильном вкладе заключенных в общее дело Победы. Как вспоминали бывшие балхашлаговцы, работали они и в цехах комбината, и на рудниках, и на стройках города, разумеется, под конвоем.

В военные годы и на воле жизнь трудно было назвать сытой, что же говорить о скудных пайках в лагерях? Как и об особых лагерных условиях быта? Но кто тогда придавал этому значение? Дешевая рабочая сила пополнялась благодаря системе репрессий постоянно. Так что рапорт был достоверным. Людей за цифрами не видно, главное, чтобы был план и даже сверхплановое выполнение задач. Уж за этим следило лагерное начальство в лице Зубарева.

О его личности в архивном деле №8150 в дополнение к вышеприведенному рапорту, который свидетельствует о явно незаурядных организаторских способностях начальника лагеря – ведь вывел же Балхашлаг в передовые! – рассказывает сохранившаяся автобиография. Она тоже обрывается службой в конце 1944 года. Что было дальше, в архиве сведений нет. А вот о том, как Зубарев П.И. дослужился до должности – без почета - начальника Балхашлага, известно из документов. Из автобиографии Петра Ивановича следует, что он родился в семье бедняка-крестьянина 26 декабря 1904 года в селе Корпыханово Белокатайского района Башкирии. Отец умер в 1919 году. Старший брат участвовал в первой мировой войне, потом служил в Красной армии, в бою с белыми был убит.

Петр с 10-летнего возраста, как и его братья и сестры, работали по найму, а потом всей семьей вступили в коммуну «Красное знамя». После ее реорганизации Петр жил в семье дяди, после женитьбы построил себе избу. Летом работал в поле, зимой занимался «охотничеством».

В октябре 1927 года был призван в ряды Рабоче- Крестьянской Красной Армии-РККА, там вступил в комсомол. В январе 1928 года был командирован в 6-ой Туркестанский стрелковый полк, после учебы служил командиром отделения, был кандидатом в члены партии. Демобилизовался в 1929 году. В родном селе был назначен заведующим клубом-читальней. В 1930 году был принят в партию.

«В период массовой коллективизации я проводил массовую работу по ликвидации кулачества как класса. По рекомендации райкома партии поступил на работу в органы ОГПУ НКВД, затем был командирован на курсы и потом назначен заместителем начальника политотдела Приютовской МТС Бижбулакского района Башкирской АССР. Был снят с работы и предан суду военного трибунала. 19 августа 1934 года осужден по статье 113 УК РСФСР на два года с поражением в правах.

Отбыл меру соцзащиты при Карлаге НКВД.

20 декабря 1935 года был освобожден и отправлен по вольному найму работать при Карлаге. Все время работал по линии культуры воспитательного отдела управления. Первые годы инспектором, а потом начальником КВЧ Долинского отделения. С 3 сентября 1940 года был назначен на работу начальником Балхашского отделения Карлага НКВД. Решением заседания Президиума Верховного Совета СССР от 5 июня 1939 года судимость с меня снята. В октябре 1939 года я был принят «кандидатом ВКПб».

Далее следует то, что уже известно читателю: организация ударной работы вверенных ему заключенных Балхашлага на выполнение и перевыполнение заданий. Такая вот история...

В щупальцах спрута

И хотя в двух жизнеописаниях - Гикало и Зубарева – их разделяет та самая колючая проволока, на которую Вере Ивановне уже невольно было смотреть, а Петр Иванович той же «колючкой» очертил поле своей деятельности, все же есть в их судьбах некоторые параллели. Ни она- заключенная, ни он- начальник лагеря, не принадлежали самим себе, были винтиками в огромной машине всепожирающего Карлага.

Лагерь не отпускал их на волю, даже когда оба по разным причинам – она как член семьи врага народа, он как допустивший превышение полномочий – отбыли свою меру наказания, или, как пишет Зубарев «меру социальной защиты». Все равно их цепко держали щупальца спрута по имени Карлаг, даже работа вольнонаемными ограничивала свободу выбора.

Вряд ли начальнику лагеря были присущи те же душевные муки, что переживали заключенные, скорее, все свои способности он употребил на то, чтобы его похвально отметили за ревностную службу. Только итог все-таки общий: Карлаг ломал судьбы, подчинял «системе» всего человека - его ум, волю, душу, уродовал жизнь. Через это прошли миллионы людей.

И эту страшную быль не вправе замалчивать никакие спецхраны с их тайнами, потому что историю нельзя переписать заново, отбелить ее черные страницы, такие как Гулаг, Карлаг, Балхашлаг. Пробиваясь через толщу лет, давние события из архивов воскресают заново, взывают: помните!

Чтобы услышать этот зов, нужно иметь отзывчивое, доброе и мужественное и одновременно большое сердце, чтобы пропустить через себя чужую боль, принять на себя ответственность перед правдой.

По счастью, есть такие люди. Один из них Алексей Юрьевич Плахотин, молодой преподаватель Балхашского медицинского колледжа. Это благодаря ему, его неутомимому поиску и многолетней работе в архивах Караганды появились эти заметки. Как и почему родилась идея обратиться к этой непростой – по времени и судьбам- теме? Ответы читайте в интервью с А.Ю.Плахотиным.

Неизвестные страницы Балхашлага

Документы, представленные для публикации, оказались лишь вершиной большого айсберга, который открыл в ходе архивных поисков Алексей Юрьевич Плахотин. Его рассказ о других находках в Карагандинском областном архиве обнажил целый пласт неизвестных ранее страниц в истории Карлага и Балхашлага.

-Алексей Юрьевич, а почему вы заинтересовались архивом и вообще историй Карлага и Балхашлага? Что подтолкнуло в к этому?

-Наверное, все началось еще в школе. Уже в 7-ом классе я понял, что буду историком, потому что этот предмет мне был особенно интересен. Я очень благодарен своей учительнице Евгении Александровне Вовк, которая вела историю в нашей СШ№9. Это незаурядный педагог, ее уроки были не по учебникам. Да и не могли учебники поспеть за сменяющимися историческими вехами и политическими событиями. Евгения Александровна учила нас думать широко, оценивать самостоятельно, анализировать политическую ситуацию в стране. А это были бурные 90-ые годы с распадом Советского Союза, со сменой прежней тоталитарной системы на первые демократические преобразования. Тогда было очень много ярких публикаций в журнале «Огонек», который смелее других изданий говорил правду, рассказывал о прошлом без идеологических прикрас. Часть этих статей Евгения Александровна передала мне, когда уходила на пенсию. Говорила она и о Гулаге, тогда уже вышла книга А.Солженицына «Архипелаг Гулаг». Но тогда я не предполагал, что займусь этой темой. Я окончил исторический факультет Карагандинского университета, темой моей дипломной работы были «Социально-экономические отношения в казахском ауле в конце 19-го и начале 20-го века.» Руководитель моей дипломной работы Манен Ембергенович Омаров, на кафедре которого я специализировался, посоветовал мне продолжить научную работу. Но всерьез о научной работе я все-таки не думал, я уже работал по специальности, преподавал политологию в медицинском колледже, где и сейчас продолжаю работать. К тому же между Балхашским медколледжем и Карагандинской медицинской академией существует тесная связь – создан учебно-методический комплекс, так что есть возможности и для занятия наукой, и для контактов. Потом меня пригласили на научно-практический семинар, который состоялся в Караганде с участием – кроме казахстанских ученых- представителей Германии, Дании, Нидерландов. Тема встречи «Казахстанский Гулаг».Тогда было положено только начало большой работы, которую было решено продолжить по самым различным аспектам жизни Гулага, его Карагандинского филиала –Карлага, который, в свою очередь , имел несколько отделений, в частности, 20-ое Балхашское отделение. Было решено собрать дополнительные материалы, подготовить серию публикаций, возможно, выпустить своеобразную энциклопедию или сборник по Гулагу. Чтобы подробнее исследовать состояние заключенных в лагерях того времени, кто-то взялся разрабатывать тему охраны лагерей, кто-то культурно-просветительскую работу.

Я выбрал практически неизвестную тему, которая стала темой для будущей диссертации «Становление и развитие медико-санитарной службы Гулага в 1929-1959 годы». Тема по-настоящему захватила меня, но материалов очень мало, так что пришлось обратиться к областному архиву. Вот уже два года я свой отпуск посвящаю работе в архиве по правовой статистике. Ищу, собираю факты и документы буквально по крупицам, по обрывочным сведениям. Предстоит вскрыть огромный даже по времени -30 лет- неизвестный пласт жизни гулаговских лагерей.

Я нашел поддержку в лице своего дипломного руководителя в Караганде М.Е. Омарова, он стал моим научным руководителем. А соруководителем моим как соискателя ученого звания стал директор нашего медицинского колледжа, кандидат медицинских наук А.Н.Нурбеков.

Доступ к архивам помог получить помощник прокурора Карагандинской области, курирующий деятельность архива правовой статистики Горецкий... Вот так началось.

Рожденные в неволе

-Что удалось обнаружить такое, о чем еще мало знает широкая общественность? Что вас поразило, какие факты?

- Самым поразительным был факт рождения детей в лагерях. При многих отделениях Карлага были созданы так называемые «дома младенцев». Даже при строгом лагерном режиме, отдельных зонах для мужчин и женщин, как было и в Балхашлаге, все-таки они встречались. Но когда женщина становилась матерью, ребенка у нее забирали. Дети, рожденные в неволе, воспитывались в доме младенцев. В некоторых архивах встречаются такие свидетельства, что в детских учреждениях было 50 и более мест. И вот еще одно тому доказательство. Одним из лагерных врачей был Яков Константинович Думбадзе. Как следует из его послужного списка, он работал в доме ребенка, а позже в Долинке заведовал акушерским пунктом центрального лазарета. Так что принимал младенцев очень опытный врач. Его судьба по-своему трагична. Он родом из Дагестана, медицинское образование получил в Германии, 10 лет работал в евангелической больнице в г. Одессе. В 1935 году был осужден на пять лет лагерей. Был по этапу направлен в Караганду, работал в 9-ом отделении, затем на станции Моинты, потом в Караганде. То, что квалифицированный врач использовался в лагере лишь на должности помощника лекаря, не унизило его достоинств как врача. Когда он в 1939 году был освобожден, то его оставили в Долинке, это было нормой, что из лагеря его практически не отпустили, хотя он уже числился вольнонаемным. После заведования акушерским пунктом центрального лазарета он был назначен начальником этого лазарета, в 1945 году был переведен лечащим врачом, а 25 мая этого же года был уволен в связи с выездом. Судя по отметке в архивной справке, его личное дело было выслано в 1947 году в управление трудовыми лагерями в Грузии. Этому человеку могут быть благодарны за спасенные жизни те, кто родился и уцелел в лагерных домах младенцев.

-Судя по тому, что в лагерях существовали лазареты и даже дома младенцев, существовала целая медицинская отрасль в Карлаге?

-И довольно развитая, надо сказать, отрасль, были и аптеки, и САНУ, это санитарные отделы. В архивах упоминаются также малярийные станции, дезинфекционные пункты, станции скорой помощи, баклаборатории, психоизоляторы, туберкулезные отделения и даже венерологические. Вот один уникальнейший документ: «Докладная записка оперативно-чекистского отдела Карлага в Гулаг НКВД СССР о состоянии медицинского обслуживания заключенных» от 18 февраля 1943 года, подписанная начальником оперотдела старшим лейтенантом госбезопасности Яломковичем. В ней многократно упоминается, что заключенные больны пеллагройю. Это заболевание, связанное с плохим питанием, недоеданием, поражало не только кожу, вызывало кишечные расстройства, но могло привести к нервно-психологическим заболеваниям, а иногда и к летальным исходам. В докладной записке приводятся такие факты: в декабре 1942 года в Карлаге зарегистрировано было 1300 человек умерших, в январе 1943 года -1439 человек. Не указано, какое же количество гибло за год, какой процент они составляли среди всех заключенных. То есть даже при разветвленной системе медицина мало чем могла помочь обреченным людям.

Обреченные на смерть

-Бывшие балхашлаговцы, с кем приходилось встречаться, рассказывали страшные вещи: умерших, прежде чем похоронить, прокалывали штыками, чтобы удостовериться, что люди мертвы. Как в фильмах ужасов!

-Такие факты подтверждают и документы. Страшно было не только умирать, но и жить. В названном уже акте проверки чекистами состояния медицинского обслуживания заключенных от февраля 1943 года, приводятся просто дикие случаи. В одном из отделений своей бани не было, до ближайшей 300 метров. Больных в одном нижнем белье клали по 8-10 человек в сани, накрывали одеялом и везли в эту баню. Были случаи «утери» больных: они вываливались из саней и просто замерзали при тогдашних морозах до 30 градусов. Или другой факт из акта: заключенный Тарлыков Алексей был доставлен со стройплощадки в тяжелом состоянии, его поместили... в морг, ночью он начал кричать там, звать на помощь. Ему дали стакан кипятка и хлеба, а утром он умер. Надо сказать, что умирали люди и прямо в бараках. Как свидетельствует акт, на участке Березники «с 9 по 10 февраля в подконвойном бараке умерли пять заключенных», трупы не имели положенных бирок, и даже национальность, не говоря уже о фамилии, определялась по внешнему признаку, как и возраст. Хоронили, как правило, в братских могилах, сразу по несколько человек, и, действительно, как вспоминал один из хоронивших, тела протыкали насквозь штыками.

При том, что в лагерях постоянными спутниками были цинга, туберкулез, сыпной тиф, воспаление легких и уже упомянутая пеллагра, смертность была

очень высокой. В акте проверки чекистов отмечалось, что в одном из стационаров находилось сразу 250 тяжелобольных, на которых приходилось два врача. Да еще острый дефицит лекарств. Люди были обречены умирать! И умирали. Причем, как отмечалось в акте, «неосновательны ссылки, что смертность растет за счет вновь прибывших этапов, доставивших истощенных заключенных», так как из умерших в ноябре «по длительности пребывания в Карлаге имеют 4 человека по три месяца, свыше шести месяцев -13 человек. Это в ноябре 1943 года. В декабре из числа проживших в лагере более полугода умерли 27 человек, аналогично в январе 1943 года -22 человека.»

Бесстрастная статистика, а ведь в ней каждая цифра кричит! Как и приведенный в одном из документов факт выдачи ошибочной, взрослой! дозы лекарств для введения детям в доме младенца.

Меры все-таки принимались. Так, после акта названной проверки «по линии управления Карлага, в соответствии с указаниями наркомата, в 10 отделениях введено неограниченное количество коек для больных и пребывание в стационаре продлено до 1 месяца. Введено 3 выходных дня в месяц для заключенных, а также принят ряд других мер, в частности, по предупреждению хищения и разбазаривания продуктов...» Был проведен и ряд организационных мер по укреплению кадрами, в том числе в лагерной медицинской системе. Во всяком случае, в архиве я видел документ, выданный в Балхашском отделении Карлага Екатерине Михайловне Хвалынской, удостоверяющий, что она окончила шестимесячные курсы по подготовке фармацевтов при учебном комбинате Карлага. В числе изучаемых предметов были обществоведение, русский язык, химия, физика, которым, правда, отводилось немного часов. Химии, например, 15 часов, зато по формации 500 часов, по фармакологии 1200 часов. То есть подготовка была основательной. В справке, выданной Хвалынской, отмечено, что «испытания выдержала на отлично и ей присвоена специальность помощника фармацевта.» Думаю, Екатерина Михайловна сумела помочь многим, как и другие врачи.

Люди в белых халатах

-Архивы сохранили имена людей в белых халатах, тех, кто помогал заключенным выжить в Карлаге?

-Да. Я познакомился с несколькими личными делами врачей Карлага и могу сказать, что в большинстве своем это были удивительные люди. Через Карлаг прошла настоящая медицинская интеллигенция, люди с высшим образованием, большим опытом работы, уникальные специалисты. Так, я читал об уникальнейшей операции на головном мозге, проведенной в Карлаге. В лагере - трепанация черепа! Причем пациенткой была чуть ли не дочь начальника лагеря Линаина, но это мне еще предстоит уточнить в следующем посещении архива. Потенциал медицинских кадров был сам по себе уникальным. Я уже рассказывал о судьбе А.И.Гикало: она –опытный специалист по лечению туберкулеза. Может быть, это одна из причин, по которой ее долго не отпускали из Карлага, когда она

была уже вольнонаемной. Другая известная фамилия врача-акушера Я.К.Думбадзе, о котором я ранее упоминал. Еще одна яркая личность – приват-доцент Одесского института усовершенствования врачей К.Г.Гончаров. Он был арестован за «контрреволюционную деятельность» в 1937 году. Известный хирург, автор многих научных трудов, 30 лет заведовавший хирургическим отделением, Константин Григорьевич Гончаров был заключенным Карлага, отбывал срок в Долинке вплоть до июня 1942 года. Но и после освобождения его не отпускали еще долго. Вернулся ли он в родную Одессу потом, не знаю. Но о нем хорошо отзывались все, знавшие его, как о враче с большой буквы. Ему была дана в лагере единственная привилегия- он работал по специальности- хирургом.

И еще одна неординарная личность: Георгий Михайлович Древиц. Он был начальником санитарного отдела САНУ в центральном лазарете в Долинке. Его фамилия неоднократно встречалась мне в приказах по САНУ, в циркулярах. Но когда я запросил его личное дело, то удивился превратностям судьбы этого человека. Он был незаконнорожденным ребенком, потому в его деле прочерк в графе «отец», не указана национальность и даже год рождения, написано : «родился в конце 19-го века.» Фамилия дана матери, отчество от крестного отца. Он окончил четырехклассное училище, с матерью был эвакуирован в годы первой мировой войны в Смоленск. Здесь учился в частной гимназии, сам оплачивал свою учебу, подрабатывая частными уроками для других гимназистов. Его отчислили как «чуждый элемент». В первую мировую войну он успел послужить санитаром в госпитале, участвовал в борьбе с эпидемией «испанки» – сыпного тифа. Служил санитаром в Красной армии. В армии был помощником лекаря, потом работал клубным работником, окончил курсы комсостава и был в резерве политуправления РВС (революционный военный совет). Служил в штабе Западного фронта, а в 1922 году был направлен на учебу на медицинский факультет, он учится и служит в нефтесиндикате в Ростове. Был арестован по громкому делу Невзорова, связанному со взяткой, на пять лет сослан на Соловецкие острова, где работал врачом-хирургом до 1930 года. Был освобожден, работал в Липецкой больнице. Потом началась служба в НКВД –был начальником лагеря в знаменитых Соловках, видимо, по злой иронии судьбы, ведь там он отбывал срок как заключенный. Два года на Соловках. В 1935 году назначен начальником санчасти Беломоро-Балтийского лагеря. Потом работал в Сочинском лагере, там был еще раз арестован, видимо, за превышение своих полномочий, хотя в те годы не трудно было найти любую статью, чтобы человек чувствовал себя под надзором бдительно наблюдающих за ним глаз. На этот раз отсидел три года и был досрочно освобожден. После этого работал хирургом в Кемской больнице. И снова пришел работать в НКВД. Похоже, призывали туда сознательно тех, кто уже сам знал цену лагерной баланды. Таких людей провоцировали специально, еще крепче привязывая к лагерной цепи, хотя в качестве начальников над заключенными. Так с июня 1930 года Древиц стал начальником САНУ Карлага. Точно известно, что он работал там в годы войны, в документах того времени его имя встречается часто.

-Да по судьбе этого Древица можно писать географию всего Гулага: Соловки, Беломорканал, Сочинский лагерь, про который слышу впервые, потом Карлаг в Казахстане... И снова та же карусель : то он заключенный , то служит в НКВД... Странная судьба! А в документах не встречалось имя нашего земляка, хирурга Зозули, тоже прошедшего через Карлага?

-Я тоже им интересовался. Но его личного дела нет в архиве Караганды, возможно, оно потом было передано на Украину, куда он уехал из Балхаша. Специально отыскал штатное расписание Балхашлаговской больницы, выписал имена работавших там врачей Лидии Мефодьевны Липченко и зубного врача Тоникс - Бекетовой Клавдии Васильевны. К сожалению, их личных дел нет, только карточки, подтверждающие, что они работали в Балхашлаге. Но поиск веду. Ведь пока собран материал по Карлагу только до войны, предстоит еще составить картину медобслуживания в лагерях вплоть до 1959 года.

-Это же огромный труд! Не жалеете, что взялись за него?

-Нет. К тому же дает силы чувство, что иду как первопроходец, тема абсолютно не исследована. Вот случайно встретил в документах имя, а потом нашел дело начальника Балхашлага Зубарева, переписал от руки в свою тетрадь, которую в архиве на входе и выходе проверяют. Он ведь тоже человек из истории нашего края.

Выставка в музее

-Найденные вами документы где-то уже были представлены?

-Да, была организована выставка в городском балхашском музее. Рад, что заинтересовалась моей работой ваша газета. Возможно, кто-то вспомнит другие факты, пока неизвестные, по истории Балхашлага. Буду рад любой информации.

-А ваши студенты знают о ваших архивных поисках? И вообще, как вы считаете, сегодняшней молодежи надо знать о Гулаге?

-Во-первых, мои студенты и в медицинском колледже, и в филиале Казахстанско-Российского гуманитарного университета, где я тоже преподаю, знают о Карлаге. Я же рассказываю об этапах развития современного общества, а гулаговские лагеря – одна из страниц этой истории, хотя и достаточно мрачная. Но история как наука предполагает прежде всего правду : историческую, фактическую, документальную, а не идеологизированную, как было в советские времена. Когда даже энциклопедические словари все понятия трактовали с точки зрения коммунистической идеологии. Там нельзя найти даже упоминания о Гулаге, а замалчивание чревато рождением одинаковомыслия и манкуртизма. Человек же сам должен выбирать свой путь в этом мире! Формирование личности начинается с пробуждения у молодежи интереса к собственной стране, к отечественной истории. Меня радует, что моим студентам такой интерес присущ. К примеру, сейчас в медколледже в моей группе готовятся научные доклады по персоналиям, в том числе их заинтересовали личности врачей, работавших в Гулаге. Так что у меня есть чувство удовлетворения оттого, что история Отечества нужна молодежи по потребностям души.

-А как продвигается диссертация?

-Хотелось бы больше иметь для этого свободного времени, чтобы поработать с архивными документами, завершить сбор материала. Пока мною подготовлена статья для научного журнала, издаваемого в Карагандинском университете – о первых проведенных исследованиях по моей научной теме. Надо работать дальше.

Май 2001 «Пульс» КАРТА ГУЛАГА

В судьбах городов, как и людей, есть разные годы: ясные и пасмурные, героические и трагические.

«Мы живем с тобой у моря под названием Балхаш», - вслед за поэтом Руфь Тамириной, написавшей так светло о нашем городе в давнем стихотворении, мы все оказались причастны к истории Балхаша.

В канун печальной даты 31 мая, которая отмечается как День памяти жертв репрессий в нашей стране, давайте перелистнем лишь несколько страниц в биографии тех, кто не по своей воле оказался в степном городе.

С одними людьми мне посчастливилось встречаться, другие нашлись после нескольких лет журналистского поиска, а о третьих известно лишь из архивных документов. Сложился своеобразный триптих о времени, которое отзывается колокольным звоном скорби в наших сердцах и в нашей памяти. Если вслушаться чуткой душой, то эхо того времени оживет даже в городских улицах, в синих водах озерного залива, гулко откликнется в музейных залах, оставляя страшные следы на карте Прибалхашья.

Тем, что в годы массовых репрессий Балхаш стал одной из многочисленных лагерных зон, мы обязаны чудовищному монстру по имени Гулаг – Главному управлению лагерей особого назначения. О создании Балхашлага документально известно было еще в 30-ые годы, разумеется, это тогда не афишировалось. Страна узнала о Балхаше в знаменательную пору строительства на берегу озера медного гиганта.

То, что среди строителей Балхашского комбината и самого города были не только выдающиеся люди, как первый директор Прибалхашстроя В.И.Иванов, бывший лидер Советского Казахстана Д.А.Кунаев, московские метростроевцы, лучшие специалисты горного дела и цветной металлургии, комсомольцы-добровольцы, но еще и заключенные, умалчивалось долгие годы. Но теперь –то мы уже знаем, какой ценой оплачено рождение родного города.

Об этом напоминают разрушенные стены Балхашлага и заброшенное кладбище за бывшей лагерной стеной. Они находятся совсем близко, почти в городской черте, только дорога туда тяжела для сердца. Потому что больно смотреть, как сравнялись с землей бывшие лагерные бараки, как бесприютно над братскими могилами стоит одинокий крест, поставленный своим соотечественникам более двух десятилетий назад делегацией, приезжавшей из Литвы. С упреком обращены к редким посетителям иероглифы с упавшей

таблички над мраморной плитой, к которой приезжали с поклоном группы из Японии.

Вспоминают об этом тихом погосте в городе редко: когда ждут зарубежных гостей, навещающих время от времени место лагерного пребывания и гибели своих соотечественников, да еще в День памяти жертв репрессий, когда делегации национальных центров выезжают для возложения цветов к месту гибели себе подобных.

Этот добрый акт становится традицией, значит, еще осталась в нас готовность к покоянию за безвинные смерти подневольных земляков.

В один из таких приездов литовские активисты общенародного в этой балтийской стране движения «Тримтис», что в переводе на русский означает «Ссылный», побывали на территории Балхашлага. Они вели там видео и фотосъемки для будущей книги о жертвах сталинского террора и местах их последнего приюта. Это было прошлой осенью, а недавно в адрес балхашского историко-краеведческого музея пришел необычный подарок из Литвы: карта Гулага.

Возможно, подобную карту посетители музея уже видели, если побывали у стенда, посвященного Балхашлагу. Она была ранее передана нашему музею. Теперь же карта больше и по размеру, и по числу уточненных лагерей гулаговского спрута. Эта карта готовится к экспозиции, я же видела ее в музейном хранилище.

Мне стало страшно от обилия черных точек на карте бывшего Союза. За каждым кружком и ромбиком, похожим на миниатюрное надгробие, виделись такие же, как в Балхашском лагере, ряды колючей проволоки, высокие заборы с вышками для охранников, утолщенные стены бараков, уходящих окнами в землю. Мне показалось, что если приложить сердце к этой карте, можно услышать людские стоны, эхо расстрелов, свист ветра в сорванных с петель лагерных воротах...

Но по настоящему стало жутко, когда всмотрелась в черные точки на карте. Порой под ними не видно свободного места. Вот знаменитый Магадан. Считаю точки лагеря: одна, две, десять, двадцать, пятьдесят... На 91 значке просто сбилась со счета. Сколько же там полегло людей! Сколько душ оставшихся в живых людей искалечено! Ведь с реабилитацией не спешили. Знаю по балхашским адресам, что справку о реабилитации, то есть о признании невиновными, люди ждали по 40-50 лет, такие справки выдавались еще и в 90-ые годы. Вслед за уже прожитой судьбой приходили формально-канцелярские листки, запоздало сообщающие, что зря человека мучили – физически, морально и духовно – сначала за колючей проволокой, а потом в долгом ожидании права на свободу.

К некоторому удивлению своему нахожу пусть одиночные, но все –таки точки лагерей рядом с Москвой, на Дону, около Баку, на острове Сахалин, под Астраханью, рядом с Вильнюсом, Минском. «Столичную прописку» имел и лагерь, обозначенный близ Алматы. Да! Гулаговская страна в стране... Самыми густо населенными были, судя по карте, Урал, особенно Северный, Сибирь – от Алтая до Красноярска, Дальний Восток и наш Казахстан

В казахстанской географии видны знакомые контуры нашего озера, чуть выше – сеть лагерей под Жезказганом и Карагандой. Все лагеря Центрального Казахстана объединяла империя Карагандинского лагеря –Карлаг.

У оставленной литовскими правозащитниками карты есть обратная сторона. Она выглядит как фотовернисаж. На каждом снимке –документальное свидетельство того, что это было! Северные лесоповалы, таежные зоны, лагерные кладбища, с которых по настоянию и по доброй воле литовской общественности эксгумируются останки собратьев, чтобы перезахоронить их на родине. Тяжело смотреть это даже на фотографиях!

Не приходится гордиться, что в этой фотообвинительной галерее отведено место и нашему краю: на снимке разрез Коунрадского карьера, его ни с чем не спутать. В свое время такой карьер с открытой разработкой был единственным в Союзе, как мне говорили сами коунрадцы. Если смотреть с нижних горизонтов карьера в небо, то, как из глубокого колодца, оттуда даже днем можно увидеть звезды.

Однажды, услышав об этом, я захотела увидеть это своими глазами, но, наверное, зоркости не хватило. Однако свидетельствую, что в сумерках звезды уж точно видны и что таких крупных и близких звезд с обычной земной высоты я не видела никогда.

И вот под этими звездами, встающими над карьером в коньратских сопках, на берегу озера жили, работали тысячи узников Балхашлага. Они строили рудник, цеха комбината, железную дорогу, тянули нитку водопровода, рыли котлованы.

Об этом вспоминала бывший режиссер городской студии телевидения Л.К.Новьянова, плакавшая при рассказе о пережитом, как плакала в лагере от ноющей боли в руках, дрожа от холода под мокрой от дождей фуфайкой, в которой утром снова надо было идти и вставать в постылый строй: сначала для получения порции лагерной баланды, а потом колоннами на место рукотворного бесконечного котлована.

О многом вспомнилось у карты Гулага, хотя мои воспоминания о том времени вторичны, являются лишь сопереживанием тем людям, которые сквозь слезы, с надрывом рассказывали о лагерной жизни в многочисленных, разбросанных точках огромного архипелага Гулаг.

Так и стоит перед глазами, кровоточит эта вдруг ожившая карта страданий, боли и людского горя. В ней отражение беды и безвинной вины обреченных, прошедших через ад репрессий в годы террора государства против собственного народа. Эта карта, сама биография Гулага являются свидетельством обвинения темному времени в истории многих народов, в том числе в судьбах наших земляков-балхашцев. Когда вы сами увидите эту страшную карту в музее, вы поймете мои чувства гнева, печали и святого долга перед жертвами репрессий-помнить об этом!

История Балхаша, как и в сегодняшнем дне, многонациональна. Сколько судеб перекрещено на городских дорогах! При подготовке материалов о репрессиях мне доводилось беседовать с представителями всех национальных диаспор, живущих уже в нескольких поколениях на берегу озера. Через сердце, не только в статьях, прошли семейные истории дальневосточных корейцев, в

одновременно выселенных из родных мест, и выходцев с Кавказа, тоже депортированных в Казахстан в предвоенные годы.

Я встречалась со спецпереселенцами и трудармейцами, среди которых были русские и немцы, украинцы и прибалты, сибиряки и уроженцы с Волги, Урала. В числе пострадавших от репрессий были рабочие и крестьяне, учителя и инженеры, артисты и ученые. Гулаг все анкеты о социальном положении регистрировал одним именем – зэк, то есть заключенный.

О жизни за колючей проволокой, в том числе в Балхашском лагере, мне рассказывали бывшие узники, оставшиеся в Балхаше на всю жизнь. Много лет назад в Ленинграде во время первой встречи с семьей Русакова я впервые услышала о том, как геолога с мировым именем, первооткрывателя десятков крупных месторождений в стране, в том числе Коунрадских медных залежей, М.П.Русакова арестовали по нелепому обвинению в сотрудничестве с иностранными разведками, потому что его, как ученого приглашали во многие страны. Именно в Балхаше были опубликованы его дневники из лагеря, позже представленные в первой мемориальной выставке о Гулаге в Москве.

Карта Гулага вобрала в себя тысячи судеб, в том числе наших балхашцев. И хочется, чтобы ни одно имя не осталось без внимания, чтобы они остались в истории города и в нашей памяти. У нас нет права на забвение!

июнь 2001 г «Пульс»

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ

31 мая в казахстанском календаре отмечен как День памяти жертв политических репрессий. И каждый год в этот день пять лет подряд балхашцы собираются у скорбной стелы на площади перед акиматом, чтобы почтить память безвинно погибших в годы красного террора и необъявленной войны режима против народов и наций.

Торжественно-траурный митинг открыл первый заместитель акима города В.П.Катков. Перед собравшимися также выступили секретарь городского маслихата Б.Б.Жаубаева, председатель городского совета ветеранов войны и труда К.А.Айдарбеков, представители национальных диаспор: корейской – А.В.Лим, немецкой – Н.Н.Газетова, ветеран труда Актогайского района, бывший узник Гулага З. Копбаев, а также настоятель Никольского православного храма отец Виталий и главный имам Балхашской мусульманской региональной мечети К.Ормантаев.

В каждом выступлении главной была главная мысль - мы не вправе забывать уроки прошлого, чтобы никогда не могли повториться страдания и боль, выпавшие на долю жертв репрессий в 20-50 годы. В их числе были более миллиона человек, которых насильно изгнали из родных мест и переселили в Казахстан. Так стали казахстанцами в те годы корейцы с Дальнего Востока,

немцы с Поволжья, негодные диктаторскому режиму жители Кавказа, Прибалтики, Крыма.

И казахский народ, потерявший в эти страшные годы более 100 тысяч своих лучших сыновей, свою национальную элиту, из которых 24 тысячи человек были расстреляны в застенках гулаговских лагерей, сумел встать над собственной бедой и по-братски предоставить депортированным, спецпереселенцам и другим негодным тогдашней власти людям и кров, и стол.

Это великодушие, поддержка и помощь казахстанцев помогли выстоять людям, без вины виноватым. Такое не забывается, остается навсегда в памяти сердца. И об этом с благодарностью говорили участники митинга.

В память о жертвах репрессий объявляется минута молчания. После поминальной молитвы в церемонии возложения цветов участвовали руководители города, делегации БГМК и ЗОЦМ, общественных организаций и национально-культурных центров, а также ветераны города и молодежь.

После митинга состоялась ставшая традиционной поездка на место бывшего лагерного поселения, одного из 93 подразделений Гулага в Казахстане, в Балхашлаг. Здесь, рядом с разрушенной лагерной стеной находится мемориальное кладбище, ставшее местом последнего приюта заключенных Балхашлага, немецких и японских военнопленных. Братские могилы давно сравнялись с землей, засыпаны пульпой, и неведомо, кто и когда здесь был похоронен, как неизвестно и число умерших. Исключение составляет лишь недавно поднятая соотечественниками из бывших военных архивов справка что в балхашской земле захоронен 51 японский военнопленный

Список именной, и несколько лет назад приезжавшая в наш город неправительственная организация из Японии благодаря архивным документам смогла помочь найти двум сестрам могилу их отца, чтобы поклониться его праху. Над степью веет жаркий ветер, он перебирает лепестки роз, возложенных приехавшей делегацией балхашцев во главе с заместителем акима Л.Г.Еске к мраморному надгробию над японскими могилами и католическому кресту, поставленному бывшими балхашлаговцами из Литвы. Цветы алели просто на степной земле, как капли крови и негасимые следы нашей общей памяти о всех безвинно погибших в годы репрессий.

Июнь 2002 г «Пульс»

МИТИНГ ПАМЯТИ

День памяти жертв политических репрессий в республике отмечается в шестой раз. Но это официально, а в душе и в сердце старшего поколения годы «красного террора» и зловещей политики геноцида, оставивших след в судьбах многих народов, не забывались никогда.

На казахской земле в годы массовых репрессий и насильственной коллективизации погибли миллионы людей, многие были вынуждены уехать на чужбину. В 30-50-ые годы в Казахстан были депортированы корейцы с Дальнего Востока, выселены немцы из Поволжья, сосланы коренные жители Кавказа, Крыма, Прибалтики. Для многих из них Казахстан, в том числе и Балхаш, стал второй родиной, здесь родились их дети и внуки. Потому на городской митинг у памятника жертвам репрессий вместе с ветеранами пришла и молодежь. У многих в руках цветы.

Открывая митинг, аким Балхаша К.К.Ахметов призвал не забывать уроки прошлого и сделать все, чтобы подобное никогда не повторилось. Своими воспоминаниями поделился представитель корейской диаспоры, ветеран труда А.В.Лим, от имени немецкого национально-культурного центра и трудармейцев выступил Г.Г.Майер. К собравшимся обратились также настоятель Никольского православного храма иерей отец Виталий и имам региональной мусульманской мечети Д. Слайменов.

После церемонии возложения цветов объявляется минута молчания. По традиции казахского народа раздается поминальное угощение. А над площадью торжественно и скорбно звучит музыка, напоминая о тех, кто был расстрелян, погиб в лагерях. Прошлое взывает к нам: помнить, кому мы обязаны жизнью!

Июнь 2002 «Пульс»

ЖИВИ И ПОМНИ!

Неоптимистическая трагедии в документах и судьбах

В этом году исполняется своеобразный юбилей одного из самых зловещих документов в истории. В августе 1932 года ЦИК СССР одобрил закон «Об укреплении социалистической собственности», подписанный собственноручно И.Сталиным.

Согласно новоявленному закону, все лица, начиная с 12-летнего возраста, за малейшую провинность, например, дети, подбирающие колоски в поле или попавшие под подозрение, объявлялись «врагами народа» и могли получить срок не менее 10 лет. Итогом первого года этого бесчеловечного акта стало около 300 тысяч осужденных, причем 5 процентов были приговорены к расстрелу, 55 процентов получили срок наказания 10 лет.

Личный вклад Сталина был не только в написании самого закона, угрожающий термин «враг народа» тоже принадлежит вождю.

Поразительно, что все виды расправы над людьми делались под благовидным предлогом и даже на «законных основаниях». Карательному юбилейному документу от 1932 года предшествовали другие. К примеру, в 1928 году на июньском пленуме ЦК ВКПб Сталин выдвинул тезис, что «классовая борьба будет обостряться по мере продвижения вперед». Вскоре этот тезис был узаконен: 1 февраля 1930 года было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством.» Особенно преуспели власти в борьбе с кулачеством – были выселены из родных мест за год более 381 тысячи крестьянских семей, в том числе 100 тысяч осуждено. Суд был скорым...

А вот еще один «юбилейный документ»: в циркулярном письме Верховного суда РСФСР от 26 декабря 1932 года «Об усилении работы по охране колхозов и колхозников от кулацких угроз и насилий» подчеркивалось : «в целях решительной борьбы с вылазками кулацко-капиталистических элементов» эти «вылазки» были приравнены к государственным преступлениям. «С применением в качестве меры судебной репрессии лишения свободы на срок от 5 до 10 лет в концентрационных лагерях».

Обратите внимание на последние два слова. Даже документы «проговаривались», ведь советским людям внушали, что все враги народа, в том числе кулаки и антисоветчики разного толка, после приговоров направлялись в исправительно-трудовые лагеря, где успешно проходили «социалистическую перековку». А на деле это были концентрационные лагеря с жесточайшим режимом эксплуатации, унижения человеческого достоинства и полного пренебрежения к ценности самой жизни.

В щупальцах спрута

Одним из таких лагерей был Карагандинский лагерь ОГПУ –Карлаг. Уже в 1931 году на 1 июня в Карлаге насчитывалось 21323 заключенных 47 национальностей. Но бесплатной рабочей силы для подъема социалистической экономики требовалось все больше, в том числе и в Казахстане, и в Карагандинской области, где создавался мощный угольный бассейн, а на берегу древнего озера Балхаш начинал строиться гигант цветной металлургии. Стройкам нужна была дешевая рабочая сила, которой хоть лагерную пайку, но надо было давать. Потому и отделения Карлага носили специфический характер.

- Работали больше по сельскому хозяйству. Огороды были большие, выращивали овощи, картошку. На фермах работали заключенные, у нас в хозяйстве были овцы, коровы. Политические –самая лучшая рабочая сила, у них и охрана-то была мизерная – на 25 человек одного охранника хватало. Лагерь как лагерь, были зоны мужские и женские. Если дети рождались,то их сдавали в дом ребенка, а матерям разрешали приходить их кормить. (Красноречивые цифры из справки, которую прочла позже: в 1939 году в Карлаге было 450 малышей, за один год умерло 114 детей. В 1947 году в лагере находилось 814 детей, до 1950 года дожили 209.) У нас и клуб был. Народу было много, политические сидели по 58-ой статье за измену родине, среди них были видные военачальники и члены семей врагов народа. Зря не сажали!

Так вспоминал о своей работе в лагере бывший охранник Сергей К., с которым меня однажды свел случай. Он сам выбрал такую работу, и даже гордился, что под его началом были Селезнев, Прохоров, Орлов, Смушкевич, Игловиков, многие другие известные лидеры. Что ж, каждому свое: жили –то по разные стороны колючей проволоки. И хотя бывший надзиратель рассказывал о Карлаге 1945-1955 годов, специфика такого сельскохозяйственного спецлага начиналась с момента создания таковых в нашей области в далекие 30-ые годы. По документам и воспоминаниям бывших узников Карлага, работать приходилось не только на сельхозполях, но и на стройках, рудниках, на прокладке железных дорог, в шахтах.

Но вернемся к хронике тех давних трагических событий, к документам и судьбам. Молох репрессий пожирал все больше людей. Толчком к очередной расправе над своим народом, над всеми инакомыслящими было убийство 1 декабря 1934 года видного политического деятеля С.М. Кирова. Теперь уже не осталось сомнения, что это было заказное, хорошо спланированное убийство человека, авторитет которого в народе был высок, особенно у питерцев, чей город считался неофициально второй столицей Союза. Допустить соперничество, честное и разумное, было не по-сталински. А нет человека, нет и проблемы. Зато есть еще один повод ужесточить репрессии.

В день убийства Кирова молниеносно было подготовлено постановление Президиума ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы Союзных республик». Отныне следствию отводилось не более 10 дней. Дела рассматривались без прокурора и адвоката. Обжалованию и помилованию приговоры не подлежали. Приговоры о расстрелах приводились в исполнение немедленно. Максимальный срок лишения свободы был повышен с 10 до 25 лет.

Был проведен еще ряд «преобразований»- ОГПУ сменило НКВД с увеличением численности его рядов. В ноябре того 1934 года было создано особое совещание при наркоме внутренних дел с подведомственными ему «тройками». По сути, карательные органы встали на один уровень с партией, а потом даже заслонили ее, выйдя из-под контроля. Рождался, по точному выражению А.Солженицина, целый «архипелаг Гулаг».

Щупальцы этого питающегося кровью и жизнью людской спрута охватывали всю страну. По карте Гулага, составленной правозащитниками Литвы, которую бывшие балхашлаговцы передали в Балхашский городской музей для экспозиции, посвященной репрессиям, можно изучать географию. Лагеря были в Подмосковье, Прибалтике, на Украине, на Севере, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке. Одним из самых крупных подразделений Гулага стал Карагандинский лагерь. Карлаг с многочисленными ответвлениями опутал цепкой паутиной весь Центральный Казахстан.

Расстрельные годы

Самый пик репрессий пришелся на 1937-1938 годы, их можно назвать расстрельными годами в истории сталинского режима. К этому приложили руку и местные власти в республике. Так, развернувшаяся повсеместно организационная работа по «разоблачению врагов народа» отозвалась на январском пленуме крайкома КП Казахстана решением «Об усилении борьбы с казахскими националистами, действующими единым фронтом с контрреволюционным троцкизмом». А в декабре 1937 года по предложению (!) ЦК КПб Казахстана была утверждена чудовищная резолюция «Об увеличении количества репрессированных по Казахстану на 600 человек по первой категории и на 1000 человек по второй категории». Это означало, что дополнительно к плану(!) надлежало приговорить 600 человек к расстрелу и 1000 –к лагерям. И полетели головы. Да какие!

Поразительный документ того времени, связанный с нашим городом. На областной партконференции в Караганде в январе 1937 года была наведена критика: до сих пор в Балхаше не разоблачен ни один «враг народа»! Ну, партия сказала «надо!», значит, будут разоблачения! На этот период пришелся арест и расстрел «антисоветчика» Ю.Пятакова, замнаркома тяжелой промышленности. Конечно же, он действовал не один. Нашли «пятакцев» и в Балхаше. По воспоминаниям И.Т.Волкова, с которым я встречалась незадолго до его смерти, в 1937 году в Балхаше были арестованы по делу Пятакова 18 человек. В том числе

легендарный В.И.Иванов –первый директор Сталинградского тракторного завода, за который он был удостоен ордена Ленина под №7, и А.К.Горский, кавалер ордена Ленина под номером 8. Оба они из Сталинграда были направлены на Прибалхашстрой: Иванов первым директором, Горский вел все металлургическое производство «Пиростроя». В числе арестованных был и В.И.Пухов, о котором с восторгом писал побывавший на стройке у озера писатель Юлиус Фучик, как о замечательном инженер-горняке, пробурившем первые скважины на Коунрадском месторождении.

Всем балхашским «врагам народа» были предъявлены многие параграфы 58 статьи: «вредительство», «террор», «участник контрреволюции»... А еще им приписали «экономический саботаж и измену родине». Это означало одно – расстрел!

В этом году исполняется горький 65-летний юбилей кровавой расправы над многими видными политическими деятелями Казахстана, его партийной элиты, промышленной и творческой интеллигенции. Не щадили и рядовых. В одном расстрельном списке 1937-1938 годов руководитель партии «Алаш» А.Букейханов, писатель С.Сейфуллин и балхашцы –начальник Прибалхашстроя В.И.Иванов, рабочий балхашской ТЭЖ И.Морев, председатель сельхозартели Коунрадского района Г.Тускаев, слесарь горкомхоза В.Захарчук, второй секретарь Коунрадского райкома партии Н.Иманкулов, шофер райотдела связи А.Кириллов, начальник планового отдела Прибалхашстроя М.Грольман, слесарь В.Аратюнян, парикмахер ЛиЮн Дин, мулла Н.Биттегулов...

Эти имена вошли в «список скорби», составленный по документам областного спецархива. А всего по Казахстану в 1937-1938 году было арестовано 103 000 человек, из них 23 000 расстреляны... Поклонимся их праху, и не забудем, что это было!

И.Т. Волков, работавший позже в областной комиссии по реабилитации, видел подлинные дела своих земляков, которых знал лично и работал с ними, говорил, что был потрясен трехтомником лжи и оговора в деле В.И.Иванова и другими документами о расстрелах. Сам И.Т.Волков был тоже арестован, но 14 месяцев тюремных испытаний не сломили его. От гибели его спасло то, что после разоблачения Ежова была создана видимость справедливости, и Волков оказался в числе освобожденных. Он вернулся в Балхаш, здесь работал до последнего часа.

Следы издевательств, оставшихся у И.Т.Волкова –он плохо слышал, так как его методично избивали на допросах, остался шрам на лице – были... узаконенными!

По инициативе Сталина еще в 1936 году была принята секретная инструкция «О допустимости применения любых методов следствия в отношении врагов народа». И пытки активно применялись для выбивания признаний. А.Солженицын приводит в своей документальной трагедии «Архипелаг Гулаг» описание 31 способа насильственного допроса. Из рассказа И.Т. Волкова мне зримо запомнилось про свет ламп, бьющий прямо в глаза, круглосуточные допросы без сна со сменяющимися друг друга дознавателями. А еще его сажали на острую планку, прибитую к стулу, к которой еще можно было притерпеться, но специально заставляли на ней поворачиваться. Так что следы на теле выживших

подобные допросы оставались на всю жизнь. А что тогда говорить об их израненной душе!

У любимой мной Руфь Тамариной, человеке и поэте, пережившей ад лагерей, было достаточно мужества, чтобы не только выжить в этом аду, но и записать в памяти стихами: « косыми ржавыми воротами перечеркнули жизнь мою...»

Мы недаром дети века
Умеем временем дышать.
Быть не рабом, но человеком
Нас и штыками не лишат!

Благодаря живым свидетелям тех страшных расстрельных годов, мы и знаем правду о том времени. Мучительную, горькую, но необходимую правду. Потому что без памяти о прошлом нет ни человека, ни народа, ни культуры...

У далеких берегов Амура

Ныне процветающая Южная Корея, о которой мы знаем не понаслышке, а по балхашской яви, по деловым контактам с комбинатом, по специалистам, работающим в нашем городе, не может вычеркнуть из своей истории то, что пережили их соплеменники в далеком 1937 году. Тягостный юбилей – со времени депортации корейцев из Приморья прошло уже 65 лет. Сменились целые поколения. Но осталась память, передаваемая от дедов детям и внукам.

Ветерана труда, бывшего директора швейной фабрики Р.П.Цой в городе знают многие, не раз встречалась с ней и я. Ее коллектив был в числе передовых, сама активистка, общественница. Всегда спокойная, улыбчивая, и только однажды я видела ее слезы, когда она говорила о судьбе своей семьи.

Жили они в Приморском крае, где испокон века было много корейцев. Народ трудолюбивый. Взрослые работали в рыболовецком колхозе, мужчины обычно все лето были в море, редко бывали дома. А как-то вернулись все разом: им в одночасье было велено уехать со своими семьями из этих мест. Куда – никто не знал. Везли их в товарных вагонах, народу много, запасы продуктов с собой минимальные. Люди умирали, но их даже не давали похоронить – поезд шел дальше. Однажды в вагон пришли за отцом, прямо в вагоне арестовали. Больше семья его не видела.

Мама берегла детей как могла. Довезли до Астраханской области. Там работали. Им потом еще не раз приказывали сниматься с места. В Казахстане были сначала в Акмоле, потом в холодном апреле привезли на станцию Моинты. Неделью жили прямо на земле. Оттуда попали в Восточный Коунрад, где на шахтах работали много корейцев. Тут и осели.

Домом стал город у озера не только для Р.П.Цой, но и для сотен ее соотечественников. Всех депортированных из Приморья в свое время собрала вокруг себя бывший председатель корейского культурно-национального центра Р.И.Син. В сегодняшней корейской диаспоре более двух тысяч человек. И почти в каждой корейской семье старшие помнят те жестокие годы депортации. На излом

судеб дальневосточных корейцев тоже был разрешительный документ : постановление СНК и ЦК ВКПб «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». «По подозрению в японском шпионаже»...

В многонациональной семье народов СССР, чья дружба воспевалась как великая мудрость вождя народов Сталина, изгоями оказались и другие нации и народности. Назовем только документы того времени. 1938 год- постановление о переселении иранцев из Азербайджана в Казахстана. 1941 год - о размещении немцев Поволжья в Казахстане, о переселении немцев из Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР. По различным данным в 1941- 1942 году в Казахстан было депортировано от 225 000 до 360 000 немцев.

В 1943 году последовали новые постановления – о переселении в Казахстан карачаевцев и калмыков. По данным 1949 года в Карагандинской области проживало 117 043 спецпереселенцев.

Для многих из них Казахстан стал второй родиной. Но гены страха еще долго жили в душах людей, изгнанных из своих родных мест. Мне запомнился рассказ людей, переживших в лихолетье регулярные отметки в спецкомендатурах, потому что для властей они были «неблагонадежными». Они боялись даже стука в дверь: то ли на работу срочно вызывают, то ли пришли арестовывать.

Некоторым произвольно меняли фамилии. Так, Иоганна В. называли Иваном не только устно, но и задокументировали в паспорте, заменив родное немецкое имя на русское. А жительница поселка Торангалык, которую все знали как бабу Катю, только перед отъездом в Германию переписалась на свое подлинное имя Гретхен. В семье Р. два родных брата имеют по паспорту разные национальности и разные отчества. Их отец был в числе других крымских татар переселен в Казахстан, и гены предосторожности заставили при рождении первого сына дать ему русское имя и даже записать русским по рождению. И только потом, уже второму сыну, он дал свое имя для отчества и родную национальность.

Я не привожу фамилии этих людей, чтобы не травмировать лишний раз и не будить оставшуюся в глубине их душ и памяти тревогу. Сталкивалась я и с тем, что многие бывшие узники лагерей наотрез отказывались рассказывать о себе, потому что всю послелагерную жизнь прожили как изгои, с недоверием окружающих. На склоне лет они не простили своей обиды: не властям–людям, не веривших в их невиновность. Они до сих пор не освободились от гнетущего чувства загубленной по чьему-то навету молодости, да и всей жизни. Такой судьбы никому не пожелаешь.

Спецпереселенцами были люди разных национальностей. Корейцы с Дальнего Востока, немцы с Поволжья, татары из Крыма, чеченцы с Кавказа... Лишь много лет спустя они получали справки о реабилитации. Как и бывшие заключенные Гулага. В Балхаше в списках реабилитированных было более 400 имен, хотя на самом деле их было гораздо больше. Многие при первом же разрешении возвращались на родину - в Прибалтику, на Волгу, на Украину, на Кавказ... Да и годы многих уже свели в могилу. Одно счастье, что они уходили из жизни свободными!

Свобода после смерти

Так говорила сестра умершего в Балхаше бывшего узника Балхашлага В.Юрвичуса. Сама П.Жайкайте, как и вся ее семья, как тысячи соплеменников, тоже прошли через Гулаг. Литовская страница в историю Балхашлага была вписана после войны. Как и японская. Балхашское отделение Карлага и его филиала Степлага в послевоенные годы стала последним приютом для 51 японского военнопленного. К иностранным подданным относились с большим почтением, потому и остались точные списки захороненных в нашей степи японских солдат и офицеров.

А рядом находятся в запустении сотни безымянных могил. Они сравнялись с землей, и каждый раз перед 31 мая при посещении большого многонационального захоронения за стеной бывшего Балхашлага становится стыдно и больно за наше беспамятство. Бывшие в забвении при жизни узники лагеря легли в землю бесфамильными, под номерами, и были вновь преданы забвению. Только и остались над ними изрядно уже пострадавшие памятники – литовский деревянный католический крест и мраморная плита с японскими иероглифами. В 2000 году при посещении Балхаша правозащитники из Литвы вносили предложение построить на месте лагерного кладбища мемориальный комплекс, изъявили желание помочь в финансировании и создании проекта самого мемориала. Пока продолжения не последовало.

Но рождаются новые замыслы. Так, по сообщению Г.В.Плотникова, председателя областного филиала казахстанской ассоциации жертв политических репрессий, в Караганде состоялась конференция и большая документальная выставка о Карлаге. Балхашлагу посвящена экспозиция балхашского городского музея, где собрано немало материалов по истории репрессий 30-50-ых годов.

Тяжело читать документы об этом времени, об искалеченных судьбах, о жертвах кровавого монстра Гулага. Поневоле думаешь: хорошо, что это осталось в прошлом. Хотя не в таком уж далеком. Эхо слышится и поныне.

Буквально на днях состоялась встреча, отозвавшаяся таким эхом. Абай Абдрахманов, бывший студентом алмаатинского сельхозвуза, был в числе активных участников декабрьских событий на центральной площади Алматы в 1968 году. Противостояние молодежи властям, требование независимости для Казахстана было расценено как националистическая акция. Абай был арестован, 18 дней провел в тюрьме, был исключен из института, из комсомола, выслан из столицы для трудовой перековки в сельскую местность. В 1993 году было принято решение о реабилитации участников декабрьских событий, однако Абай не сразу подал заявление, а потом долго собирал документы. Долгожданное удостоверение № 0001714 о реабилитации пришло только в феврале 2002 года, через 15 лет.

Прошлое не уходит бесследно. Оно остается в истории, предупреждая и завещая – такого не должно повториться!

28 мая 2004 г «Пульс»

БЕЗ ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ

1 мая и 31 мая. Эти два весенних майских дня, отмечаемых в календаре нашей страны, стали знаковыми в истории и судьбе казахстанцев. В одном дне - Дне единства народов Казахстана –свет, праздник и вера в будущее. В другом – Дне памяти жертв политических репрессий –тьма, трагедии и эхо прошлого.

Но обе даты, имеющие общенародный масштаб, еще раз напоминают, что люди разных национальностей всегда – и в беде, и в радости –были неделимы, вместе пережили то, что было с нами и со страной. Былое не поросло быльем, потому что правда, даже самая горькая, не имеет права на забвение.

«Великое переселение народов»

Чтение документов, которые отражают давние события и сравнительно недавно начали публиковаться в печати, вызывают волнение и печаль. Поневоле думаешь: хорошо, что в прошлом.

Постановление ЦИК и СНК от 1 февраля 1930 года объявляет « борьбу с кулачеством», в ходе которой началось массовое выселение крестьянских семей из родных мест. Чаще всего местом ссылки становились Сибирь и Казахстан, где переселенность и подорванное под корень сельское хозяйство спровоцировали голод и смерть тысяч «новоселов» и коренных степняков. Позже появились новые директивы : в 1936 году о переселении в Казахстан поляков, как «неблагонадежных», в 1937 году –«о выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края», в 1938 году – о переселении иранцев, армян, курдов, турок.

Новая волна «великого переселения» последовала в годы войны. В августе 1941 года была упразднена немецкая автономная область в Поволжье, в сентябре того же года постановлением Совнаркома и ЦК ВКПб предписано разместить немцев с Поволжья в Казахстане. А затем сюда же шли эшелоны с немцами с Украины, Кавказа, других республик.

В 1943 году, когда началось освобождение оккупированных территорий, были изгнаны из родных мест калмыки, чеченцы, ингуши, в 1944 году- после освобождения Крыма были выселены татары, греки, болгары.

Выселение коренных жителей из Прибалтики, начинавшееся в сороковые годы, продолжалось вплоть до 1953 года, до смерти Сталина. «Вождь народов» не щадил никого. По самым скромным цифрам, так как точного учета не велось, с начала 30-ых годов до середины 50-ых годов депортации подверглись 15 народов и более 40 национальностей. Всего же родины лишились за эти жестокие годы расправы с народами более 3,5 миллионов человек. Это тоже приблизительная цифра, потому что даже по данным охранных служб НКВД в первые годы жизни на новом месте из-за неустроенности быта, голода и холода, издевательств и непосильной работы смертность среди переселенцев составляла более 27%.

Политика геноцида - т.е. уничтожения народов – была изощренной и носила глобальный характер. Помимо спецпереселения существовала еще губительная система гулаговских лагерей и «трудармия», тоже ставшие порочным порождением диктаторской власти Сталина и его сподвижников.

Прозрение от слепой и бесчеловечной национальной политики, которая, по убеждению ее инициаторов, должна была стать барьером против конфликтов между властью и народами, самыми разноязычными, а также пресечения возможных национальных распрей, все-таки пришло.

В 1954 году было разработано постановление о снятии с учета спецпереселенцев. В 1956 году издан указ о снятии ограничений по спецпоселениям крымских татар и других народностей, высланных в годы войны с Кавказа. Аналогичные шаги «по послаблению» были сделаны и для прибалтов, немцев, других категорий спецвыселенцев.

Но вчитайтесь в строчки бесстрастных документов того времени. Они тоже говорят о многом. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года говорится: «...Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении находящихся на спецпоселении (далее следует перечень народностей) в дальнейшем не вызывается необходимостью, постановить: первое- снять с учета спецпоселения и освободить из – под административного надзора органов МВД, второе- установить, что снятие ограничений ... не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены.»

Предельно кратко, но как же далеко было до настоящей свободы, потому что надо было по - прежнему лично являться на регистрацию в органы, хоть и реже, чем прежде, 1 раз в год, жить в чужих краях. Впрочем, для многих Казахстан так и остался до конца жизни второй родиной. Ведь даже после официального разрешения вернуться домой - на Кавказ, в Прибалтику, на Украину, в Крым, в Поволжье – не все решались на этот шаг. Удерживали страх и сомнения – а вдруг повторится? Да и не было гарантий с работой, жильем. Кто-то оставался по семейным причинам – ведь и в неволе сердцу не прикажешь не любить, не рожать детей. А новые корни вырывать было также больно, как старые, от которых еще не заросли душевные раны. Вот так и остался Казахстан, в т.ч. Балхаш многонациональным, где в согласии, дружбе, одной семьей живут казахи и русские, немцы и корейцы, татары и поляки, грузины, уйгуры и другие национальные диаспоры. Много межнациональных браков, где родители стараются привить детям и внукам уважение к народным традициям, обычаям, сохранить родной язык. В наследство новым поколениям передается еще одна священная реликвия- Память.

По долгу памяти

Между памятью и долгом есть незримая нить, которая связывает годы и судьбы, прошлое и настоящее. По долгу памяти в 90-ые годы произошел настоящий всплеск общественного покаяния перед людьми, пережившими

несправедливость репрессивных мер в изгнании, в лагерных зонах Гулага, в трудармии и спецпоселениях. Поскольку при этом пострадали народы всех бывших республик Советского Союза, то в сменивших их новых суверенных государствах были почти одновременно приняты нормативные акты, посвященные проблеме политической реабилитации и правовой защиты пострадавших в годы репрессий. Так, в России были последовательно изданы указы о реабилитации казачества, российских корейцев, финнов, калмыков. В Грузии принимается закон об урегулировании социальных проблем депортированных месхов. На Украине создан украинско-немецкий фонд. Литва и другие балтийские страны призвали к возвращению на родину изгнанных соотечественников.

В числе первых в этой международной акции был и наш Казахстан. 14 апреля 1993 года был принят Закон Верховного Совета республики «О реабилитации жертв массовых политических репрессий». Позже появились новые законодательные акты, которые обеспечивали моральную и материальную поддержку бывшим репрессированным, в числе которых были даже дети. В 1997 году в Законе «О внесении изменений и дополнений в закон РК «О реабилитации» были сделаны существенные поправки. Так, «в случае отсутствия – в связи с их уничтожением- документов, подтверждающих применение политических репрессий в виде изгнания из страны, удаления из мест проживания или районов обитания – ссылки и высылки, направления на спецпоселения - основанием для признания факта применения репрессий является установление фактического проживания лиц на территории Казахстана вследствие репрессивных акций».

Благодаря этому документы смогли получить статус жертв политических репрессий все казахстанские корейцы, не имевшие свидетельств о депортации с Дальнего Востока, а также немецкие «трудармейцы», другие национальные диаспоры.

Свою роль сыграл и Закон о специальных государственных пособиях в РК №365 от 05.04. 1999 года, которым было подтверждено право на получение адресного пособия лицами, «подвергшимися необоснованным репрессиям в виде заключения под стражу, лишения свободы, привлечения к принудительному труду в условиях ограниченной свободы», в т. ч. в трудовых армиях и рабочих колониях, и реабилитированными на основе документов о реабилитации» .

Согласно этому закону льготы, которыми раньше пользовались лица, пострадавшие от политрепрессий, был заменены на ежемесячные пособия, их в нашем городе получают 420 человек. Кроме того, 213 человек из числа реабилитированных оформили единовременные денежные компенсации. Некоторым компенсация была выплачена сразу, но потом выплаты были прекращены, и вот только теперь возобновлены, и то с ограничением - можно получить лишь часть суммы. Число «счастливиц» невелико-меньше 30. А годы идут, многим из этого списка давно за 70 и более лет. Самое время возвращать долги, ведь речь идет о реальных деньгах для пенсионеров, чья жизнь в молодости была похожа на земной ад.

Достаточно полистать несколько именных, всего в несколько страниц, дел по выплате компенсаций. Хочу поблагодарить за такую возможность специалистов городского отдела труда и социальной защиты М.А.Сагындыкову, Балхашского городского филиала по выплате пенсий Ю.Д.Сидорову и М.Сланову, которые проявляют сострадание, милосердие и заботливое внимание к этим людям. Такое же участие и понимание было ими оказано в журналистском поиске документальных свидетельств о судьбах наших земляков. Большую помощь оказал в сборе материалов также председатель городского филиала немецкого центра «Возрождение» А.Я Шало.

Эта общественная организация при поддержке германской стороны, взявшей на себя ответственность за своих соплеменников, живущих в странах СНГ, в том числе в Казахстане, делает немало добрых дел. Не остается без внимания ни один из почти 200 немецких бывших спецпоселенцев и трудармейцев, которым регулярно оказывается разного вида помощь. Ежегодно, по очередности выдается так называемая «зимняя помощь» для осенних заготовок. Для ветеранов ежегодно приобретаются путевки в санаторий-профилакторий комбината. В суммарном выражении на благотворительные цели расходуется около 3 млн тенге в год. Пример хороший. Хотя справедливо было бы проявлять всем государствам, и Казахстану в том числе, такую заботу о своем народе, особенно о стариках. И, не взирая на национальность, потому что согласно Конституции нашей страны, мы являемся единым народом Казахстана. Об этом напоминает и праздничный день 1 мая – День единства народа Казахстана.

Таким же многонациональным является и приближающийся День памяти жертв репрессий 31 мая. В этом году мы будем отмечать уже в седьмой раз день, который стал днем общей памяти о всех пострадавших народах и нациях, об их «великом переселении».

«Выселить по национальным мотивам»

Интернациональный характер народной беды, обрушившийся в годы репрессий в 30-50-ые годы, наглядно подтверждается дикой беспощадностью слов, которые чаще всего встречаются в справках о реабилитации. Причиной ссылки в Казахстан у многих обозначено: «незаконное выселение в административном порядке по национальному признаку (либо по национальным мотивам).» Разница лишь в возрасте, адресе прежнего проживания, в форме наказания и сроках пребывания в положении изгоя. Указание национальности дает представление о масштабности террора против всех и вся. Вот несколько коротких историй из биографий балхашских переселенцев.

Абиде Аблятилова, 1923 года рождения, татарка, выслана из Крыма в 1944 году. Реабилитирована в 1996 году.

Ее сверстница Денисова (Ковальская) Екатерина Федоровна, украинка, арестована по решению военного трибунала Львовского военного округа в 1944

году, приговорена к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества, освобождена в августе 1954 года. Реабилитирована в 1996 году.

Кригер Софья Фридриховна, 1927 года рождения, немка, выселена из Германии в 1945 году вместе с другими членами семьи. С 18 лет до 1956 года состояла на учете как спецпереселенка.

Еремеева (Пользю) София Александровна, 1925 года рождения, полька, выселена из Ленинградской области в 1942 году на спецпоселение в Карагандинскую область, где состояла на спецучете с 1942 по 1956 годы. Реабилитирована в 1996 году.

Спрут репрессий выхватывал свои жертвы, невзирая ни на что. Побывал в его щупальцах и И.И.Сайбель. Знаю его много лет, как ответственного, доброго человека, как ветерана образования, отца большого семейства и патриота Балхаша. Его судьба во многом схожа с судьбой поколения и в то же время уникальна по пережитому. Вот как рассказывает сам Иван Иванович Сайбель:

- Я родился в 1921 году в Черниговской области. Учился в украинской школе, мечтал стать учителем. В 1940-ом призвали на службу в армии. Служил в Моршанске, в артиллерии, а потом по моей просьбе в апреле сорок первого года меня направили в военное училище связи в г. Орджоникидзе. Когда началась война, ко мне и другим трем курсантам-немцам отношение изменилось, я бы сказал, стало настороженным. А в сентябре 1941 года нас неожиданно вызвали в штаб, оттуда, ничего не объясняя, отправили в Ростов-на-Дону, а потом просто погрузили в вагон, и мы почти месяц ехали неведомо куда. В октябре привезли в Балхаш, где я был зачислен в «трудармию». Работал в стройбате электриком: строили тогда много в городе, еще больше на комбинате. Жили в бараке на бывшем Метрогородке, работали по военному режиму. Дисциплина была жесткая. Но все равно я, как и другие трудармейцы, должен был регулярно отмечаться в спецкомендатуре. Как-то не смог в назначенный день явиться, так вызвали, сделали внушение. В общей сложности я был в трудармии до 1945 года, а вот как спецпереселенец числился вплоть до 1955 года. В сорок третьем женился, у нас с Александрой Архиповной дети. Сейчас у моих троих сыновей и дочери растут свои дети. Так что у меня есть внуки и правнуки. Жаль, жены нет. Вообще, потерь было много.

Пока я служил в армии, моих родных немцы угнали в Германию, на принудительные работы. После войны старший брат там и остался, а родители и младший брат, сестра решили вернуться. Только вместо дома оказались в Архангельской области на лесоповале. Разыскал их потом, перевез в Балхаш. Здесь теперь могилы моих родных. И здесь мой дом. А учителем я все-таки стал. Спасибо А.Е.Швайкиной, бывшей заведующей горно, что тогда поняла меня, приняла практически без документов. Ведь даже паспорт остался в армии. Преподавал в начальных классах. В 1946 году сдал экстерном экзамены в Карагандинское педучилище. В школе работал 24 года. Теперь на пенсии, домом, внучкой занимаюсь. Так вот жизнь сложилась...

Простой этот рассказ могли бы повторить с некоторыми вариациями многие трудармейцы и спецпереселенцы, которые не по своей вине прошли суровую

школу жизни. По надуманному «национальному признаку» миллионы людей лишились крова, родного языка, свободы и права выбирать свою судьбу. Расправа пришлась на их молодость, искорежила, изогнула жизнь, но не сломила.

Сила человеческого духа была неизмеримо выше, потому и выстояли, не встали на колени, а жили с высоко поднятой голову – в застенках, лагерях, спецпоселениях. Работали, растили детей. И остались верны Балхашу. Эти люди живут среди нас.

И это и им тоже посвящена покаянная молитва, которая прозвучала 31 мая у памятника жертвам политических репрессий, который высится в центре города. Здесь по традиции собрались на торжественно-траурный митинг представители всех национальных диаспор. В их воспоминаниях отозвалось живое эхо прошлого. Были возложены цветы к обелиску народной памяти. Эта память взывает: надо сделать все, чтобы такое не могло повториться. Никогда!

Май 2011 года «Пульс» **ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ**

Тема репрессий и правда о гулаговских лагерях смерти стала открытой лишь в 90-ые годы. И хотя еще в 1961 году вышла художественная повесть «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицина, который сам сидел в лагерях, все-таки всей правды о лагерях страна еще не знала. Но и скрыть ее становилось невозможным, слишком многих людей перемолол этот ненасытный зверь по имени Гулаг.

В 1992 году был снят жесткий, с расстрелами, казнями, с дикими сценами расправы над политическими и ссыльными, фильм литовского режиссера Г.Земмель. Им же был написан сценарий, в основу которого были положены рассказы бывших узников лагерей, в том числе Балхашлага. Этот фильм был показан в Прибалтике и на европейских киноэкранах, к нашему зрителю он дошел много позже, а недавно снова был повторен по кабельному телевидению.

У фильма страшное название - «Людоед». Это слово оправдано и случаем каннибализма, но имеет еще и скрытый смысл. Жутко звучит признание одного из лагерных начальников, лично руководившего массовой расправой над восставшими, которых расстреливали, давили танками, закапывали полуживых в братские могилы, а землю над ними потом утрамбовывали катками, чтобы ни холмика, ни табличек с именами людей не осталось. В его предсмертном монологе, когда на него самого был направлен автомат, звучат обвинения всей системе социализма, насильно внедренной в европейских странах после войны: «Из меня эта жизнь вытравила человека, мы здесь все стали похожи на людоедов, для которых живые люди не больше чем прах ...» Жестокие слова, но еще жестче были того времени.

По сюжету фильма после разгрома повстанцев одному из зачинщиков - бывшему летчику и герою войны удастся бежать вместе с сыном, который приехал в лагерь на офицерскую практику. Захватив лагерный самолет, они покидают зону смерти, где пески заметают расстрелянных узников, а оставшихся в живых ждет новая расправа.

Чтобы спасти сына, раненый отец стреляет себе в сердце, но успевает не терпящим возражения тоном приказать сыну - дойти, выжить... Чтобы мог свидетельствовать... И сын выжил, дошел до цели, рассказал правду о лагере. Но какой ценой?! Один только кадр дает понять это- сын с плачем вгрызается в огромную кость с мясом, так похожую на человеческую.

Это фильм – потрясение, он тяжелым камнем ложится на сердце еще и потому, что съемки его велись у нас в Балхаше, в реальной лагерной зоне, вернее, ее остатках на месте бывшего Балхашского отделения Степлага. И узнаваемы стены из самана, железные ворота у входа, видны вдали трубы Балхашского комбината, медные чушки на шлакоотвале в районе Техснаба. И когда самолет с беглецами взлетает над степью, то под крылом открывается панорама нашего города, огромная котловина Коунрадского карьера. Порой в кадре мелькают знакомые лица горожан - к съемкам были привлечены сотни горожан для массовых сцен.

Такие фильмы тяжело смотреть, но забыть их нельзя. В этом и был смысл снятой киноленты: помнить, не забывать! Чтобы не повторилось такое нигде и никогда.

Ради этого были созданы позже и другие фильмы, в числе которых «Холодное лето 53-ьего года», «Утомленные солнцем» и другие киноэпопеи, в том числе и современные, как «Штрафбат». «В круге первом»...

Теме сталинских лагерей посвящена и малоизвестная у нас книга французского публициста Жака Росси. Пожалуй, двухтомник «Справочник по Гулагу», изданный в Лондоне в 1991 году, а позже на русском языке в издательстве «Просвет», остается пока единственной своего рода лагерной энциклопедией. В прочитанной мной от корки до корки книге, составленной в виде словаря от А до Я, даны не только даты и разъяснения о репрессиях в СССР, но и объяснены многие понятия лагерной лексики, в том числе ненормативной. Когда читала эти страницы, было ощущение, что речь с матами, к сожалению, закрепившаяся на наших улицах среди молодежи, родом оттуда, из лагерей... Словарные статьи названы безжалостно: «Массовые ссылки». «Массовые аресты», «Массовые расстрелы» со все учитывающей статистикой. По годам.

Автор имел право на это издание. Не знавший отца, который умер до его рождения, Жак изучает в Варшаве китайский, французский, польский, немецкий, испанский, английский языки. В 19 лет он вступает в польскую компартию, работает на секретной радиостанции в Испании, оттуда потом многие интернационалисты попали в сталинские лагеря.

Ж.Росси провел в Гулаге 30 лет - с 1931 по 1961 годы. Потому и знал хорошо, изнутри лагерную жизнь, ее нравы, встречался там со многими известными людьми. Собранные лично сведения дополнены материалами из архивов, так что книга включает в себя всю гулаговскую историю. Вот только несколько данных из уникальной книги.

О ссылке неблагонадежных, которая берет начало еще в царской России, (вспомним декабристов), но при советской власти ссылки стали массовыми. Сначала эсеры, меньшевики, анархисты, в 1929 году - миллионы крестьян, не согласных с насильственной коллективизацией. По приказу Сталина после

убийства Кирова в 1935 году более 100 тысяч человек были высланы из Ленинграда.

В числе высланных были родственники моего мужа, его дядя инженер Борис Афанасьев с женой и дочерью. Местом ссылки стало небольшое село под Нижним Новгородом - Красные Баки. Там до сих пор живет Т. Б.Афанасьева. Одна. Ей было четыре года, когда отца арестовали, многие годы о нем ничего не было известно, а потом пришла справка, из которой дочь узнала, что отец был расстрелян как враг народа, но посмертно реабилитирован. Жена его Ж.К.Урлауб тоже была арестована - как жена врага народа, несколько лет провела в женском лагере на о. Сахалин. Мы встречались с ней, когда ей разрешили вернуться - после смерти Сталина домой, в Баки. Она не хотела, не могла рассказывать об этих лагерных годах, слишком тяжело было. Она так и умерла в этом поселке, но хотя бы известна ее могила, а где захоронен ее муж, так и неизвестно. Их дочь лишь однажды съездила в Ленинград, нашла бывшую свою квартиру, постояла в подъезде, поклонилась отчому дому. Это только одна история, знакомая мне, о высланных ленинградцах.

У Ж.Росси последовательно год за годом прослежена история ссылок, точнее, великого переселения народов. В 1936 году из пограничных районов были выселены казахи, финны, литовцы, поляки, румыны. В 1939 - 1941 годы новая волна ссылок среди «неблагонадежных», в числе которых оказались, к примеру, даже филателисты и эсперантисты. Тогда же ликвидирована Немецкая автономия в Поволжье. Отменена автономия 6 автономных республик - пострадали калмыки, чеченцы, крымские татары, карачаевцы, балканцы, мухеты, только при высылке погибло около 40 % этих народностей. Проводилось выселение по одной схеме (об этом роман А. Приставкина «Ночевала тучка золотая»)- вводили войска якобы для учений, людей вывозили, отбирали паспорта, отправляли в товарных вагонах в Сибирь и Казахстан, а их дома занимали русские солдаты. Командовавший этой операцией генерал Серов был награжден орденом Суворова 1-ой степени, эта награда вручалась за успешное проведение боевых действий. А это и была война, война с собственным народом.

У француза Ж. Росси еще не было сведений о депортации с Дальнего Востока корейцев. Но мы-то знаем, что вся корейская диаспора в 1937 году насильно была вывезена из родных мест, в том числе в Казахстан. В Балхаше выросло уже несколько поколений депортированных тогда корейцев. Для них казахская степь стала родным вторым домом.

Но француз Росси все-таки знал многое, собирая документы для своего энциклопедического справочника по Гулагу. И был не единственным, кто взял на себя миссию рассказать о том, чему был не просто свидетелем, но и пострадавшим от сталинской системы репрессий. Александр Солженицын написал свой « Архипелаг Гулаг», основываясь на собственных переживаниях и других узников, опросив при этом тысячи людей. Это строго документальная книга похожа по сюжету и осуществлению на фильмы ужасов. 28

Но Ж. Росси пошел дальше. Вот глава о массовых арестах.

Само слово «массовые» угнетает. Еще больше возмущает, что аресты производились тайно, а указы, если и были иногда, то составлялись много позже. По свидетельству Ж. Росси, который приводит в своей книге множество документов, последний указ о массовых арестах был опубликован в 1960 г. Но были и тайные указы. Начиная с революции. В 1917-1918 годы под массовые аресты попадают меньшевики, эсеры, белогвардейцы.

Красный террор продолжается и в 20-ые годы, он направлен против инакомыслящих, в число которых попадают люди самых разных сословий и профессий: богомольцы, выступающие против разрушения храмов, саботажниками объявляют не сдающих хлеб крестьян, инженеров, не выполняющих план из-за изношенного оборудования.

Волна арестов накрывает всю страну, в ней гибнут кронштадтские матросы, кулаки, попы, басмачи, якуты, спекулянты, шкрабы - учителя, выступающие против бригадного обучения, когда зачеты могли сдавать делегаты, метод не прижился, но шкрабы остались в лагерях. Аресты направлены против людей, собирающих жалкие колоски на полях, беспаспортных, троцкистов, врагов народа, кавказских горцев, вредителей, диверсантов, предателей.

В предвоенном 1939 году прошли массовые аресты белополяков, западников, антисемитов, пораженцев, окруженцев, распространителей слухов. Так они назывались даже в арестантских статьях. Сроки в лагерях от 8 до 20 лет.

В 40-ые годы под аресты попадают прогульщики, нарушители дисциплины – 4-7 лет лагерей. В годы войны и после победы до 1947 года ведутся аресты изменников родины, кто был в плену, партизаны-бандиты - из лесных братьев, военные преступники – японцы, немцы, белоэмигранты.

В 50-ые годы - греки, которых раньше приняли в СССР, новые враги – «убийцы в белых халатах».

После смерти Сталина в арестах был некоторый перерыв, а в 60-ые аресты продолжились: против инакомыслящих.

Особым цинизмом и ненавистью к своим согражданам стали массовые, опять массовые! - расстрелы. Росси приводит такой факт: – в царской России за 92 года монархического режима казнили 632 человека.

В СССР вводится дикое варварское понятие – как массовые расстрелы. Это Катынь, где расстреляны около 14 тысяч польских офицеров, именно там в нынешнем 2010 году произошла еще одна трагедия – погибло свыше 90 поляков во главе с президентом, военачальниками, дипломатами. То же место и новая трагедия.

По некоторым сведениям в годы гражданской войны было расстреляно более 50 тысяч человек, даже построены специальные расстрельные тюрьмы, а тех, кто расстреливал, позже тоже казнили. Великая чистка задела свыше 1,5 млн человек, большинство были реабилитированы уже посмертно. А в г. Бердичеве тюрьма с людьми была просто взорвана. В 1952-1954 годы в лагерях Гулага прокатились восстания, одно из них в лагере Кенгир под Джезказганом, где под танками погибли тысячи политических заключенных. Об этом есть воспоминания у Руфь Тамариной, это хорошо помнит и Антанас Сейкалис, литовский

журналист. Эти и другие свидетельства современников легли в основу документальной прозы, а само восстание стало своего рода прототипом для фильма «Людоед».

Понадобилось столетия систематического государственного террора, чтобы массовые репрессии - ссылки, аресты, расстрелы - стали излишними.

Но разве можно все это предать забвению, посыпать пеплом небытия?! Это было с нашим народом, с нашей страной. И это не должно повториться. Никогда!

Май 2012 г. «Пульс»

ПРОЛОГ К ПРАЗДНИКУ

Из 60-летней истории дворца культуры металлургов имени Хамзина, которая создавалась на памяти современников, особенно старшего поколения, малоизвестными страницами остаются самые первые, начальные страницы.

Исторический факт открытия дворца в 1952 году это лишь вершина айсберга. Долгие годы официально умалчивалось, что строили главное здание городской культуры узники Балхашского отделения Степлага – пленные японцы, ссыльные литовцы и другие балхашлаговцы. Но в маленьком городе это не было тайной. Потому что на стройплощадку привозили людей под конвоем, да и сама территория стройки была спрятана за высоким забором.

Но хорошо помню из собственного детства, каким дорогим был этот подарок городу и всем горожанам. Автор проекта известный советский архитектор Л.Мелеги, о чем напоминает табличка на фасаде, остался в истории как создатель дворцового комплекса в Минске, оригинального здания московского ГУМа и других архитектурных шедевров. Некоторые элементы этих нестандартных по тому времени зданий отразились и в Балхашском дворце, который и сегодня радует глаз. Величественное монументальное здание с колоннами, с венчающей фасад фигурой женщины, держащей в руках взлетающего в небо голубя. Этот символ свободы для самих создателей – строителей, художников, оформителей – был еще и мечтой.

Много позже, уже занимаясь историей Гулага, в книге с говорящим названием «Когда искусство уходило из памяти» о художниках, которые были обречены на десятилетние лагерные сроки без права переписки, обратила внимание на судьбу известного художника, поэта Льва Кропивницкого. Он учился в Московском институте прикладного и декоративного искусства, в 1941 году был призван в действующую армию, участвовал в боевых действиях до 1944 года, по ранению и инвалидности был демобилизован. Он продолжил учебу в Москве, а в 1946 году был арестован с типичным для многих представителей советской интеллигенции клеймом как «член антисоветской террористической организации». Художник был приговорен к 10 годам лишения свободы, из которых пять лет отбывал в Балхашлаге. Даже после освобождения в 1954 году ему не было разрешено выезжать из Балхаша. И он работал вольнонаемным уже

как сценограф, режиссер, руководитель изостудии во дворце культуры, где ранее вместе с другими художниками участвовал в создании монументальных полотен о Победе, о радости мирной жизни, украшающих собой и теперь стены большого зала дворца. После реабилитации Лев Кропивницкий вернулся в 1956 году в Москву. Был автором более ста выставок в стране и за рубежом. Умер в 1994 году в Москве.

И еще одно имя из прошлого. Альгис Вишнюнас, известный литовский архитектор, автор многих монументальных творений у себя на родине, он часто выступает с лекциями по современному градостроительству во Франции, Англии и других странах, хорошо знаком он и с Казахстаном. Он неоднократно бывал в Балхаше, где когда-то за колючей проволокой познакомились его родители. По рассказам матери и отца, Альгис помнит об участии многих литовцев в оформлении дворца культуры в Балхаше. Сын бывшего узника Балхашлага Альгис Вишнюнас в память о жертвах политических репрессий создал проект памятника, который выполнен из балхашского мрамора и стоит в степи на месте бывшего лагерного кладбища Балхашлага.

В очередной приезд в наш город в 2007 году Альгис специально обследовал архитектуру нашего дворца, сделал много снимков, и буквально по крупицам собирал материалы о каждом барельефе, лепных украшениях дворца, про которые рассказывал ему отец и другие бывшие заключенные, работавшие над оформлением дворца. Об этих поисках Альгис рассказал в брошюре, посвященной памяти об отце Владасе Вишнюнасе. В оригинале рукописи, переданной мне, несмотря на литовский язык издания, можно проследить, что создавалось руками его отца и других политзаключенных. До сих пор сохранились барельефы с изображением портретов Маркса-Энгельса и Ленина-Сталина. Впрочем, вся лепнина дворца сохранилась в первоизданном виде, и тоже напоминает о далеком прошлом своей помпезностью, многолюдием на лепных панно, величественными фигурами металлургов. Это было так характерно для советского искусства.

Вот что вспомнилось в связи со знаменательным юбилеем – 60-летием дворца металлургов. Главное же, что и сегодня наш дворец живет полноценной жизнью и остается главным центром городской культуры.

Эти стены хорошо помнят и выступления на сцене композитора, виртуоза домбры, Магауи Хамзина, имя которого носит балхашский дворец. Он был нашим земляком, здесь начинался его путь в большое искусство и присвоению ему почетного звания народного артиста Казахстана. Это дань памяти и таланту большого музыканта, чья домбра звучала на лучших сценах мира, где наряду с классикой звучали его замечательные кюи, в которых он прославлял родную степь и просторы нашего Прибалхашья, свою малую родину. После окончания концертной деятельности и выхода на пенсию Магауя Хамзин переехал из Алматы в наш город, им с женой была выделена уютная квартира в новом доме в микрорайоне Мухамеджанова.

Мне посчастливилось побывать у них в гостях, увидеть сделанные музыкантом собственноручно различные варианты любимой им домбры и даже послушать в авторском исполнении ряд написанных им кюев. Это было такое же потрясение, которое многие залы испытали, в том числе и в Балхаше, где зрители взрывались аплодисментами при исполнении им на домбре музыкальных шедевров Брамса, Листа или Полонеза Огинского. Именно в те годы Магауя Хамзин вел уроки по классу домбры в музыкальной школе и школе №2 имени Абая, где передавал юным музыкантам свою особую виртуозную манеру игры на древнем народном инструменте – домбре. Балхаш помнит вас, маэстро! Данью этой благодарной памяти стал памятник Магауе Хамзину у дворца, носящего имя этого музыкального гения Казахстана.

Уже стало привычным, что именно здесь во дворце и на дворцовой площади проходят все главные городские торжества, концерты наших и приезжих звезд эстрады, организуются детские утренники и творческие выставки.

Вот уже 60 лет дворец является главным центром культурной жизни города, центром притяжения людских талантов и наших сердец. Знаменательно, что свой 60-летний юбилей дворец отмечает в год еще одного знаменательного юбилея – 75-летия Балхаша.

Настроимся на большой праздник, друзья! До встречи в нашем с вами дворце!

Май 2010 г «Пульс» ДЕПОРТАЦИЯ

31 мая, в День памяти жертв политических репрессий, в Казахстане отмечают два печальных юбилея – 80 лет «голодомору» в казахской степи и 75 лет массового террора, унесших жизнь и сломавших судьбы миллионов неповинных людей. Историю нельзя переписать заново, но, чтобы такого никогда не повторилось, у нас нет права на забвение! Мы должны жить и помнить...

Однажды видела и запомнила картину, где незнакомый художник нарисовал пейзаж с черным солнцем. Она так и называлась «Черное солнце». Кто-то скажет: «Да разве солнце может быть черным?!». В природе – нет. А вот в истории были такие времена, когда даже солнце казалось потемневшим от людского горя, выпавшего на долю многих народов в те далекие, страшные, тридцатые годы. Таким был 1937 год, самый «урожайный» год массовых репрессий в необъявленной войне режима против миллионов неповинных людей только по причине их принадлежности к «неблагонадежной национальности» или к «вражескому социальному сословию».

Тридцатые годы 20-го столетия вошли в историю как годы «великой чистки», в которой не щадили никого. «Врагами народа» объявлялись зажиточные крестьяне, пораженцы, распространители слухов, вредители, спекулянты, саботажники, прогульщики, и даже абортницы... В советском лексиконе

появились соответствующие термины, в значении которых изначально был заложен обвинительный смысл: кулачество, депортация, ссылка, спецпереселенцы... В канун Великой Отечественной войны, а позже уже в сороковые и даже пятидесятые годы массовым репрессиям и преследованиям подвергались целые народы, живущие в приграничных районах: корейцы, басмачи, прибалты, кавказцы, немцы, западные украинцы и другие этносы.

С востока на запад СССР прокатилась волна массовых арестов с насильственным переселением в другие регионы. Одним из мест масштабной ссылки стал Казахстан.

Наша Сарыарка была тогда своего рода «лагерной зоной», где были созданы многочисленные отделения Гулага – Государственного управления лагерей: Карлаг, Жезказганлаг, Степлаг, Балхашлаг... Именно в те годы на берег Балхаша прибыли с Дальнего Востока депортированные корейцы, из Поволжья – немцы, из Прибалтики – литовцы, с Кавказа чеченцы и ингуши, спецпереселенцы Западной Украины.

Поэт Олжас Сулейменов с болью, пропущенной через сердце, писал о том времени:

Я бы мог появиться в горах
И не зваться казахом...
все равно привезли бы меня
в Джезказган вагонзаком.
...Своих, все испытавших, страна,
Назови казахстанцами
своих самых испытанных,
Преданных сыновей...

Все прибывшие против своей воли в Прибалхашье в специальных вагонах, предназначенных прежде для перевозки скота, расселенные в переполненных бараках, работали в шахтах, на строительстве города и комбината. Они были на положении рабов: одни находились под постоянным надзором и ежедневными обязательными отметками в спецорганах, вместе со взрослыми этой унижительной процедуре подвергались даже дети переселенцев, другие вообще жили за колючей проволокой лагерей. Уже после реабилитации, когда разрешили вернуться на родину, уезжали не все. Многие остались в приютившем их городе, в котором и теперь живут их дети, внуки и правнуки.

Это прямые потомки тех, о ком 2 февраля 1944 года позаботились, как могли, власти Балхаша в своем постановлении: «Прибывающих спецпереселенцев в количестве 5000 человек разместить на жилплощади по предприятиям: в пос. Рыбрест – 600 человек, рудник Коунрад – 2000 человек, в коммунальных бараках БМЗ – 1500 человек, Стройтреста – 700 человек, в бараках, принадлежащих заводу № 517-200 человек». Место проживания становилось и местом работы. Выбора у изгоев не было. Но было сострадание, участие и посильная помощь коренного населения. Для них не было имени «ссылных, депортированных, спецпереселенцев», для местных жителей это были прежде всего люди. Потому от сердца идут слова благодарности казахскому народу, всем балхашцам и здешней

земле, которая стала для всех, чьи судьбы в разные годы были связаны жизнью на берегу озера, родной землей – Атамекен.

Но и среди тех, кто вернулся на свою историческую родину, сохранили память о Балхаше. К примеру, в Литве до сих пор проводятся встречи бывших балхашлаговцев – узников здешнего лагеря. Как свидетельствуют документы архива нашего города, в апреле 1944 года исполком балхашского горсовета депутатов трудящихся принимает решение об отводе земельного участка «...в целях создания дополнительной производственной базы Карлага НКВД и хлебозавода отвести и закрепить земельный участок в районе Чубар-Тюбек» а) за Балхашским отделением Карлага НКВД – 15 га, б) за хлебозаводом – 10 га». Но и дополнительная пайка при тяжелом изнурительном труде мало помогала: сотни заключенных, а в их числе после войны здесь было немало военнопленных японцев, навеки остались в балхашской земле. Это подтверждает и архивный лист с решением «об отводе земельного участка, расположенного в районе лагерного отделения Степного лагеря МВД площадью 2500 кв. м под кладбище лагеря».

Сейчас на запущенном погосте в степи в черте города уже и могильных холмиков нет, все сравнялось под пульпой, остались только два мемориальных памятника, которые поставили приезжавшие сюда делегации из Литвы и Японии. А в городе есть еще одна скульптурная стела с табличкой «Жертвам репрессий», куда 31 мая вот уже более 20 лет собираются на траурный митинг балхашцы разных народов и поколений.

Впрочем, есть и еще один общий памятник для всех, кто прошел испытание Балхашлагом и Трудармией – наш город, где многие двухэтажки на 21 квартале, по улицам Мира и Ленина, а также старые цеха комбината возводились с участием пленных и ссыльных.

И стены нашего дворца металлургов, где сохранились художественные лепка и полотна в зале и на потолке, до сих пор помнят руки своих подневольных мастеров. Да и на карте города остались некоторые названия, как Чечен-гора, где прежде был целый чеченский поселок. Вывезенные насильно с Кавказа, горцы и здесь обосновались у здешней небольшой сопки, единственной на берегу озера. По-прежнему старожилы города называют один из поселков «немецким». А на Рыбтресте помнят корейские улицы, были такие и в Восточном Коунраде...

Об этом периоде истории в судьбах народов, пострадавших в годы сталинского террора, напоминает также список наших горожан, которые получают специальные государственные пособия, выделяемые в республике для жертв и пострадавших от политических репрессий. В этом списке в ГЦВП 202 человека различных национальностей. Рядом с немецкими есть корейские, украинские, русские, литовские и другие фамилии. По годам рождения видно, что в основном это очень уже пожилые люди. Пособия очень скромные – ежемесячная добавка к пенсиям составляет один месячный расчетный показатель в сумме 1648 тенге.

Но в этом еще есть и знак покаяния, и внимания со стороны государства к людям, испытавшим на себе ужасы антинационального гонения. Их память стала общей для всех нас.

Мы все называем себя казахстанцами. А это наднациональное понятие. Сколько за эти годы сложилось у нас интернациональных семей, заключено межнациональных браков. Я знаю многие казахско-корейские, русско-немецкие, татарско-украинские и другие смешанные семьи. В нашем доме по соседству жила одна из таких семей – он чеченец, жена – немка. Их свела не только общая похожесть судеб своего народа, оказавшихся после вынужденного переселения в Балхаше. Главным для них была Любовь, а это чувство, по счастью, не знает национальных границ.

Не знают их и наши дети. Было трогательно видеть на первомайском празднике, как ребята из разных школ представляли в своих национальных уголках культуру, предметы быта, художественные изделия и кухню различных диаспор, проживающих в нашем городе. Не лицом, а лишь костюмами, а еще больше – своими открытыми сердцами – самые юные балхашцы показали искреннее уважение к традициям казахов и русских, грузин и белорусов, таджиков и украинцев, немцев и эстонцев... Как хорошо, что наши дети, как и мы все, чувствуем себя единой и дружной семьей!

Но и сегодня среди нас есть люди, которые на примере своей семьи, своих близких знают историю своего народа, и на генетическом уровне хранят память о суровой правде печальных событий тридцатых годов 20 века.

Об этом вспоминают люди разных национальностей.

Галина Вениаминовна Тянь, заместитель директора БГТК:

- Я из интернациональной семьи. Мама русская, отец кореец. Они познакомились в Тасарале, куда попали в свое время в числе депортированных. Маму сюда выслали из Саратова, где их семья попала под раскулачивание. А отец был депортирован с Дальнего Востока, откуда в 1937 году началась поголовная высылка всех корейцев. Он рассказывал, что у его старшей сестры роды принимали прямо в вагоне, но ребенок родился слабеньким и скоро умер. Не вынесли тяжелую дорогу многие, умирали дети, старики. Столько горя перенесли люди, сорванные со своих родных мест. И те, кто выстоял тогда, кто сумел найти в себе силы жить, работать, любить, растить своих детей, заслуживают нашей памяти и уважения. И потому 31 мая я обязательно приду вместе со своими студентами из колледжа к памятнику жертвам политических репрессий, чтобы почтить их светлую память.

Шало Дмитрий Викторович, председатель городского общества «Видергебург» - «Возрождение»:

- Наше общество объединяет 130 членов немецких семей, пострадавших от репрессий, в том числе их детей. В 1941 году многие немцы из Поволжья и Северного Кавказа были высланы в Казахстан. Среди них был и мой дед Шало Яков Яковлевич, он здесь и прожил всю жизнь, работал в тресте Прибалхашстрой. Уже выросло несколько поколений тех, кто пережил трагедию геноцида, а это не только немцы, но и корейцы, и прибалты, и кавказцы... Многим из них Казахстан стал родным, местные жители их здесь хорошо приняли, помогали в те тяжелые времена. Это не забывается. Потому и остаются жить в Балхаше, сейчас даже из Германии стали возвращаться.

Абдыгали Кенежанов:

- Я один из ветеранов строителей города. Рядом со мной работали люди разных национальностей. Много было немцев, которых вывезли сюда перед войной. Это были специалисты высокой квалификации, большие труженики, среди них бригадиры – у отделочников Шаад, у монтажников – Вагнер, у плотников – Экман. Они были нам как родные. Мы вместе работали и жили дружно. Казахский народ тоже пострадал от репрессий, в тридцатые годы около 4 миллионов казахов погибли от голода. Это был печальный итог коллективизации, когда у степняков отбирали скот, выгоняли со своих мест. Среди тех, кто уцелел, многие потом работали на стройке в Балхаше, здесь они получили работу, кров и помощь от местных жителей. Сейчас мне 76 лет, так что мы с городом почти ровесники.

Дарья Яковлевна Дорошенко, по мужу Вишневская, ветеран города:

- Я приехала в Балхаш в 1952 году с Украины, здесь работал на стройке муж моей тети Филипп Никанорович Иващенко. Он был прорабом, строил Дом мастеров, дворец культуры... Город вообще бурно строился, рядом работали люди разных национальностей – казахи, русские, украинцы, чеченцы, немцы... Мне было тогда 16 лет. Война только кончилась, и я, честно сказать, даже боялась первое время – как немцы-то тут оказались... Потом уже узнала, что их сюда сослали до начала войны, вот и работали здесь. Со многими потом ближе познакомилась, когда стала швеей. У нас в коллективе были и немки, и чеченки, и украинки, и корейки, и казашки, но мы были как одна семья, жили очень дружно...

Зураб Абашидзе, предприниматель:

Я сам из Грузии, шесть лет как живу в Балхаше. Сейчас в Грузии работы нет, и политика не нравится, чего воевать с Россией? Потому и уезжают оттуда, хотя сейчас это дело добровольное. А раньше с Кавказа многих насильно вывозили – под ссылку попали чеченцы, ингуши, месхетинцы, некоторые так и остались потом жить там, куда были сосланы. Я много слышал о Казахстане от своих грузинских друзей, кто здесь уже давно живет, что тут и работа есть, что и народ здесь хороший, а главное обстановка спокойная...

Теперь вот сам в этом убедился. *Встречи с этими людьми, искренность их слов стали подтверждением того, что Казахстан, в том числе наш Балхаш стал родиной для людей разных национальностей, что все мы единая семья, живущая в мире и согласии. Чувство Родины объединяет и молодое поколение. Но у детской памяти избирательное свойство – оно принадлежит настоящему, а прошлое кажется им таким далеким и непонятными. На первомайской демонстрации я спросила у группы молодых ребят, как они понимают смысл таких понятий, как голодомор, депортация, ссыльные, спецпереселенцы. Их ответы были вполне современными:*

- *Депортация – это переселение гастербайтеров на свою родину...*
- *Спецпереселенцы – это которые в чрезвычайных ситуациях перемещаются в другое место...*
- *Переселенцы те, кто едут туда, где могут найти для себя работу...*
- *Голодомор, это, наверное, тогда когда морят голодом...*

Эти ребята были наполнены первомайским настроением, радовались солнцу, были красивыми своей юностью, даже трогательны в своем неведении о каком-то другом неизвестном в их сегодняшней жизни мире. Как в строках известного романа: «Боже, какими мы были наивными, как же мы молоды были тогда...» Пусть сегодняшние дети будут счастливыми в нынешнем безоблачном времени, в какое им выпало жить!

2.РУФЬ ТАМАРИНА

1990 год «Джезказганская правда»

«ВРЕМЯ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ»

Так назван новый поэтический сборник Руфь Таминой, чья судьба, как и поэтическое слово, вобрала в себя саму историю.

Как хорошо,

Как больно жить на свете!

Эти строки написаны выпускницей Литературного института в 1939 году. Вот уж воистину: поэт всегда провидец. Ей выпала доля, как теперь стало широко известно, многих, кто по навету, без причин, кроме родственных уз с «врагами народа», оказался в спецлагерях.

Не делали мы биографии-

Не ездили в экспедиции.

Нам совсем другой географии

Приходилось учиться.

Познакомились мы со страной

Мы совсем по другим приметам-

Вагонзаками, под конвоем

Нас возили по белу свету.

Так в биографию Таминой вошел Джезказган. В новом сборнике стихи, написанные в те годы, и под ними суровые координаты : «1948-1949 гг. пос. Кенгир, г. Джезказган». А напечатаны они только теперь. Но то, что они вообще были написаны в те годы, говорит о мужестве, вере в будущее этой и теперь хрупкой женщины.

Воздух не по-джезказгански чист,

И луна такая, словно надо

Запустить трехпалый свист

Над уснувшим серебристым садом.

Но вокруг не сад- седая степь,

И на вышках мерзнут часовые...

Биография поколения? Да! Но неповторим каждый человек, переживший ад жизни за колючей проволокой. Теперь мы знаем: выдерживали не все. Что же помогло ей устоять? Вчитайтесь в эти строки:

Даже в самые злые года,

Когда в ночь воронки увозили,

И тогда, и тогда, и тогда

Люди добрые – добрыми были.

Эту святую веру в доброту, в «свободы удивительный настой» само время оправдало.

После освобождения возможности передвижения были ограничены, сложно устроиться на работу. Заново приходилось учиться многому. Но «участьем людей согрета», как же она умела радоваться жизни, самым малым радостям: сшитой из пледа юбке, комнатухе в землянке, сколоченному из ящичков столу... Заново начинался путь поэта: первое стихотворение, напечатанное в городской газете - все воспринималось как счастье. Оттого и Балхаш остался в памяти городом светлым, «прямолинейным и бесхитростно простым», где «степные ветры не выстуживают сердца доброту».

Помню, для нас, выпускников 60-ых годов, тамаринские стихи о Балхаше были исповедальными, очень личными, мы также чувствовали, только она сказала точнее : « и поныне освещает душу нам Балхаш, как солнце поутру».

Эта причастность поэта к истории города, хоть и невольная, заставляла потом искать ее сборники, вчитываться в строки: « поэзия не терпит общих фраз», или « а нам возвращаться на круги своя, к друзьям своей юности дальней, к истокам, азам своего бытия». Обжигал ее призыв :

Смотрите, люди, фильмы о войне!
Не бойтесь слез, и горечи, и страха.
Читайте, люди, книги о войне!
И не стыдитесь горевать и плакать...

Сколько нежности, любования миром дарила она своим «зеленым ветром» :
Зеленое, зеленое, зеленое...

Весеннее и юное,
Влюбленное!
..Любите цвет другой!
Кому не велено?
А я на жизнь обручена
с зеленым, земным
и по апрельски удивленным...

Поэзия всегда открытие. Руфь Тамарина открывала для меня «облака лебязьи», «воду колючую» из родников, «лимонный зябкий свет сентября». Ее виденье, ее ощущение мира, красок природы передавалось по эстафете читателю, и хотелось вслед за ней «входить в намокший сад и слушать лепет влажных веток, и птиц ночные голоса». Если выпадала снежная зима, то поневоле вспоминалось ее летучее сравнение: «Какая белокрылая зима! Какая лебединая повадка!»

Это были уроки красоты - образного видения окружающей природы. Но, думается, самое главное, к чему ведет за собой Руфь Тамарина – всмотреться в людей! И увидеть вслед за ней и вместе с ней, особенно теперь, когда знаю ее непростую судьбу, как много доброты на свете.

Перелистайте сборник. «Нам доброты и мудрости достало отваге научить своих детей?» Она задает вопрос, на который сама знает точный ответ: « во все времена добрых больше недобрых бывало», нужно только «душу в душах уберечь

», и «надобно кого-то утешать, когда самой невесело и тошно», и «другу подставлять плечо».

И эта вот зависимость земная,
Сознание, что ты необходим,
Она одна, одна она – я знаю-
Спасает нас среди забот и зим.

У книги Руфь Тамириной удивительное название «Время добрых людей». Соизмерьте эти слова с пережитым ею самой, страной, да и нам с вами столько уже удалось испытать разуверений, разубеждений, что нетрудно сбиться с пути, хотя все понимаем – трудно без веры, надежды. А выход кто подскажет? Давайте поверим поэту, в ее девиз, проверенный суровостью жизни и оттого мудрый и простой по сути своей, потому что она знает цену слову:

Но хочу, чтоб во все времена
Время добрых людей не избылось
И надежда, крепка и вольна,
Добротой осуществилась!

1991 год , «Радио для всех»
« ЩЕПКОЙ В ПОТОКЕ»

Руфь Мееровна Тамарина – поэт, автор многих сборников лирической поэзии «Надежда», «Время добрых людей», «Простая жизнь» »Избранное» и других, которые издавались в Москве, Алматы, Томске.

Студенткой Литературного института добровольцем ушла на фронт, но как «дочь врага народа» была арестована и долгие годы была узницей Карлага, участвовала в Кенгирском восстании. После освобождения в 1956 году была переведена в Балхаш, где работала литературным сотрудником газеты «Балхашский рабочий». Затем переехала в Алматы, работала сценаристом на студии «Казахфильм», занималась переводами казахских поэтов, издала несколько поэтических сборников и опубликовала первую и единственную книгу прозы «Щепкой в потоке». Эта автобиографическая повесть-исповедь, на страницах которой Р.Тамарина рассказывает о своей судьбе, о суровой лагерной жизни и с благодарностью вспоминает Балхаш как первый город свободы. Она несколько раз приезжала в наш город, встречалась с журналистами «Балхашского рабочего», была консультантом балхашского литературного объединения «Прибой». После переезда из Алматы к сыну в Томск до последнего часа работала с молодыми поэтами Сибири. Балхаш же навсегда остался не только в непростой судьбе поэта, но и в ее стихах.

Перелистнем вместе с Р.Тамириной балхашские страницы ее жизни, о которых она вспоминает в пронзительно-исповедальной повести «Щепкой в потоке». «Лагерную тему» трудно назвать поэтической, но уже в декабре 1956 года в г. Балхаше Руфь Мееровна напишет стихотворение, где есть такие программные строчки:

И сквозь блокадные и жгучие,

Те беспросветные года,
Сквозь стены, проволоку колючую
Светила мне твоя звезда –
Твоя- Поэзия и Родина –
звезда сияла мне меж строк.

« Когда в мае работала комиссия по пересмотру, лагерь пустел не по дням, а по часам, так стремительно вытекает кровь из артерий: ежедневно освобождались по 20-40 человек. А так как я уже числилась на облегченном режиме, то имела право на семейную жизнь. Ко мне приехал освобожденный муж М.Морозов, который работал в прокатном цехе №517. Секретарь парткома дал нам адрес: «Подойдет – переезжайте, лучшего предложить не могу...» И мы отправились в поселок Набережный, к озеру. Это была полуподвальная комнатка в бараке. Началась наша новая, вольная жизнь...Еще летом 56-го, когда лагерь опустел, мне выдали временное удостоверение с фотографией, своего рода лагерный паспорт. Из дела мне вернули вузовский диплом. Нарядившись в лучшее платье, а сестра иногда присылала мне переводы и посылки, оно было хоть и с чужого плеча, но еще модное и нарядное, я отправилась в город и, разыскав редакцию газеты, предложила им свои услуги. Ведь в дипломе было написано: специальность - литературный работник. Конечно, я не очень верила, что мне предложат работу, я была «зэка». Но куда же мне еще было обращаться за помощью? И мои надежды оказались не напрасными –загорелая и темноглазая молодая красивая женщина, встретившая меня очень приветливо и товарищески, оказалась ответственным секретарем редакции Верой Андреевной Колобаевой. По всему видно, что мы ровесницы, так и оказалось. Надо сказать, что ни Вера Андреевна, ни ее коллеги-журналисты ни жестом, ни взглядом, ни интонацией - ничем мне не напоминали о моем истинном статусе. Историю мою выслушали сочувственно, обещали помочь найти какую-нибудь работу, некоторое время я работала помощником юрисконсульта на БГМК. А в сентябре того же года 56-го я активно сотрудничала с «Балхашским рабочим», публикуя стихи, очерки, зарисовки. А с Верой Андреевной и ее дочкой Аленой мы подружились на всю оставшуюся жизнь. В декабре 1956 года я получила справку о реабилитации и выехала в Москву, но там не осталась – вернулась в Балхаш к мужу. Так и осталась в Казахстане, где случилось все главное –любовь, семья, сын, работа в литературе, книги стихов, признание читателей. Я много ездила по республике и всей душой полюбила и эту землю, и умных, добрых ее людей».

Руфь Мееровна по заведенной ею традиции прислала мне свою книгу прозы «Щепкой в потоке», как и ранее вышедшие сборники стихов. В одном из автографов знаковые слова: «моей родной газете «Балхашский рабочий».

2001 г «Джезказганская правда»
« КАК ХОРОШО, КАК БОЛЬНО ЖИТЬ НА СВЕТЕ»

Поэтесса Руфь Мееровна Тамирина известна казахстанцам как автор десятков поэтических сборников и книгой прозы «Щепкой в потоке»- удивительной исповедью, от которой щемит сердце. Руфь Мееровна

рассказывает в ней о своей судьбе, в которой была черная страница гулаговского лагеря.

Ей был определен самый большой срок -25 лет заключения. Она, бывшая «юнгой нашей Бригантины», как писал о ней учившийся с ней в Литературном институте Борис Слуцкий, пошла добровольцем на фронт, но была отозвана в связи с арестом отца и сама арестована как дочь врага народа. Позже ее родители, как и она сама, были реабилитированы.

По счастью, из отмерянных ей четверти века Тамарина прошла путь втрое короче- 8,5 лет. Она была участницей знаменитого Кенгирского восстания в Жезказганском лагере, ей повезло, что она тогда не погибла под танками, брошенных против безоружных людей. Позже она была переведена в Балхашлаг, здесь и была освобождена после смерти Сталина. В Балхаше некоторое время работала литературным сотрудником газеты «Балхашский рабочий», пока ей с мужем, бывшим «врагом народа», с которым познакомилась в лагере, не дали разрешения переехать не то, что в родную Москву, но хотя бы подальше от места заточения. Ближайшим городом стал Алма-Ата. Там она жила вплоть до переезда к сыну в Сибирь после смерти мужа.

Руфь Мееровна часто бывала в доме моей одноклассницы, мама которой Вера Андреевна Колобаева, работала заместителем редактора городской газеты. Там я, девчонка, еще не понимая почему, была околдована этой женщиной. Она часто читала свои стихи. Среди них было одно совсем короткое:

Как хорошо, как больно жить на свете!

Ловить дыханье первых дней весны,

С тревогой просыпаться на рассвете

И тихо, чтоб никто не мог заметить,

Уйти из дома, как уходят сны...

Эти строчки из 1939 года. Поэты, видимо, всегда пророчат собственную судьбу.

«Как хорошо, как больно жить на свете...» «больно –это о лагере. Потом, много лет спустя, мы встречались с Руфь Мееровной в Алматы, она несколько раз приезжала в Балхаш, и тоже были встречи, иногда редкие письма и бандерольки с автографами на новых книжках. У Тамариной удивительно лиричное слово, свое поэтическое видение мира. У нее есть цикл стихов, посвященных Балхашу, и каждый из них мог бы стать гимном городу, как это: «Мы живем с тобой у моря под названием Балхаш». Она считала себя обязанной нашему городу за счастье свободы, обретенной любви, за первую после лагеря собственную комнату в бараке, за публикацию ее стихов в городской газете, за помощь в издании первого сборника, за память о ней и за добрых людей.

О лагере она никогда не рассказывала, лишь иногда прорывались строчки, написанные еще в лагере. А потом вышла исповедальная книга «Щепкой в потоке». Эта книга, как и все стихи, о лично пережитом: о войне, о Кенгире, о Балхаше, но это еще и стихи о добре. Недаром один из последних сборников она назвала «Время добрых людей». Руфь Мееровна считает, что добра больше, чем лжи, света больше, чем тьмы...

Даже в самые злые года,

Когда в ночь воронки увозили,

И тогда, и тогда, и тогда
Люди добрые – добрыми были.
Я хочу, чтоб во все времена
Время Добрых людей не избылось,
И надежда, крепка и вольна,
Добротой осуществилась!
Это звучит как завещание, переданное нам из застенков Гулага. Исполнить бы его
только ...

3. ЛИКИ ПРОШЛОГО

Апрель 1997г. «Центральный Казахстан»

ДЕПОРТАЦИЯ: факты и судьбы

Есть глубокий смысл в том, что именно нынешний, 1997 год объявлен в Казахстане Годом согласия и памяти жертв политических репрессий. Ровно 60 лет тому назад, в 1937 году, началась злоецающая акция геноцида, репрессий сталинского режима не только в отношении к отдельным людям, но и целым народом.

Смертоносный молох работал без устали: одним расстрел, другим Гулаг, третьим депортация... Чего стоит только одно постановление СНК и ЦК ВКПб «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» от 21 августа 1937 года и другие документы, которыми в одночасье была изменена, сломана судьба 200 000 корейцев, проживавших в районах советского Приморья. Они были насильно вывезены из родных мест.

На волне всеобщей подозрительности всей корейской диаспоре было приписано клеймо «неблагонадежных», но, конечно, с «благопристойной» целью: пресечения проникновения «японского шпионажа». В «шпионы», видно, были записаны в этих черных списках и дети. Собственно, теперь, когда прошло уже столько лет, только дети из депортированных корейских семей остались единственными, пожалуй, свидетелями тех страшных лет. Доверимся впечатлениям детской памяти тех, кто и на склоне своей жизни не забыл, как это было.

Любовь Николаевна Ким:

- К нам пришли из канцелярии и сказали, чтобы собирались, всех корейцев переселяют, через три дня отправление... У нас семья была большая – семеро детей. Хозяйство было, свой дом, держали кур, свиней, часть закололи, чтобы в дорогу взять с собой. А остальное так и бросили. Куда, почему, никто не объяснял...

Роза Петровна Цой:

- Мы жили в Приморском крае, в большом рыболовецком колхозе, там все мужчины, как весной уходили в море, так иногда до осени, всю путину там, редко дома бывали. А в тот год вдруг разом вернулись домой, сказали, что с семьями уехать велено. Приказ есть такой. Ехали в товарных вагонах, народу много, нас мама от себя не отпускала, боялась, что потеряемся. А однажды вдруг за отцом

пришли, прямо в вагоне арестовали... Больше мы о нем никогда ничего не слышали. С 1937 по 1941 год мы жили в Астраханской области, работали в рыболовецком колхозе. А потом нас отправили в Казахстан, сначала в Акмолу, зиму там жили, потом опять в поезд и на станцию Моинты. Неделю жили прямо на улице, а был апрель, еще холодно, мерзли очень. В сорок втором году попали в Куйган, а оттуда в Восточный Коунрад. Там на шахте №6 работало много корейцев, за старшего был Ючигон Владимир Иванович. Здесь молибден добывали. Уже после войны переселили в Чубар-Тюбк, это теперь там поля, а тогда была просто целинная степь. Вот ее и пришлось поднимать. А в 1951 году перебрались в Балхаш, купили землянку в Копай-городе, прямо у озера целый был саманный городок из землянок. В нем рядом жили и казахи, и немцы, и русские, и кавказцы.

Я пошла на швейную фабрику работать, сначала швеей, а потом много лет была директором фабрики индпошива. Только швейному делу отдано 45 лет, а ведь работали с раннего детства. Балхаш стал мне родным, здесь могилы матери, сестры.

Розу Петровну знаю много лет. Она как директор швейной фабрики была известным человеком в городе, у коллектива неизменного победителя соревнования в отрасли—журналисты в свое время были частыми гостями. Но вот так, по душам, о том, что довелось испытать в жизни ей, ее близким, никогда прежде не говорили. Только люди этого поколения да еще документы, поднимаемые из спецархивов, могут восстановить историю без «белых пятен».

Нынешний год согласия и памяти должен восполнить пробелы, а то и просто заново написать целые страницы в судьбе многих народов, воздать должное жертвам политических репрессий, восстановить добрые имена погибших. Этой задаче может помочь и деятельность культурно-национальных центров. В Балхаше эту святую миссию уже начал корейский центр во главе с Розой Ивановной Син. На первой, новогодней встрече по восточному календарю, по ее инициативе и поддержке акима города, было организовано чествование ветеранов труда, старожил, известных людей.

Не забывая об истоках их биографии, я считала и считаю: главное, что они балхашцы – по давности прожитых здесь лет, и по их вкладу в жизнь города как трудовому, так и семейному. Город у озера стал родным для детей и внуков тех, кто когда-то начинали обустраивать и свою жизнь, и жизнь Балхаша

Сколько поколений местной детворы прошли через добрые руки детского врача Дарьи Макаровны Хан. А ее однофамилица Роза Филипповна Хан, давно уже на пенсии, но так и осталась единственной корейкой в истории обогатительной фабрики, где проработала 25 лет.

Иннокентия Яковлевича Ни знают в городе как директора ремонтно-механического завода, здесь же работает в литейном цехе его сын. В этом году исполняется 40 лет заводскому стажу Иннокентия Яковлевича. В Балхаше его родители поселились в 1939 году, так что детство, школа, работа –все связано с одним городом, где получил диплом инженера-механика по машиностроению.

Столь же прочными нитями связана с Прибалхашьем судьба Леонида Харитоновича Кима. Он не только жил у озера, он и трудился здесь, сначала

рыбаком, потом механиком на флоте. А на берегу его ждала Машенька, Мария Васильевна, ставшая ему женой и матерью трех их детей. Дети - особая гордость Леонида Харитоновича. Все получили высшее образование: Лена инженер-строитель, Наташа - экономист, сын Владимир –юрист. Уже пятеро внуков растут.

У сестер-двойняшек Любви Николаевны и Надежды Николаевны Ким, которым в 1937 году было по 12 лет, и потому они помнили чуть больше других, жизнь сложилась тоже из труда и еще раз труда. Они рано остались без отца, помогали матери, чем могли. Ведь, кроме них, в семье было еще пять детей. Но они считали, что семьи и должны быть большими, и когда вышли замуж, то у каждой выросло по три дочери и по сыну. Теперь у их детей есть дети, так что и тут счет ведут сестры похожий: у одной 8 внуков, и у другой -8.

Как же хочется всем этим людям счастья своим детям, внукам и правнукам. Ведь так и должно быть на свете, чтобы дети рождались для лучшей жизни, чтобы никогда не пришлось им пережить трагедию, которая выпала на долю предвоенной детворы в том же Приморье. Тех ребятишек тогда согрело солнце Балхаша, теперь оно светит их сверстникам совсем из другого времени.

30 сентября 1997 «Индустриальная Караганда»

ЛИКИ ПРОШЛОГО И СОЛНЦЕ БАЛХАША

В этом году исполняется 60 лет проживания корейской диаспоры в Казахстане. В этом юбилее - горькое эхо тридцать седьмого года, оставившего черный след в истории , в судьбах людей и народов.

...И станет тайное явным

Есть глубокий смысл в том, что именно нынешний год в Казахстане объявлен Годом согласия и памяти жертв политических репрессий. Ровно 60 лет назад, в 1937 году, началась самая массовая акция геноцида, необъявленной войны сталинского режима против собственного народа. Смертоносный молох работал без устали: кому -расстрел, кому –гулаговские лагеря, а третьим-депортация...

Долгие годы хранились в спецхранах документы, которые и теперь по прошествии долгих лет, страшно читать, они сами по себе обвинение тому, что происходило в стране.

Как, к примеру, постановление СНК и ЦК ВКПб от 21 августа 1937 года «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края».Одним росчерком пера была сломана, изменена судьба 200 000 корейцев, проживающих в районах советского Приморья: они были насильно вывезены из родных мест.

На волне всеобщей подозрительности всему корейскому населению Приморья было приписано клеймо «неблагонадежных» с целью « пресечения проникновения японского шпионажа». В «шпионы» попали даже дети. Теперь

только дети из депортированных корейских семей и остались единственными живыми свидетелями тех страшных лет.

Доверимся впечатлениям детской памяти тех, кто и на склоне лет не забыл, как это было.

-К нам пришли из канцелярии и сказали, что всех корейцев переселяют, через три дня отправление. У нас семья была большая,-рассказывает Людмила Николаевна Ким,- семеро детей. Хозяйство было, свой дом, держали кур, свиней, часть закололи, чтобы взять в дорогу. А остальное так и бросили. Никто не объяснял, куда, зачем и почему выселяют...

-Мы жили в рыболовецком колхозе в Приморском крае, там все мужчины как весной уходили в море, так до осени, всю путину там, редко дома бывали. А в тот год вдруг все разом вернулись домой, сказали, что велено семьями уехать,- вспоминает Роза Петровна Цой.- Мол, приказ есть такой. Ехали в товарных вагонах, народу много, нас мама от себя не отпускала, боялась, что потеряемся. А однажды вдруг за отцом пришли, прямо в вагоне арестовали... Больше мы о нем уже никогда ничего не слышали.

Она никогда и никому об этом раньше не рассказывала: на тему был наложен запрет. Но разве можно запретить помнить? И они помнили, хотя в роковой год им было по пять-семь лет, исключение составляют сестры-двойняшки Любовь Николаевна и Надежда Николаевна Ким. В этом году им исполнилось по 72 года, они самые старшие в семье балхашских корейцев. Тогда им было по 12 лет.

-Нам еще повезло, что мы доехали до Балхаша: отец, мама, все дети. А у многих старики, ребятишки умерли в дороге. Хоронили наспех, пока поезд стоит, и приметить те места не могли. В теплушках, в вагонах для перевозки скота было набито столько народу, что спать приходилось стоя. Так, стоя, и умирали...- Надежда Николаевна не может сдержать слез, вспоминая эту страшную быль из собственного детства.

Да, им повезло выжить, этим корейским семьям. И в тех поездах рядом со смертью, и потом во время странствий по многочисленным дорогам по стране. Семья Р.П.Цой, к примеру, с 1937 по 1941 годы жила в Астраханской области, а потом отправили в Казахстан.

-Сначала нас привезли в Акмолу, зиму там прожили, а потом опять переселение. Довезли до станции Моинты, неделю жили прямо на улице, а был апрель, холодно, мерзли очень. В сорок втором попали в с. Куйган, оттуда на Восточный Коунрад. Там на молибденовых шахтах работало много корейцев, за старшего был Ючигон Владимир Иванович. Уже после войны переселились сами в Чубар-Тюбек, там тогда целина была, вот и пришлось ее поднимать. Уже в 1951 году переехали в Балхаш, с тех пор тут и живем. Еще с Копай-города остались друзья –немцы, казахи, русские, чеченцы. Тогда же все трудно жили, в бараках, много работали, а были дружны очень, помогали друг другу, делились всем.

Из рассказов других знакомых корейцев знаю, что многие занимались рыболовством, недаром среди балхашских рыбаков много корейских династий. Трудолюбивый, не боящийся никакого дела народ: что в море выйти с сетями, что в шахту спуститься. В числе первых пошли в предприниматели. Немало в городе

талантливых врачей, инженеров, учителей. Но это уже новые поколения, потомки тех, детей из первых поселенцев в Казахстане, через чьи судьбы прошло зловещее слово – депортация.

Плотину молчания об этой странице прошлого теперь прорвало: обнародованы документы расстрельного тридцать седьмого года, появились новые.

Первым актом покаяния – и не только перед корейским, но и другими народами и людьми, чья жизнь была опалена огнем сталинского террора – стал Закон республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессий». В нынешний, юбилейный год депортации 31 мая стал Днем памяти в республике, а весь год объявлен Годом согласия. И это лишь то малое, что могло сделать государство, чтобы вернуть целому поколению доброе имя.

Впрочем, даже теперь бюрократических закорючек хватало, чтобы не признавать явного. Восстановить справедливость в отношении к жертвам репрессий – вот благая цель только что опубликованного закона «О внесении изменений и дополнений в закон РК «О реабилитации жертв массовых политических репрессий», опубликованного в печати 2 августа. А поправки внесены существенные, в том числе касающиеся детей того времени, а также документов, которых просто не выдавали. Как гласит новый закон: «В случае отсутствия (в связи с их уничтожением) документов, подтверждающих применение политических репрессий в виде изгнания из страны, удаления из мест проживания или районов обитания (ссылки или высылки), направления в спецпоселения, основанием для признания факта применения репрессий является установление фактического проживания лиц на территории Казахстана вследствие репрессивных акций».

Вот и сказано слово, которого так ждали многие. Увы, короток срок жизни, и этот такой важный, нужный документ некоторые уже не прочтут никогда.

Письмо из далеких лет

С болью узнала, что не стало Михаила Дмитриевича Пака. Ему был 71 год. Вспомнилась наша последняя встреча. Он, как заметила потом дочь, был необычайно возбужден, много говорил, вопреки запрету врачей, но хотел обязательно встретиться, узнав, что собираю материал о депортации. Даже для дочери рассказ отца был откровением, он никогда не рассказывал в семье о том, что пережил: щадил близких, хотя его самого судьба не щадила.

- Мне было 11 лет, когда отец, который был председателем колхоза, сказал, что корейцев будут переселять. Он сам был в какой-то комиссии, деньги выдавал – за то, что сдавали колхозу свое хозяйство. Мы тоже сдали и дом, и скотину, корова у нас была. Три дня дали сборы, а потом всех выселили и отправили в Комсомольск- на Амуре, оттуда должны были везти на пароходе. Куда, никто не знал. С парохода всех перевели вагоны в Хабаровске, целый состав был сформирован.

Товарные вагоны были переполнены, дети, старики плачут, а никуда не выпускают, душно, смрадно. Через мост переезжали, так даже окна закрыли. Отца с нами уже не было: за ним пришли, арестовали еще на пароходе. Ему было 45 лет, он мне, мальчишке, только и успел сказать: « Маму береги, сестру, ты теперь один мужчина остался в семье. Но я скоро вернусь. Вины за мной нет, вот разберутся, и я вас найду...»

Михаил Дмитриевич не смог сдержать дрожи в голосе, достал платок из кармана, вытер со щеки сбежавшую слезу, а потом протянул официальный бланк:

-Вот в прошлом году, наконец, пришел ответ. А ведь мы все эти годы отца разыскивали, куда только не писали, а нам даже не отвечали. Только в 1954 году, откуда , не помню, пришла бумажка, что среди живых не значится, и просили больше не писать, не беспокоить... Но мы с сестрой продолжали поиск. И в прошлом году узнали, что стало с отцом. Прочтите.

Справка была выдана управлением федеральной службы контрразведки г. Хабаровска. «Пак Дмитрий Гордеевич, 1892 года рождения, уроженец Кореи, работал председателем колхоза «Коминтерн» Хабаровского края. 28 сентября 1937 года был арестован. 20 февраля 1938 года «тройка» НКВД по ДВК приговорила Д.Г.Пака к высшей мере наказания –расстрелу. Приговор приведен в исполнение 31 марта 1938 года. По определению военного трибунала ДВО 11 января 1960 года приговор отменен, и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Пак Дмитрий Гордеевич реабилитирован полностью посмертно».

Оставим беспристрастность ответа, обратим внимание на даты: в 1937 году арестован, в 1938 году расстрелян, а в 1960 году(!) «приговор отменен»... Реабилитация опоздала на 22 года! Еще 36 лет понадобилось, чтобы сын, наконец, узнал о судьбе отца: «полностью реабилитирован посмертно».

Это письмо из прошлого усугубило состояние и без того уже больного Михаила Дмитриевича и, может, даже приблизило его конец. Но он еще успел узнать после очередного запроса, что отец захоронен на Хабаровском городском кладбище. Пришло также подтверждение, что на момент ареста отца в составе его семьи были жена и четверо детей. Теперь от большой семьи остались две сестры Михаила Дмитриевича, и по счастью, дети и внуки.

-Папа все мечтал когда-нибудь поехать в Хабаровск , на могилу отца. Не успел...-говорит дочь .

Пуля, расстрелявшая в тридцать восьмом году отца в г. Хабаровске, все-таки долетела до сына в Балхаш почти через 60 лет. Ведь пуля сначала была из металла, а потом вонзилась в сердце сына памятью.

С этим незримым осколком в сердце прошла вся жизнь М.Д.Пака: сначала в Петропавловске, потом в Караганде, в Акчатау, где работал старателем, потом бурильщиком в шахте, горным мастером. Закончив курсы бухгалтеров, работал в орсах Агадыря, Акчатау, в Шетском районе, Жезказгане, Балхаше: безотказным был- куда посылали , где был нужен, там и работал. 30 лет отдано только железной дороге, за свой безупречный труд был отмечен званием «Отличник торговли», многочисленными Почетными грамотами, памятными адресами.

Все это осталось в семейном архиве вместе со справкой о реабилитации старшего Пака, с тем письмом из Хабаровска о составе семьи, которое теперь,

согласно упомянутому выше закону РК, является основанием для признания сына расстрелянного безвинно человека тоже жертвой репрессий. В качестве компенсации полагались энная сумма, льготы за квартиру, за телефон, за лекарства, бесплатный проезд. Не успел всем этим воспользоваться Михаил Дмитриевич Пак ...

Уходят свидетели и участники депортации вслед за отцами, навечно. Но остается история, которой так нужна истина.

Эхо памяти

Нынешний год согласия и памяти должен восполнить пробелы, а то и просто заново переписать целые страницы в истории казахстанских корейцев. Эту благую миссию взяли на себя республиканская ассоциация корейцев «Котонрен», комитет социально-правовой защиты «Тесен», которые ведут большую работу по воссозданию истории депортации корейского народа, в том числе по изданию книги, в которой будут собраны воспоминания репрессированных и их членов их семей.

Ведется поисковая работа и на местах. В Балхаше активно приобщились к этой акции благодаря руководителю корейского культурно-национального центра Розе Ивановне Син. Сейчас составлены впервые списки жертв политических репрессий. Теперь после принятия закона «О внесении изменений и дополнений» в закон РК «О реабилитации жертв политических репрессий», таковыми следует считать всех казахстанских корейцев вплоть до 1937 года рождения, ибо все они приехали не по своей воле, а были вывезены из родных мест в ходе депортации.

В балхашском списке 271 имя. С учетом, что в городе проживает около 1800 корейцев, это значит, что каждый шестой представитель диаспоры испытал на себе ужас депортации. Но есть еще генетическая память, есть их дети и внуки, и уже даже правнуки, и они должны знать, через что прошло старшее поколение.

У памяти народной долгое эхо.

По инициативе Розы Ивановны Син на первой в этом году новогодней встрече, которую корейский национально-культурный центр по традиции проводит в феврале и обязательно приглашает гостей из других национальных центров, прошло чествование ветеранов диаспоры. Им были вручены памятные подарки, в их честь свою новую программу показали юные артисты из детского фольклорного корейского ансамбля, им были адресованы добрые слова благодарности за труд, за воспитание младшего поколения, за верность Балхашу. Не забывая об истоках их биографии, их по праву считают коренными балхашцами, ветеранами города. И тех, кто приехал на берег озера с амурских берегов, и тех, кто родился и вырос здесь вместе городом, который в этом году отметил свое 60-летие. И в этой 60-летней истории Балхаша заметен добрый след, который вписали своим трудом директор ремонтно-механического завода Иннокентий Яковлевич Ни, детский врач Дарья Макаровна Хан, бывший флотатор Роза Филипповна Хан, рыбак Леонид Харитонович Ким и многие другие знатные люди города. Их традиции продолжают новые поколения, и пусть этим мальчишкам и девчонкам никогда не придется пережить того, что выпало на долю

их сверстников из далекого предвоенного детства, в печально известном тридцать седьмом..

Тех ребятишек из далекого Приморья тогда согрело солнце Балхаша, теперь оно светит детям совсем другого времени.

... Когда на городской площади открывался памятник жертвам политических репрессий, к нему пришли тысячи балхашцев. И были слезы, очищающие душу, и были воспоминания очевидцев –многоязычные, ведь Казахстан стал родиной для многих народов, и были цветы. Они ложились к подножию памятника из сморщенных старческих кулачков, из молодых и сильных рук и слабых детских ладошек. А с пьедестала смотрели в глаза собравшихся на митинг отлитые в металле лики прошлого: измученные, но не покоровшиеся ни судьбе, ни времени. Они будто спрашивали:

-Вы помните о нас? Не забывайте!

Это не голоса звучали – эхо нашей памяти.

25 мая 2007 г «Пульс »

СОЛНЦЕ НАД НАМИ ОДНО

В этом году исполняется 70 лет проживания корейской диаспоры в Казахстане. В этом юбилее –горькое эхо тридцать седьмого года, оставившего черный след в истории XX века и в судьбах людей.

Даже по прошествии многих десятилетий нельзя без волнения читать название Постановления СНК и ЦК ВКПб от 21 августа 1937 года «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». Чудовищный документ!

Одним росчерком пера были в одночасье сломана жизнь 200 тысяч корейцев, проживающих в районах советского Приморья, которые насильно были вывезены из родных мест.

На фоне всеобщей подозрительности, царившей тогда в стране, советским корейцам было приклеено клеймо «неблагонадежных.» Выселяли под надуманным предлогом –якобы «для пресечения проникновения японского шпионажа». В шпионы были записаны даже младенцы. Эти дети давно выросли, да и из них немногие дожили до сегодняшнего дня. Но те, с кем довелось встречаться в разные годы, никогда не забывали того кошмара, которому были свидетелями тогда, тридцать седьмом...

Запомнился рассказ сестер-двойняшек. Любовь Николаевны и Надежды Николаевны Ким, которым было в тот год по 12 лет. Они и в преклонном возрасте помнили свой детский страх, когда в их дом пришли со страшной вестью: всех корейцев переселяют, отправка через три дня. Куда, зачем, почему? Этого никто не объяснял. В семье, где было 7 детей, были свой дом и небольшое подсобное хозяйство, которое кормило их, вынуждены была бросить все, чтобы отправиться в неизведанный путь.

Везли депортированных в вагонах для перевозки скота, где было набито столько народу, что даже спали стоя. Старики и дети, не выдерживали

постоянного голода, тяжелого смрада, шквала болезней, обрушившихся на обессиленных людей. Умиравших хоронили наспех, когда поезд останавливался в какой-нибудь отдаленной от поселений глухомани, не успевая отметить как-то место последнего приюта родных.

Тем, кому повезло выжить в тех жутких эшелонах, надо было выживать и потом. Потому что людей часто переправляли с места на место Роза Петровна Цой рассказывала, что ее семья попала сначала в Астраханскую область, а потом уже в 41-ом их отправили в Казахстан.

Довезли до станции Моинты и высадили прямо на улицу, где их никто, конечно, не ждал. Спасались, как могли. Позже попали в с. Куйган, оттуда в Восточный Коунрад. Там в шахтах работало много корейцев. За старшего был Ючигон Владимир Иванович, После войны переехали в ЧубарТюбек, где пришлось поднимать целину, а уж оттуда – Балхаш.

У каждой семьи своя история выживания. Людей спасало природное трудолюбие, стойкость, жизнелюбие и ответственность за своих детей. Из рассказов знакомых корейцев знаю, что переселенцы не чурались никакого труда. Одни занимались рыболовством, и не случайно среди балхашских рыбаков и сегодня немало корейских династий. Другим не по своей воле пришлось спускаться в шахты, где вместе с другими горняками добывали молибден-металл Победы. Первые огороды в степи и первые бахчевые поля в Прибалхашье тоже имеют корейский след. А местные модницы знают, что именно кореянки всегда были лучшими портнихами. И в числе первых предпринимателей были и сегодня успешно работают в бизнесе представители корейской диаспоры. Среди них немало талантливых инженеров, врачей, учителей. Но это уже новые поколения, потомки тех детей, чье детство было опалено жестокостью и изуверством депортации.

За минувшие десятилетия многое изменилось в жизни изгнанного когда-то из родных мест народа, который обрел в Казахстане свою вторую родину и пророс корнями на этой земле. Впрочем, эти перемены мы переживали вместе, не взирая на графу о национальности в наших паспортах.

Нельзя вернуть тех, кто пострадал и погиб в годы политических репрессий. А этот чудовищный спрут держал в своих щупальцах все народы: пострадали казахи и корейцы, русские и кавказцы, немцы и прибалты, поляки и татары...Любой народ на генном уровне хранит память с своим прошлым, но ведь в этом прошлом остались не только страдания. Прошлое сохранило для нас народные обычаи и национальную культуру, этику отношений, традиции и обряды. Оттого так велик сегодня во всем мире интерес к своим национальным корням, пробуждается и растет национальное самосознание.

То, что хранилось и передавалось из поколения в поколение, приобрело новую жизнь и новые формы во всех диаспорах. Так, одним из первых культурно-национальных центров в нашем городе стал корейский центр. Первым его председателем была Роза Ивановна Син. Человек кипучей энергии, она в своем стремлении возродить национальную культуру, прежде всего для молодых, быстро нашла сторонников. По ее инициативе были созданы не только кружок по

изучению корейского языка , но и музыкально-танцевальный ансамбль, в репертуар которого вошли старинные и современные народные песни и танцы.

Энтузиастами центра были возрождены и многие праздники, которые привлекали своей необычностью и неповторимостью. К примеру, у балхашцев впервые появилась возможность познакомиться с традицией корейцев и других народов Востока отмечать Новый год в феврале по лунному календарю. Приходилось бывать и на традиционном корейском осеннем празднике урожая, и на первом дне рождения ребенка, которому торжественно отмечается исполнение одного годика.

Что уж говорить о корейской кухне, которая стала настолько традиционной в меню всех балхашцев, что благодаря им распространилась во все регионы, где живут наши земляки. Можно купить сегодня вкуснейшие корейские салаты в Омске, Москве, в Кисловодске, в Германии, которые отличаются разнообразием вкусовых качеств и пряными ароматами морепродуктов, мяса, овощей и зелени. Культура питания это ведь тоже часть национального достояния, и казахские корейцы владеют им в совершенстве.

Неизменно демонстрируются на городских праздниках необычная мелодичность национальной музыки и плавность восточного танца. А недавно в нашем городе в составе карагандинской делегации, приехавшей с благотворительной миссией, побывал ансамбль юных музыкантов, поразивший зрителей необычными ритмами звучания корейских барабанов.

Древнее искусство этого талантливого народа у современников занимает достойную нишу и в век сплошной компьютеризации, повального увлечения Интернетом и сотовой связью.

Духовность народа и его нравственные ценности нельзя спалить никаким репрессиям. Обо всем этом поневоле думается всякий раз, когда 31 мая горожане по традиции собираются около памятника жертвам политических репрессий, чтобы почтить память об ушедших в звездные дали родных людях в лихие годы сталинской диктатуры.

10 лет назад, в 1997 году Указом президента РК. Н.А.Назарбаева 31 мая был объявлен официальным Днем памяти жертвам репрессий. Казахстанские корейцы приняли это как особый знак. Тогда как раз отмечался печальный юбилей -60-летие депортации корейского народа с Дальнего Востока. И вот новая дата в народной памяти - нынешнее 70-летие со времени массового изгнания и насильственного переселения старшего поколения корейцев в Казахстан.

С тех пор наша страна стала родиной для всей многочисленной диаспоры этого народа. В Балхаше сегодня проживают несколько тысяч корейцев- потомков первых переселенцев – их детей, внуков и правнуков. Имена многих из них хорошо известны всем балхашцам. Это главный детский врач города Дарья Макаровна Хан, заместитель акима города Луиза Михайловна Кван, опытнейший стоматолог Борис Григорьевич Ким, директор СШ №5 Галина Вениаминовна Тянь, предприниматель Виталий Борисович Хон, преподаватель Любовь Константиновна Хан, ветеран кино и фотожурналистики Эдуард Юрьевич Тегай, профсоюзный деятель и председатель корейского центра Александр Дяхович Ли и другие.

Они нашли свое призвание в разных областях, но о каждом из них, как и обо всех земляках, которые родились, выросли, работают и живут в городе у озера, можно сказать одним словом – это патриоты Балхаша. И сегодня все мы являемся юбилярами, отмечая 70-летие родного города.

Так всегда бывает в жизни – время печали сменяется радостью. Это можно сказать и о двух разных юбилеях, совпавших по времени. В 70-летию депортации корейцев горит негасимый огонь памяти, а 70-летие Балхаша согревает наши души теплом и праздничным светом, в котором каждому из нас светит свой добрый и родной лучик балхашского солнца. А солнце над нами во все времена светит одно.

4.МИССИЯ ИЗ ЛИТВЫ

Май 1997 г «Центральный Казахстан»

КРЕСТ В СТЕПИ

В Балхаше не так уж много памятников, и у каждого из них свой высокий смысл.

Паровоз, вставший на вечную стоянку у въезда на промплощадку медного комбината – дань первопроходцам, именно этот паровоз доставил первый поезд с коунрадской рудой.

Танк на берегу озера напоминает, что и здесь, в тылу проходила в сороковые линия фронта: во имя Победы работали все, а балхашский молибден был в броне, может быть, и этого танка. Ведь из каждых 100 тонн этого грозного войны 60 тонн добывалось в шахтах Прибалхашья.

Светом памяти и признательности освящены в нашем городе имена знатных земляков, они навечно вписаны в карту Балхаша, как улица имени бывшего солдата, кавалера трех орденов солдатской Славы Василия Петровича Спицына. Или профилакторий комбината, которому присвоено имя бывшего председателя профкома БГМК, фронтовика, ветерана труда комбината Рахмана Кенбаева, по инициативе которого был построен санаторий – профилакторий на берегу озера. Из этого же списка техническая библиотека имени Героя Социалистического труда, бывшего главного инженера комбината Юрия Кенсориновича Победоносцева, музыкальная школа имени знатного акына Прибалхашья Шашубая, улица имени одного из первых казахов-инженеров К. Кадыржанова...

Это добрая память. Но есть в истории города страницы горькие и тяжелые. И память об этом тоже горька и тяжела.

В сталинском архипелаге Гулаг один из лагерей назывался Балхашлаг. Это название никогда и нигде не фигурировало. Впрочем, как и тысяч других таких лагерей. Только в последние годы стали рассекречиваться и адреса гулаговских лагерей, и документы кровавого расстрельного 1937 года и последующих за ним лет, вплоть до 1956 года, когда началась реабилитация безвинно репрессированных людей.

Но даже при нынешней гласности все еще остаются «белые пятна», в забвении многие имена, безымянные могилы. Нет точной даты появления Балхашлага, и все меньше остается людей, кто прошел кругами этого ада. Да и те, с кем доводилось встречаться, избегали рассказов о том времени, хотя подтверждали, что в свое время не по своей воле приехали в Казахстан.

У Олжаса Сулейменова есть пронзительные строчки:

Я бы мог появиться в горах,
И не зваться казахом,
или жить в белой хатке,
Коров по оврагам пасти,
все равно- привезли бы меня
в Джезказган вагонзаком...

По его же образному выражению Казахстан «огромною каторгой плавал на маленькой карте», но ведь недаром это стихотворение «О запрещении испытаний», написанное в 1963 году - отдадим должное смелости поэта!- было впервые опубликовано только в 1989 году.

Сознательно замалчиваемая официальными кругами правда все равно прорывалась через запреты. Да и как можно было не знать тем же балхашцам, что их новые соседи: с Волги, Дальнего Востока, из Прибалтики, попали в опалу «вождя народов» именно за принадлежность к какому-то из этих народов. Под подозрением были немцы и литовцы, корейцы и чечены, им даже было дано общее безнациональное имя - спецпереселенцы. Их жизнь контролировалась по часам, по ежедневным отметкам в спецкомендатурах. И они знали, что любое проявление неблагонадежности означает замену «трудового лагеря» на лагерь за забором с казарменным режимом, изнурительной работой, где, если и было право, то только на безымянную могилу.

Никто и теперь не знает, сколько людей похоронено за разрушенным со временем кирпичным забором Балхашлага. Но могилы там есть. Есть и крест – простой, деревянный, и каменная стела неподалеку. Только появились эти скорбные памятники совсем недавно.

Крест установили в 1987 году приезжавшие на место гибели своих товарищей те, кто выжил в человеческой мясорубке вопреки всему. Издалека приезжали – из Прибалтики. На кресте табличка на двух языках – литовском и русском : «Место покоя политзаключенных- жертв сталинизма. 1941-1957 гг.» Другой памятник из саякского гранита в 1993 году поставлен местными властями после того, как в Балхаше побывали несколько делегаций, разыскивающих в Казахстане могилы японских военнопленных. Из Японии привезли табличку с иероглифами, и без перевода можно сказать, что там написано. Вечная память тем, кто покоится в балхашской земле!

Две пожилых японки, две сестры, по случайно сохранившему номеру на табличке на заржавевшем металлическом пруте, угадали могилу отца, сердцем своим вещим. Как и вся делегация, они еще и еще раз сверялись со списком – номер совпадал с именем солдата Накаяма, так и не вернувшегося с войны. Сестры встали на колени перед могильным холмиком, зажгли поминальные свечи

и молчали, скорбно и торжественно, будто их душа говорила с душой отца, отлетевшей в небеса здесь, над суровой чужой степь.

То интернациональное кладбище Балхашлага больше никто не посещал: далека дорога к нему. И горожанам недосуг, да еще сказалась вечная нехватка средств, чтобы привести все-таки в порядок уже не могилы (их размыло пульпой, занесло песком и илом), а просто территорию бывшего кладбища бывшего лагеря. Преданные однажды забвению имена не воскресить, но можно обнести это место последнего приюта безвинных людей хотя бы оградой...

Мы многое откладываем на потом: времени нет, то средств, то желания и сил... Не аукнется ли беспамятством самим, ведь пример с нас берут идущие за нами поколения. Тем более, что и теперь можно сделать очень многое. Вот в новой экспозиции городского музея отведен стенд Гулагу, его жертвам. Материалов немного, но есть снимки, которые стали темой «сердца горестных замет».

А рядом в портретной галерее Почетных граждан Балхаша многократно переснятый портрет легендарного первого директора Прибалхашстроя, а прежде первого директора Сталинградского тракторного завода В.И.Иванова. Ему в числе первых – посмертно – было присвоено звание Почетного гражданина Балхаша. Это лишь малая дань уважение памяти герою первых пятилеток, чья жизнь была связана с Балхашом до трагического не только в его судьбе 1937 года. Только теперь стало известно, что он был расстрелян как «враг народа». Однако этого было достаточно, чтобы имя его, директора крупнейших строек в стране в тридцатые годы, было вычеркнуто из памяти, не вошло в советские энциклопедии, как и имена других лучших сынов разных народов, на которых было клеймо «вражеских агентов» и «врагов народа». Не знаю, как в Сталинграде-Волгограде, а в Балхаше чтят память об Иванове, его именем названа одна из улиц города. И хоть модно теперь переименовывать улицы, надеюсь, улицы Иванова это не коснется никогда. Ведь настояли на этом те, кто знал его лично, работали рядом – старожилы и ветераны города.

Стоит ли повторять, что память не имеет национальности, она интернациональна. Об этом напоминает и крест в степи. Он ведь не только над литовскими могилами высится – над Балхашлагом. Потому и свят.

2000 г «Пульс»

ЛИТОВЦЫ В БАЛХАШЛАГЕ

Экспедиция из Балтики уточняет карту захоронения политзаключенных в Казахстане

Они прибыли в Балхаш с особой миссией: по поручению правительства в Литве ведется большая работа по восстановлению мест пребывания литовских граждан во время сталинских репрессий в 1941-1953 годах в многочисленных подразделениях Гулага, составляется карта захоронений политзаключенных в

разных регионах бывшего Союза. Одним из таких адресов в Центральном Казахстане является бывший лагерь на берегу нашего озера - Балхашлаг.

У Альгиса Вишнюнаса был и личный мотив для посещения Балхаша. Здесь за колючей проволокой Балхашлага долгое время находились его родители. Кроме того, он был в числе тех, кто установил в степи символический знак негасимой памяти о погибших в застенках гулаговских лагерей безвинно осужденных людей.

И вот уже более 10 лет высится над сравнявшимися с землей безвестными могилами католический крест. На деревянной его перекладине табличка: «Место покая политзаключенных –жертв сталинизма.» И даты – 1941-1957 годы. Надпись на двух языках – литовском и русском.

Сюда, в это гиблое место, где уже не видно надгробных холмиков, где земля занесена пульпой и буйно растет камыш в котлованах с просачивающейся по невидимым стокам озерной водой, мы приехали вместе. Редакционная машина по едва заметной колее довезла до скорбного мемориала, над которым высятся только деревянный крест да мраморный черный обелиск с упавшей табличкой с японскими иероглифами.

Этот памятник из саякского габбро был установлен несколько лет назад делегацией из Японии. Увы, сюда редко кто заглядывает, хотя в последние годы стало доброй традицией в день памяти жертв политических репрессий, отмечаемый в Казахстане 31 мая, привозить сюда цветы к одиноко стоящим в открытом поле двум надгробиям.

Белые астры и в этот день легли у подножия креста. Тяжело было видеть скупые слезы двух мужчин, склонивших головы перед памятью соотечественников. Литовцы с болью смотрели на покосившийся крест, по которому ползли разрушающие дерево трещины.

Побывали гости из Литвы и на территории бывшего Балхашлага. Ведь кладбище, в котором нашли последний приют те, кто не смог пережить здешнего ада, находится сразу за его стенами, тоже уже разрушенного временем.

Второй гость из Литвы, Антанас Сейкалис, стал символическим гидом по лагерю. Нет, он не сидел в Балхашлаге, но те места, в которых ему пришлось побывать за годы лагерной жизни – на Алтае, в Жезказгане –мало чем отличались от здешней зоны. Те же бараки с зарешеченными оконцами, такие же скрипучие железные ворота у входа на территорию, высокие перегородки между женской и мужской половинами, узкие камеры БУРа-барака усиленного режима.

Мысленное возвращение в собственное прошлое и через полвека вызывало горькие воспоминания. Даже при известной сдержанности, которой обладают прибалты.

Антанас не смог скрыть своей взволнованности и тягостных эмоций. Он не выпускал из рук фотоаппарата, снимал кадр за кадром страшную и доселе панораму Балхашлага. Возможно, потом эти снимки войдут в его книгу, над которой он сейчас работает, продолжая гулаговскую тему, ставшую уже ведущей в его послелагерной журналистской судьбе.

Среди названных уже фактов в биографии гостей города я все-таки успела узнать и другие. Альгис, к примеру, очень известный на родине архитектор. А его

лекции по урбанистике пользуются популярностью у студентов Вильнюсского технического университета. Альгис является доцентом архитектурного факультета. В числе его работ стела в честь юбилея г. Шауляй с солнечными часами. Столб, который венчает золотая фигурка, отбрасывает длинные солнечные тени, замирающие на цифрах: 1236 – это год основания Литовского государства.

Этот проект был в свое время отмечен высокой наградой – золотой медалью Академии художеств СССР, а Альгис, как он пошутил, стал единственным-первым и последним литовцем, кто был удостоен такой чести и всесоюзного признания. Недолгая жизнь академии, созданной в 1988 году, уже в 1990 году- последнем году существования СССР закончилась.

Альгис же является одним из авторов памятника в Кенгире, чья печальная известность как лагеря в Жезказганском отделении Гулага осталась в истории в связи с восстанием заключенных. Оно было жестоко подавлено, в том числе танками, чьи гусеницы втоптали живыми в землю непокорных зеков.

Железный католический крест, вставший над Кенгирским лагерем, поставленный Альгисом, – это память обо всех погибших тогда. Среди них был и старший брат Антанаса Сейкалис – Повелас, которому было тогда 23 года.

Братья были арестованы в один день, старшему было 19, а Антанасу только исполнилось 17 лет. Они обвинялись в антисоветской деятельности, так как в школе были членами молодежной организации, выступающей против «советской оккупации» Литвы и поддерживающей связь с литовскими партизанами. Короткий суд «тройки» в Москве, и братья оказались за колючей проволокой, но в разных лагерях.

Это тоже была продуманная акция – разлучать родственников, порою на всю жизнь. Так вышло и в судьбе братьев Сейкалис: старший брат погиб, младшему удалось выжить. Его сослали сначала в Омск, а потом перевели на Алтай, оттуда в Жезказган, где он работал на шахте, заработал силикоз уже до конца своих дней. Пять лет лагерной жизни закончились в 1955 году, но возвращение на родину было безрадостным – не было права ни на проживание в советской Литве, ни на учебу. Но нашлись люди, которые, несмотря на угрозы властей, все-таки помогли Антанасу остаться дома, выучиться на механика в местном техникуме. А потом и времена «потеплели».

Антанас окончил факультет журналистики и вскоре получил приглашение от литовского общества в Америке на съемки фильма о жизни американских литовцев. Тогда же начал работать над темой о Гулаге: часовые программы Литовского центрального телевидения, подготовленные Антанасом, вызвали интерес к его работам.

Когда в Литве было создано общественное движение по реабилитации политзаключенных, Антанас стал его активным членом. Сейкалис одновременно представлял как член правления и это общество, и правительственную комиссию, которой было поручено составить карту мест поселения бывших политзаключенных из Литвы и места захоронения своих соотечественников.

В этом поиске инициативное участие принимает и Альгис Вишнюнас, как он сам о себе сказал, «сын двух смертников». Его родители были приговорены к смертной казни, которая потом было милостиво заменена на каторгу в лагерях. Так и вошел в судьбу этой семьи наш город.

Маму Альгиса, Марту Ионкуте, и его отца Владаса Вишнюнаса познакомил Балхашлаг. Позже, в послелагерной их биографии, они создали семью, жили после освобождения в Караганде, где в 1957 году и родился Альгис. Так что корни литовского архитектора есть и в казахстанской земле.

Родители в своих рассказах о Балхаше вспоминали, как строили город, как жили тогда, когда отец два года работал в Восточном Коунраде. Особенно запомнилось сыну, что женские бригады, в числе которых была его мать, прокладывали водопровод в городе. Жара стояла невыносимая, а людей оставили без питья, и тогда они просто отказались работать. Но все –таки даже лагерное начальство сочло такой поступок извинительным, во всяком случае больше на безводном пайке женщин не держали.

А отец вспоминал, как вместе с пленными японцами политзаключенные строили дворец культуры металлургов. Владасу даже пришлось на время стать художником, когда расписывались настенные и потолочные панно в большом зале дворца. Они, кстати, сохранились до сих пор, те жизнерадостные сюжеты из советской жизни. Как и полотна, посвященные Дню победы. Правда, отец говорил, что автором этих картин был какой-то художник, по эскизу которого рабочие расписывали стены, так сказать, были на подхвате, на подсобных работах.

По возвращении в Литву отец Альгиса сменил кирку на перо. Владас Вишнюнас является автором многих книг. Его «Северные эскизы» были отмечены специальной премией как выдающееся произведение литовской литературы. Два года назад отца не стало. Его имя внесено в писательскую энциклопедию.

Об этом сын говорил с понятной гордостью. Он очень тепло отзывался о своей матери, даже на пути в бывший Балхашлаг при вынужденной остановке в пути использовал случайно выдавшуюся минуту, чтобы позвонить маме, услышать ее родной голос. Он даже просветлел лицом, когда вернулся от телефона. Видимо, передалось ему волнение матери, которая там, в Литве, мысленно шла вместе с сыном снова по балхашской земле, была снова в Балхашлаге, на который смотрел ее сын...

Прошлое не уходит безвозвратно, оно таится где-то в уголках нашей памяти, чтобы всколыхнуться потом в свой час радостью или болью. Прошлое Балхашлага отдается только болью. И она заново была пережита в тот августовский день, когда посланцы из Литвы встречались с местом последнего покоя своих соотечественников.

Были и другие встречи. Делегацию из Балтики радушно принял заместитель акима Балхаша К.А.Ахметбеков, они побывали на Восточном Коунраде, куда их сопровождала главный специалист отдела культуры Н.М.Шубина, встретились со знатоком истории Прибалхашья, бывшим директором городского архива Г.И.Макаровой, с журналистами.

Особенно сердечной была встреча в городском историко-краеведческом музее. Гости из Литвы были неожиданно и приятно удивлены, что на стендах музея свое место заняла история Балхашлага, где в экспозиции представлены документы из литовского архива.

Среди них письма из Литвы, карта лагерных поселений литовских политзаключенных в бывшем Союзе, на которой отмечен и Балхашлаг, список из 341 имени узников здешнего лагеря, его в свое время прислали из общества, объединившего в Литве всех политзаключенных и ссыльных.

Понятно, что Альгис с особым чувством читал этот список: он искал дорогие имена матери и отца. Попутно комментировал: «Этого человека уже нет на свете, и этого... А Вицас Гурскис жив, живет в Вильнюсе, он был дружен с отцом, занимал в свое время высокий пост советника по экономическим вопросам в областном управлении. Балис Гаяскас был депутатом Сейма - литовский парламент. Статис Бейрешас - известный актер цирка, работал в Каунасе...»

За каждым именем - неповторимая судьба, в которой, увы, черной страницей вписан Балхашлаг.

Наверное, от волнения сын не сразу нашел в списке имена своих родителей. Они попали на разные страницы: Марта Вишнюнене, а через несколько листков под № 337 записан Владас Вишнюнас.

В этом музейном списке несколько имен были знакомы и мне - одни по личным встречам, другие по переписке. Этому знакомству с узниками Балхашлага помог случай.

Когда несколько лет назад я нашла документы, подтверждающие существование лагеря в черте города, то через городскую газету попросила откликнуться тех, кто знал об этом лично, ибо сведения были очень скудными и лишь косвенными.

Так, среди справок в нашем городском архиве попало постановление Прибалхашского Совета от 2 декабря 1935 года «О запрещении купли и продажи обмундирования, выданного лагерем НКВД политзаключенным»: «предупредить всех граждан, что выданное лагерем НКВД заключенным, обмундирование, имеющее клеймо ОЛТП и МЗ НКВД Уз ССР, не является предметом гражданского оборота, а является государственным имуществом, выданным заключенным во временное пользование, а потому купле-продаже или обмену не подлежит. Отобранное лагерное обмундирование немедленно возвратит лагерю НКВД на ПБС. Зам.председателя Прибалхашского Совета Прохачев».

Вот эта ссылка на ПБС- Прибалхашстрой- да подпись заместителя председателя Совета, и стали тонкой ниточкой большого клубка, за которым скрыто было до поры существование лагеря у озера. 8 апреля 1936 года было вторично принято подобное постановление, но с добавлением «ОЛТПи МЗ НКВД УзССР, Сиблаг, НКВД или Карлаг НКВД» - лагерьная сеть быстро разрасталась. Причем, заметьте, в документах речь идет о 1935 -1936 годах, когда еще и города не было. Балхаш получил такой статус только в 1937 году.

Так что даже это вскользь упомянутое свидетельство доказывает убедительно, что город и комбинат строили заключенные. Много лет спустя в областной газете была опубликована карта «С чего начиналась область», на

которой был обозначен точкой среди других лагерей и Балхашлаг. Были помечены лагерные зоны также в Коунраде и Моинты, всего в 15 поселках. Это помимо пяти крупных лагерей на территории бывшей Жезказганской области, среди которых был и Балхашлаг.

Сколько лет существовал лагерь у Балхаша? Об этом архивы молчали. Как утаивалось и число заключенных, тем более их имена. Доподлинно известно благодаря настойчивости государственной комиссии Японии, что в казахстанских лагерях погибли 1394 японских военнопленных, из них 51 человек захоронен в прилагерном кладбище в балхашской степи.

По сведениям нынешней литовской экспедиции, за стенами Балхашлага покоятся около 250 литовских политзаключенных, но это еще предстоит уточнить, если будут найдены списки умерших, как и всех, кто прошел через этот лагерь.

Один из таких списков бывших узников Балхашлага уже есть, он был составлен в Литве теми, кто выжил. Он был прислан в одном из писем, которое пришло на мое имя, чему я удивилась вначале. Незнакомы адресаты сообщали, что прочли мою заметку о Балхашлаге в городской газете, видимо, кто-то отсюда переслал ее в Литву, и прислали свои воспоминания, фотографии. В одном из писем было несколько номеров газеты «Тремтинус»-«Ссылный», где сообщалось о моем поиске бывших балхашлаговцев.

Так появились первые отклики очевидцев и завязалась переписка с литовскими «балхашцами». Вот несколько имен и судеб.

Витаустас Войцекаускас : «В Балхаше я прожил без малого 17 лет. В 1979 году со всего Архипелага Гулаг поступали заключенные из Коми ССР, Красноярского края, Западной Украины, молдаване и кавказцы, прибалты. Работали в основном на ТЭЦ, на строительстве жилых домов. Я бы мог рассказать о каждом доме, построенном нами. Это 8 и 9 кварталы, дворец металлургов и Дома строителей, больничный городок и целый квартал индивидуальных домов. Несколько домов на углу улиц Ленина и Амангельды строили японские военнопленные. Я лично строил анодный, электролитный, медно-купоросный цеха. После отъезда на родину еще три раза бывал в Балхаше, один раз с дочерью. Мои дети, два сына и две дочери, родились в Балхаше. Ходил по городу, ездил в поселки Восточный Коунрад, Гульшад, может, в последний раз. Посетил и степлаговскую зону, могилы товарищей. Прошу вас, проведайте их. Там мы поставили большой католический крест. Вечная им память!»

Витаустас просил меня тогда прислать горсть земли с лагерного кладбища, увы, эту просьбу я не смогла выполнить. На почте объяснили, что по правилам пересылки не могут принять пакетик с землей. Но цветы мы положили в зимний день с членами славянского центра «Согласие». Цветы у подножия креста стали уже традиционными во все поездки к этому памяtnому мемориалу: от журналистов, от музейных работников, от национально-культурных центров, от горожан.

Витаустас посоветовал разыскать в городе своего земляка, с которым делил кров в лагере. К сожалению, Виктора Юравичуса я не застала в живых, он умер в

1993 году. Но его внучка Юля отвела меня к своей двоюродной бабушке, которую девочка ласково называла Петрусей.

Судьба Петрунели Жаугайте –еще один горький упрек прошлому режиму, в котором были террор, депортации, лагеря, расстрелы. Литовской девушке было 20 лет, когда ее арестовали вместе с сестрой. Что им ставили в вину, они так и не поняли. На суде- общем для нескольких десятков арестованных на соседних хуторах –всем был объявлен общий приговор: 10 лет лагерей. Петрунеля попала в Воркуту, а сестру отправили в Кемеровскую область. Позже выслали родителей с братом. Вместе с Петрунелей в северном лагере оказались земляки, которые, как и она, разыскивали своих родственников по всей стране.

Так были найдены следы родителей. А сестра Евгения была потом этапирована в Балхаш, где после освобождения и осталась. Очень хотел воссоединиться с дочерью отец, писал прошения, чтобы ему разрешили с женой и сыном переехать в Балхаш. Слишком долго ходили бумаги по кабинетам, разрешение запоздало, пришло уже после смерти отца.

-Осталась я теперь одна из всей семьи,- горестно рассказывала Петрунеля,- здесь похоронила маму, брата, сестру, ее мужа. Здесь сейчас живут мой племянник и моя дочь, наши внуки. Иной раз приснится родительский дом в Литве. Мне присылали оттуда бумаги, что могу вернуться. Но куда же ехать? Стара стала, да и могилы родных здесь. Если бы раньше бы была эта справка, может, было бы все по другому.

Пожилая женщина показал мне бережно хранимый документ: решение Верховного суда Литовской ССР от 1990 года, где сообщалось , что ее дело пересмотрено и она полностью реабилитирована. Жизнь прошла, пока человеку вернули его доброе имя. Никакая реабилитация не даст забыть страшный холод и голод заполярного лагеря, непосильный труд на лесоповале, штабелями укладываемых рядом с бревнами умерших, которых просто вывозили в тундру... И после лагеря не легче было переносить косые взгляды, постоянно испытывать чувство унижения, страха за близких, за их жизнь- это осталось в крови.

В присланных позже списках из Каунаса имена сестер почти рядом: Петрунеля под №358, Евгения (Генуте) Жаугайте –под № 363. Какая горькая ирония судьбы! Прожив под номерами в лагерях, они снова уже под новыми номерами были записаны в списки...

Запомнился еще один документ из литовской почты. Он был отпечатан типографским шрифтом и назван «Литовцы- жертвы сталинизма на Балхаше». В нем говорится: «Мы, мужчины и женщины из Литвы, были репрессированы по ст. 58 советского уголовного кодекса и находились вдали от родины в Балхашском лагере политзаключенных с 1948 года. Нас из эшелонов заселяли в бараки, построенные японскими военнопленными. Литовцев в лагере было около 1000 – учащихся, учителей, студентов, рабочих, земледельцев. Русского языка не знали, поэтому не понимали приказов, какую работу выполнять. Работали на шахтах в Коунраде и на стройках. Кроме литовцев, было много вывезенных из Западной Украины, поляков, венгров, русских политзаключенных, китайцев, немцев, австрийцев и казахов. Лагерь окружала кирпичная стена высотой около 2 м, с колючей проволокой, караульными вышками. Суточный паек был таким: миска

супа, 650 г черного хлеба на целый день, овсянка и маленький кусочек рыбы. Женщины работали на кирпичном заводе в две смены. Еще одним местом работы были шахты Коунрада, заключенные жили на территории шахты. »

В этом письме-исповеди впервые прозвучала правда о национальном составе балхашлаговцев. Пока в поисках своих соотечественников, захороненных в степи у лагерных стен, приняли участие только японцы и литовцы. А архивы все еще молчат и не раскрывают своих тайн, хотя уже пришло время покаяния перед всеми людьми и народами, кому выпало испытание ГУЛАГом.

По ряду данных, было репрессировано около 400 000 литовцев. В их числе и балхашлаговцы. Расскажу еще об одной опаленной судьбе. О ней поведал в своем письме из Вильнюса Балис Гаяскас: «Я был арестован как участник подпольного национального движения, осужден на 25 лет с пятью годами лишения в правах. 24 декабря 1949 года по этапу прибыл в Балхаш. Через три дня меня отправили вместе с другими заключенными в Восточный Коунрад, где 3,5 года работал на 8-ой молибденовой шахте. В 1954 году снова был переведен в Балхаш, около полугода работал в каменном карьере. Потом снова Восточный Коунрад, откуда попал в Жезказган. В 1956 году после комиссии Верховного Совета и решения о ликвидации политических лагерей был отправлен в Мордовию. После полной отсидки сроком в 25 лет в 1973 году вернулся в Литву. Но на родине мне запрещали жить. Несмотря на запрещение, я все-таки оставался в Литве. В 1977 году меня снова арестовали за антисоветскую пропаганду, осудили на 10 лет в лагере особого режима и пять лет ссылки. Отправили в Мордовию. В 1980 году особый лагерь был здесь ликвидирован, нас перевели в Пермскую область, в п. Купино, где был единственный в Советском Союзе лагерь для политзаключенных. Мой срок в лагере закончился в 1987 году, но оставалось пять лет ссылки, которую отбывал в Хабаровском крае на берегу Охотского моря. Через два года был досрочно освобожден. 3 ноября 1988 года вернулся в Каунас».

Такая вот судьба, положенная на алтарь борьбы за национальную свободу. Теперь уже нет зловещего шепота толпы, что, мол, «у нас зря не сажают», и национальное самосознание пробудилось, есть гордость за принадлежность к своей нации, исторической родине. Ведь не только литовцы боролись за свой суверенитет. Сполна испил литовский правозащитник свою горькую чашу жизни, в которой было 37 лагерных лет, чтобы жить теперь в такой Литве, о какой мечтал и за которую боролся с юности. Но даже после освобождения не сразу приняла своего верного сына его родина.

Гаяскас уезжал с семьей в Америку, и только потом окончательно вернулся в Литву. Они принимал и принимает активное участие в политической жизни. 7 лет был членом парламента, долгое время возглавлял союз политзаключенных и ссыльных Литвы. У этой общественной организации есть свой рупор: газета «Тремтинус», которая издается в Вильнюсе с 1988 года. В тех ее экземплярах, которые были мне присланы, ведется специальный раздел об ушедших из жизни. В эпитафиях, кроме дат рождения и смерти, у многих обязательный перечень гулаговских лагерей, встречается среди них и Балхашлаг.

Уходят люди, но не история. Балхашлаг теперь уже известнее всем горожанам. Лагерь просуществовал с 1935 по 1957 год, как свидетельствуют документы и очевидцы, в том числе и письма из Литвы. Литовская страница в музейной экспозиции только начата. Но тот факт, что в нашем городе помнят их сограждан, произвел на недавних гостей города большое впечатление, растрогал их.

После просмотра музейных залов Антанас Сейкалис и Альгис Вишнюнас оставили в Книге отзывов запись: «Мы взволнованы и сердечно признательны всем за память о литовских политзаключенных, за понимание нашей трагической страницы в судьбах наших народов в годы репрессий. 22 августа 2000 года»

Из Балхаша маршрут литовской экспедиции продолжился в Караганде и Жезказгане. Все собранные сведения будут представлены правительству Литвы, которое по настоянию всех литовских политзаключенных наряду с изданием Книги памяти, карты захоронения своих соотечественников, планирует поставить памятные знаки над пока безымянными, а по сути братскими могилами на лагерных кладбищах Гулага. Один из таких памятников, прообразом которого стал установленный в Балхашской степи католический деревянный крест, будет сооружен на территории бывшего Балхашлага.

Эта идея родилась не сегодня. В Балхашской прессе давно ведется разговор о том, чтобы облагородить, сохранить кладбище Балхашлага, в котором захоронены, как теперь уже известно, 51 японский военнопленный и около 250 литовских политзаключенных, как предположительно считает литовская сторона, где еще видны безымянные холмики, как-то обозначить контуры этого последнего многонационального приюта, поставить общий памятник. Союзниками в этом выступают работники городского отдела культуры, городского музея, национальные культурные центры и многие горожане. Аналогичные намерения высказывались и казахстанским обществом «Адилет» - «Справедливость». Теперь проявили солидарность и официальные власти. Об этом свидетельствует документ, поступивший в акимат, как и в другие акиматы. В нем, в частности, говорится, что во время визита в Казахстан в мае 2000 года Президента Литвы В.Адамкуса была достигнута в целях восстановления исторической правды договоренность между президентами двух стран об установлении мест захоронения в 1941-1953 годах литовских граждан на территории Казахстана.

В обращении из канцелярии Президента Н.А.Назарбаева к руководителям на местах подчеркивается необходимость оказывать всяческое содействие членам поисковых экспедиций из Литвы, предлагается также разработать проект памятных знаков над местами захоронений. Так что пусть не сразу, но памятником над Балхашлагом быть!

Выразил желание помочь в этом и литовский архитектор Альгис Вишнюнас, побывавший в августовские дни в Балхаше. Он готов представить проект памятника, причем с учетом использования при его изготовлении местного поделочного материала, в частности, саякского мрамора. Он уже зажегся этой идеей.

Как было сказано гостями из Литвы, средствами для обустройства памятного мемориала на месте Балхашлага нашему городу помогут: к финансированию проекта они надеются привлечь правительственные и общественные организации Литвы и других прибалтийских республик. Наверное, не останутся в стороне и балхашцы.

Дело общее и святое – помнить! Чтобы никогда не было больше репрессий, расстрелов, спецпоселений, депортаций и балхашлагов.

12 сентября 2003 г. «Пульс»

ЗВОНОК ИЗ ПРОШЛОГО

Голос по телефону, с небольшим акцентом, показался знакомым, но еще неузнаваемым

-Это Альгис. Из Литвы. Мы снова в Балхаше. Три года назад мы с вами уже встречались. Помните?

Конечно, я помнила. И пока шла в назначенный час для встречи с гостями из Литвы, мысленно прокручивала кадры хроники нашего знакомства. Три года назад вместе с сотрудниками городского отдела культуры и нашего историко - краеведческого музея мы сопровождали двух прибалтов в их ознакомительной поездке по Балхашу. Впрочем, один из них, литовский архитектор Альгис Вишнюнас уже однажды приезжал в Балхаш в 1990 году в составе большой, около 60 человек, литовской делегации из числа бывших узников Балхашлага. Альгис тогда сопровождал маму, Марту Вишнюнене, которая провела более семи лет вынужденного пребывания в здешнем лагере как ссыльная. По ее рассказам сын знал, что здесь, в балхашской степи, за колючей проволокой прошли несколько безвозвратных лет и его отца. Тогда родители еще не были знакомы, судьба свела их позже, когда им было разрешено после освобождения из лагеря жить в Караганде. Там и родился литовский мальчик, который спустя годы узнал историю любви и жизни родителей. И потому, впервые оказавшись в Балхаше, был потрясен увиденным воочию бывшим концлагерем, глубоко в душу запали и взволновали рассказы других земляков, с которыми приезжал сюда. В результате той давней экспедиции из Литвы над местом старого захоронения у стен Балхашлага встал над степью скромный деревянный католический крест. Это не забылось, и потому во вторую поездку в наш край в 2000 году Альгис Вишнюнас приезжал с определенной целью – для более полного сбора материалов о печально знаменитом Карлаге, в котором в одном из подразделений был Балхашлаг. Вместе с ним в этой экспедиции принимал участие и Антанас Сейкалис, известный литовский журналист. Так состоялось наше знакомство. Тогда, в 2000 году, Альгис и Антанас по вполне понятным причинам сначала посетили Балхашлаг, где возложили цветы к подножию креста, ставшим символическим памятником всем погибшим здесь литовцам.

Были в тот приезд и другие встречи, особенно трогательная состоялась

в городском музее. Гости были приятно удивлены, что в экспозиции музея, посвященной жертвам репрессий, увидели коллективный фотоснимок и списки своих соотечественников, которые были узниками Балхашлага, газеты на литовском языке, письма из Вильнюса, Каунаса. Их очень заинтересовала история этих экспонатов: как они вообще оказались тут, пересекли границы и годы?

Пришлось поведать предысторию документов, привлечших такое внимание гостей.

В свое время, проведя многолетнее журналистское расследование, подтвержденное редкими архивными справками и рассказами бывших репрессированных, я написала статью с предположительной версией о существовании одного из подразделений Гулага в Прибалхашье, обратившись к читателям городской газеты с просьбой дополнить по возможности известные кому-то подробности давних событий. Через некоторое время неожиданно получила из Литвы письмо, потом другое, третье, а затем и фотографии, и списки бывших балхашлаговцев, несколько номеров газеты «Ссылный» на литовском языке.

К своему удивлению, в одной из заметок в этой газете увидела свою фамилию в коротком тексте объявлений, где сообщалось, как мне потом перевели, что в Балхаше журналистка ищет бывших узников местного лагеря. Очевидно, кто-то из города переслал газетную статью в Прибалтику. Так сначала в моей почте, а затем в музейном стенде появились заграничные материалы.

А позже была встреча с литовцами уже наяву в 2000 году. Альгис, волнуясь, торопливо листал многостраничные списки своих земляков, разыскивая родные имена мамы и отца. Они есть, и сын потрясенно смотрит сначала на свою фамилию, дважды повторенную на разных листах в именах родителей, а потом – с благодарностью на нас.

Мы тоже взволнованы, ветры истории своим дуновением задели не только сына, но и наше сердце.

Все это вспомнилось, и когда в идущем мне навстречу мужчине с улыбкой узнавания, увидела Альгиса, мы с радостью шагнули друг к другу.

Теплой была встреча и с ожидавшим нас Антанасом, который оживленно рассказывал нам с заведующей городским отделом культуры Р.Ж.Бакаевой и собкору «Индустриальной Караганды» Б.Г.Шаловой о своих новых впечатлениях о Казахстане. Ему очень понравилась наша столица Астана. «Просто сказка!» Заметил он и добрые перемены и в облике Жезказгана, Караганды, отметил приметы благоустройства Балхаша.

О цели нынешнего приезда гости сказали так:

-Во-первых, мы хотели познакомить вас с итогами нашей прежней поездки, а во-вторых, продолжить тему уже в деловом русле об установке памятной стелы на территории Балхашлага. В случае поддержки самой идеи и одобрения проекта местной городской властью, подтвержденной письменно, мы по возвращении на родину составим договор с литовским министерством культуры о финансировании балхашского проекта.

Сразу скажу, что разговор в акимате был результативным. Город поддержал инициативу литовской стороны. Так что, возможно, через год уже можно будет

говорить о реализации проекта. Автором памятника на балхашской земле, который будет представлять наклонившийся над землей крест в строгой рамке из мрамора, стал сам Альгис Вишнюнас, как архитектор и как лично заинтересованный человек, чья судьба через родителей оказалась причастной к давней трагедии своего народа, испытавшего на себе боль и ужас сталинских репрессий. Огнем этого земного ада, каким были гулаги, карлагы, степлагы, балхашлагы, были опалены тысячи людей разных национальностей...

Об этом рассказывают и документы, собранные в прежней экспедиции, которые были представлены затем в специальном отчете наших знакомых литовскому правительству. Объемистый том этого отчета они привезли с собой, чтобы показать балхашцам в оригинале, пообещав прислать копию для балхашского музея. Впрочем, они и в нынешний приезд привезли новые документы, в частности документальную запись встречи бывших балхашлаговцев, которые раз в два года обязательно собираются в Каунасе: их зовут туда общая память о пережитом. Уже после отъезда гостей я специально отправилась в музей, чтобы посмотреть подаренную литовцами видеокассету. Скажу о ней чуть позже, чтобы вместе с авторами этого уникального в своем роде отчета полистать его страницы с комментариями составителей.

Альгис переводит справку, помещенную на первой странице, взятую из энциклопедии, которую издали в Литве в итоге экспедиционных поездок не только в Казахстан, но и в Сибирь, на Урал и другие многочисленные на карте бывшего Союза лагеря Гулага. О Балхашлаге говорится следующее:

«Лагерь был расположен в трех километрах от города Балхаша, существовал с 1937 по 1956 годы.(тут надо внести поправку: по архивным сведениям косвенно известно, что лагерь функционировал уже в 1935 году, заключенные по политически статьям принимали самое активное участие в строительстве комбината и города на берегу Балхаша). Среди первых поселенцев, как трактует энциклопедия, в Балхашлаге были пленные японцы, привезенные сюда после битвы на Халкин-Голе. В 1948-1951 годах в концентрационный лагерь под Балхашом были переведены по этапу политические ссыльные из заполярной Ухты и сибирского Красноярска. В первых эшелонах было этапировано около 2000 литовцев. В лагере были три пункта, два- мужской и женский –вблизи Балхаша, и один в Восточном Коунраде. Всего в лагере насчитывалось 3000 мужчин и около 1400 женщин. В молибденовых шахтах Восточного рудника работали до 50 % украинцев, около 1000 литовцев, 200 эстонцев. Среди литовцев были такие видные деятели, как Эндрюс Борхертас, юрист Йозас Жакроколис, член литовского сейма Балис Гаяускас , Антанас Мушкюнас и другие. Кроме того, в лагере были также казахи, русские, японцы, китайцы, итальянцы, венгры, румыны, поляки, евреи. Заключенные строили новые производственные цеха БГМК, на Восточном руднике – водопровод, работали также на кирпичном заводе, литовские узницы в женских строительных бригадах строили жилые дома на 21 квартале. Литовцы также принимали участие в отделочных и подсобных работах в построенном японцами дворце культуры металлургов. Умиравших от голода и непосильного труда, а также расстрелянных хоронили за стеной лагеря.»

Про это загороднее кладбище в бывшей лагерной зоне Балхашцы знают, и уже не раз со страниц газет, в том числе «Пульса» звучала тревога за продолжающееся разрушение этого последнего места не просто политических ссыльных, но еще и бывших поневоле строителей нашего города и комбината. Теперь этого уже никто не скрывает.

Но до сих пор так и не предпринято никаких мер, чтобы хоть как-то, если не облагородить, то хотя бы сохранить это зловещее, но исторически памятное место. Еще три года назад там были два скромных памятника. Один поставлен литовцами в 1990 году. Католический крест теперь уже имеет жалкий вид, он все ниже склоняется к земле, подтапливаемый водами, и уже чья-то черная рука сорвала с него табличку, на которой была надпись на литовском и русском языках: «Жертвам политрепрессий». В таком же плачевном состоянии находится небольшая стела, поставленная приезжавшими сюда японцами, она была выполнена из здешнего черного мрамора, с табличкой из японских иероглифов. Рядом стоял деревянный столбик тоже с начертанными на чужом языке знаками.

В этом году, несмотря на желание наших гостей, их на забытое богом и людьми гиблое место не решились повезти. А пока крест продолжает крениться, он является единственным знаком над могилами 250 литовцев. Так же как японская стела над захоронениями 51 солдата и офицера японской армии.

Похороненных в наших степях узников на их родине не забыли и свято чтут память о них. Есть такое доброе движение во многих странах – общественность хранит места захоронений чужестранцев. Это соответствует духу гуманизма, демократии, если хотите. И шаги к такому пониманию истории сделаны в Казахстане. Примером может служить интернациональный мемориал в Карагандинской области под Спасском. Документальное тому свидетельство – фотографии этих обелисков над многострадальной землей бывших лагерей Карлага, вошедшие в литовский отчет.

Альгис пояснил: «Эти обелиски, поставленные над 30000 безымянных могил в Спасске, стали международным мемориалом. Вот памятник французам, а это - итальянцам, японцам, полякам, финнам, немцам, украинцам, венграм. Всего пока девять стран по соглашению с Казахстаном оставили эти знаки памяти о своих погибших соотечественниках. Литва будет десятой страной. Вместе с проектом памятника в Балхаше есть еще два проекта – для Спасска и для Кенгира под Жезказганом». При этом слова Антанас горестно заметил:

-В будущем году Кенгирскому восстанию заключенных исполнится 50 лет. Там погиб мой брат. Я ведь тоже за свою долгую жизнь узнал это лихо- молодым попал в лагерь, работал в шахтах под Жезказганом, добывал медь. Нас держали как рабов, в бараках с едва видными окошечками под низким потолком, только что не морили голодом, кормили, чтобы силы были. Хлеба давали вдоволь, а мы знали, что на воле хлеб был в дефиците. Наверное, благодаря молодости я выжил. А вот брат погиб в Кенгире под танками, и никто не знает, где его и других похоронили. Именно после Кенгира и было некоторое послабление в содержании заключенных, потому и хлеб был всегда в пайке. Сколько лет прошло, но разве можно это забыть!?

Во имя этой святой памяти Антанас Сейкалис уже много лет занимается той миссией, которую добровольно, по долгу сердца взвалил на себя. Он уже не молод, в этом году ему исполнится 70 лет. Он даже пошутил с горечью: «У меня сразу два юбилея впереди -70 лет жизни и 50 лет смерти брата, потому что мы были очень дружны с ним, и его смерть у меня тоже унесла частицу души. Потому хочу, чем смогу, помочь, чтобы был установлен памятник в Кенгире – над братом и всеми моими соотечественниками. Так же, как над балхашской землей и в Спасске.»

Антанас много делает для восстановления черных страниц в истории литовского народа. Он является автором документального фильма, многочисленных статей, которые увидели и прочли не только на его родине, но и в Америке, Англии, других странах Европы, где мало кто знал о советских лагерях смерти. Фильм Антанаса так и называется «Карлаг- лагерь смерти.» Он участвовал в экспедициях на эту тему, был в свое время поражен документальной правдой художественного фильма «Людоед» о Карлаге, знает, что этот фильм снимался в Балхаше.

Именно он в прошлый приезд был своего рода гидом на руинах Балхашлага, потому что лагерь мало чем отличался друг от друга, и в этой типичности ужаса, жизни и смерти – одно из самых сильных злодейств геноцида, репрессий, террора против народа.

Глубоко символично, что история не отпускает от себя, держит душу в напряжении, говорили литовские друзья. Мне знакомо это чувство, потому что и во мне жива генетическая память о тех жестоких временах: был расстрелян на Алтае мой дядя, по доносу была выслана из родных мест как жена кулака моя тетя, погиб в застенках Гулага дядя моего мужа, а моя свекровь на себе испытала, что такое быть членом семьи «врага народа»... Увы, во многих семьях есть такой кровавый след, о котором нельзя забыть, пока мы живы. И тот звонок, который позвал меня на встречу с литовцами в последние августовские дни, был своего рода звонок из прошлого.

В это прошлое возвращали и голоса с экрана, когда мы смотрели в музее привезенную Альгисом видеокассету из Каунаса. Среди шумного застолья, сопровождавшего встречу в Литве 7 июня этого года бывших балхашлаговцев, кинокамера с закадровым голосом Альгиса знакомит нас с теми, кто помнит наш город как город своей юности. Ведь даже прошедшая за колючей проволокой и высокими стенами лагерей юность для этого поколения все равно остается их юностью. И они уже без трагизма, почти спокойно и мужественно рассказывали, вспоминали...

Гедрайтис Каземирас : «Я был осужден на 25 лет. В 1949 году мне было только 24 года. Сначала был Спасск, а потом перевели в Балхаш. Послали на молибденовую фабрику в Восточном Коунраде. У меня рост 180 см, до ареста весил 90 кг, а в лагере стал как жердь.49 кг всего весил. Мне еще повезло, что меня из-под земли вытащил на белый свет начальник, фамилию не помню, он просто видел как-то мою работу на станке, я был неплохим слесарем-инструментальщиком, и меня перевели в мехцех. Мы обслуживали шахты, работы было много, оборудование не самое лучшее. Был такой случай: один из наших

заклученных после нескольких спусков в шахту наотрез отказался там работать, и его отправили в карцер. Он там 40 суток отсидел, и мы его, как могли, поддерживали. Спасибо, что охранник казах помогал, мы через него посылки передавали. Сами жили не сыто, мне как-то махорку дали за работу, так я ее на кухне потом на хлеб выменял. Всегда было чувство голода. Но выжили. Конечно, помню Балхаш. Мы же тут часто собираемся, кто там в лагере был. Сейчас живем хорошо, только вот годы уходят...»

Йозас Пукинскас в Балхаш попал из Красноярского края: «Я работал на строительстве электролитного цеха, а когда освободился из лагеря, то еще какое-то время, до 1955 года, жил в городе, работал на заводе. Мы дружно жили меж собой, так что передавайте привет всем балхашцам.»

Степанас Грибаускас был в числе тех, кто прибыл первым эшелонном в Балхашлаг: «Тогда еще был японский лагерь. Все заключенные работали на стройках, на комбинате, в городе, а когда дворец строили, то и там работал. Вернулся в Литву только в 1957 году» Витас Пратикас сказал еще короче: «Что было, то было. Я благодарен казахскому народу, который помогал нам тогда выжить» Эту мысль повторяли все. В кинокадрах и на фото четко видна символическая эмблема, где внизу читается: «Балхаш». Это и на литовском понятно. Регина Драбишаускайте была одним из инициаторов поездки в Балхаш. Она вспоминает: «В 1990 году мы поставили в степи над кладбищем Балхашлага деревянный католический крест. Хочется, чтобы он остался. Нужен такой знак, чтобы не забывалось, сколько людей осталось в этой земле навсегда. Я там работала на кирпичном заводе семь с половиной лет, многие женщины там работали, да еще на стройках. А мужчины – на шахте в Коунраде. Режим лагеря был очень суровый, недоедали, от голода умирали, иной раз в сутки человек по 12... А всего там было 15 тысяч. Я больной оттуда вышла в 1955 году, не знаю, сколько Бог жизни даст, но на память не жалею. Все, кто остался в живых, поддерживаем друг друга и теперь.» Стасе Мажекайте на встречу в Каунас пришла со своей старшей сестрой: «Нас в лагере было семь человек из одной семьи. У старшей сестры муж сидел, а у них трое детей осталось... Мы все друг за друга там переживали. Подружились, еще когда ехали по этапу. В вагонах закрытых душно, воды нет, тогда женщины стали стучать по окнам, дверям, криком кричали, пока не дали попить воды. В лагере тоже было трудно. У меня свекор умер в неволе, он был в Карагандинском лагере, мы потом его прах перевезли на родину. Не дай Бог кому-то еще раз пережить такое! Вот и не хочу плакать, а слезы глаза застилают. Мы с сестрой хотим сказать всем казахстанским людям, чтобы жили в мире, пожелать им счастья!»

Такое же пожелание высказала и Марта Вишнюнене, мать Альгиса. У нее доброе, хороше е лицо. И сына она воспитала хорошего. Наверное, в этом и есть главная мудрость жизни – жить во имя детей, чтобы передать им свет добра. И свою память, которая через давнее прошлое уже в нескольких поколениях прочно связала наш Балхаш с далекой Литвой и общей судьбой, общей историей и памятью.

28 мая 2004 г «Пульс»

ПОСОЛ ЛИТВЫ В БАЛХАШЕ

За последние годы Литва стала нам близкой и открытой. Сокращают расстояния между странами общность истории и нравственных ценностей, долг перед старшим поколением и память о прошлом, которые объединяют казахстанский и литовский народы.

В наш город не раз приезжали делегации из Прибалтики, чтобы побывать на могилах своих соотечественников, безвинно погибших в годы политических репрессий в лагерях Гулага, одно из подразделений которого находилось на берегу Балхаша.

Те, кому посчастливилось выжить и после освобождения вернуться на родину, не забывают святого погоста, где в братских могилах вместе с узниками разных национальностей остались навечно в здешней земле сотни литовцев.

Об этом напоминает деревянный крест, поставленный бывшими балхашлаговцами, приезжавшими сюда в 1990 году. Позже рядом поднялся еще один памятный обелиск – над могилами японских военнопленных, чьи соотечественники с этой целью приезжали в наш город. Теперь по инициативе международных организаций и при поддержке нашей страны в Казахстане возводятся мемориальные комплексы в память о жертвах репрессий. Один из них поднимется и над балхашской степью.

Эта тема обсуждалась в ходе недавнего визита в наш город посла Литвы Ромуальдаса Високавичуса. Встреча высокого гостя состоялась не по официальности дипломатического этикета, но была не менее торжественной и прошла в атмосфере сердечности и взаимопонимания. По традициям казахского гостеприимства аким Балхаша К.О.Мукатов встретил посла Литвы на трассе, вручил гостю цветы и познакомил с группой сопровождения, в которой были и представители литовской диаспоры города.

Знакомство дипломата с местными литовцами стало приятным сюрпризом для обеих сторон. По предложению акима гость сразу же выехал на место будущего мемориала, который будет расположен на месте печально известного Балхашлага.

Здесь Р.Високавичус возложил цветы к подножию креста, почтив память о своих соотечественниках минутой молчания. А затем осмотрел уже разрушенный временем и, увы, людьми, бывший лагерь политзаключенных, где по свидетельству очевидцев в заточении содержалось около трех тысяч мужчин и полутора тысяч женщин литовской национальности.

Гидом этого грустного пешеходного экскурса в прошлое стал известный литовский архитектор Альгис Вишнюнас, чьи родители провели годы безвинного заключения, обоснованного лишь по национальным мотивам именно в балхашском лагере.

Альгис, впервые побывавший здесь в 1990 году, неоднократно приезжал сюда, посчитав своим сыновним долгом поставить памятник на месте

лагерного кладбища. Эта идея, как особо подчеркнул А.Вишнюнас, нашла горячую поддержку господина посла, который сам выбрал место для установки памятного знака. По замыслу архитектора это будет простой камень, на котором крест из белого мрамора повторит очертания первого, деревянного креста, который стоит сейчас наклоненным над землей.

Памятник символичен – пронесшие роковой крест судьбы не сломались, лишь склонили головы перед памятью о погибших.

Так же, как деревья, растущие на месте бывшего лагерного карцера, и камыши, которые колышет степной ветер.

-Мне никогда прежде не приходилось видеть такого печального зрелища, как эти руины бывшего лагеря. Впечатляет их масштабность, и то, что неволя и казематы, заборы с колючей проволокой были рядом с простором степи, под таким синим, высоким небом. Это так же несовместимо, как смерть и жизнь. Здесь плачет сердце,- поделился своими впечатлениями с журналистами Р.Високавичус. Посол сказал, что от репрессий пострадало около полумиллиона литовцев. В их числе была и тетя жены Подерите, которая была арестована в студенческие годы как член благотворительной организации «Молодые литовцы», помогавшей инвалидам и старикам, и была сослана в Карлаг. В лагере она работала медсестрой и всегда с благодарностью вспоминала о бескорыстной помощи казахской женщины-врача, которая часто приглашала ее к себе за территорию зоны, подкармливала девушку, по матерински заботилась о ней

-Так что в нашей семье о казахском народе самые лучшие впечатления, которые усилились с того времени, когда я в декабре прошлого года был назначен послом Литвы в Казахстане,- отметил гость.

Посол с одобрением принял представленный акимом города проект мемориала памяти: «Это добрый знак нашего общего долга и памяти сердца за трагедию репрессий, пережитую нашими народами» .

После возвращения в город господин посол посетил историко-краеведческий музей, где с интересом ознакомился с уникальной экспозицией, рассказывающей о многовековой истории казахского народа, осмотрел залы современности. С особым вниманием гость слушал рассказ директора музея С.Ш.Танатаровой и старшего научного сотрудника Д.Н.Абдрахмановой о том, как создавался стенд о временах репрессий, который постоянно пополняется новыми документами, в том числе из Литвы. Посол возложил цветы к витрине, где представлены материалы о судьбе литовцев. В книге записей почетных посетителей музея осталась короткая запись:

«С большой благодарностью к казахскому народу за внимание к литовским узникам. Большое спасибо руководству города Балхаша и всем сотрудникам музея. С уважением посол Литвы Ромуальдас Висакавичус». 21 мая 2004 года.

Еще один автограф вместе с визитной карточкой посол вручил молодым балхашским литовцам Е.Елеушусу и Н.Дауетите, по просьбе которых написал приветственную записку для ее мамы на родном для пожилой женщины литовском языке. Журналисты сердечно поблагодарили литовского посла за возможность открытого, доверительного общения. Затем состоялась официальная часть визита- прием посла акимом города.

В тот же день прошла еще одна памятная встреча и живой обмен мнениями между послом Литвы Р.Висакавичусом и депутатом Мажилиса Парламента Республики Казахстан Е.З.Нигматулиным. Из Балхаша посол выехал в Алматы.

Июнь 2009 г. «Пульс»

ИЗ ЛИТВЫ С МИССИЕЙ ПАМЯТИ

Всего один день были в нашем городе гости из зарубежья - участники необычной акции памяти, которая проводится в Литве уже не первый год. В 2006 году по инициативе Совета молодежных организаций Литовской Республики был создан проект, идея которого - посетить места, куда в годы сталинских репрессий противозаконно, только по национальному признаку, были высланы коренные жители этой небольшой прибалтийской страны.

Местом ссылки литовцев стали многочисленные лагеря в Сибири, потому и первый проект получил название «Миссия Сибирь». Желающих участвовать в этой патриотической акции немало, так что по всей стране проводится своеобразный конкурс на право участвовать в экспедиции.

В этом году группа молодежи в количестве 10 человек под руководством 23-летней Расы Маселските выбрала новый маршрут, решив побывать в Казахстане, где тоже немало мест, где отбывали лагерный срок граждане Литвы. Некоторые так и не вернулись на Родину, кто-то после освобождения остался жить в местах бывшей ссылки, а многие просто умерли в здешних лагерях и похоронены в братских безымянных могилах. Так «Миссия Сибирь -2009» обрела другой – казахстанский адрес.

К молодежной делегации, в которой были педагоги, студенты, школьница, журналисты, присоединился и известный литовский архитектор Альгис Вишнюнас. Он неоднократно бывал в Балхаше, это по его проекту пять лет назад был установлен памятник на месте бывшего Балхашлага. Альгиса ведет в Прибалхашье память сердца: здесь в женской зоне Балхашлага провела несколько горьких лет непосильного труда его мама, а в степи под Восточным Коунрадом, где находилось еще одно лагерное отделение, в те же годы отбывал незаслуженное наказание его отец.

Так что совсем неслучайно молодежная делегация из Литвы после краткого пребывания в Алматы приехала в Балхаш.

Здесь А. Вишнюнас по праву стал главным экскурсоводом.

Первый визит во дворец металлургов, где для гостей специально открыли большой зал и музей комбината. Молодежь с большим вниманием слушала рассказ старшего друга об истории создания этого здания, украшенного большими расписными полотнами по периметру зала с эпизодами Великой Отечественной войны, с некоторым удивлением рассматривала потолочное панно, отражающее маршевую жизнерадостность советского народа. Самое примечательное, что в создании этих картин участвовал и отец Альгиса. Его

воспоминания сын успел подробно записать, и потому подробности написания картин во дворце, да и сама хроника давно минувшего времени советской эпохи были схожи с воспоминаниями очевидца. Здесь же состоялась встреча литовских делегатов с бойкими балхашскими ребятами из местного развлекательного шоу из серии «Комеди клуб».

Следующая остановка в маршруте гостей – католический костел. После службы состоялись две удивительные встречи с двумя престарелыми прихожанками. Жаугайте Петронеле 84 года, и теперь трудно представить, как эта маленькая хрупкая женщина могла работать в каменном карьере, да еще грузчиком. Встреча с соотечественниками растрогала бабушку Петрусю, как она себя назвала, она просила поклониться родной Литве, где после освобождения из лагеря удалось побывать всего два раза. Другая бабуля -Ксения Кондрат оказалась бесценным свидетелем –она узнала на фото молодую маму Альгиса Марту, вспомнила своих подруг по лагерю - Марцеллу, Пурлене,Поплавскайте, Новьянову и других, рассказала о тяготах лагерной жизни, но по ней было видно – что ни тяжелая работа на стройках города – на комбинате, в кварталах А и Б, на рытье тоннелей в лагерные годы, ни прожитая большая жизнь не сломили силу ее духа.

Горькое чувство осталось не только у гостей, но и у меня, как жителя Балхаша, после того, как мы побывали на месте бывшего Балхашлага. Затапливаются могилы погибших, разрушены стены лагеря, варварски вырваны даже железные решетки из подземных бараков для заключенных, над последним приютом погибших в лагере стоит удушливый смрад гниющих свалок. Хорошо еще, что уцелели памятные стелы, поставленные в этой неприютной степи над могилами 51 бывших японских военнопленных офицеров да два памятника из местного камня, установленные здесь пять лет назад – один от Литовского посольства, другой от города Балхаша – всем жертвам политических репрессий, которые покоятся в этой неприютной земле. То, что разрушено временем и нашим климатом, усугубляет варварское отношение к этим святым местам неизвестных лиц, которых, похоже, некому у нас остановить.

У памяти есть свойство бумеранга – то, что происходит сегодня, обязательно отзовется в будущем на потомках. Вот отозвалась же судьба литовского народа, преследуемого в годы террора, через полвека в душах молодого поколения.

Об этом говорит и сама организация экспедиции молодых литовцев в Казахстан, где они, помимо Балхаша, побывали также в Караганде, на мемориале в Спасске, потом в Жезказгане, Астане. Миссия делегатов – как можно больше сделать для своих соотечественников. С теми, кто жив - встретиться, тех, кого нет - вспомнить, посетить места пребывания ушедших – будь то лагерная зона или степные кладбища.

Вместе с ребятами в этот день я тоже прошла дорогой забвения и святой памяти одновременно. Молодые люди из конца в конец прошли кладбища в степи и около станции Балхаш, в Коунраде, Восточном Коунраде, побывали и на новом кладбище за Орбитой. И около каждой найденной могилы, над которой еще уцелел памятник с именем захороненного соотечественника, они не просто молча

склоняли головы, а приводили могилы в порядок - выравнивали руками землю, вырывали горькую полынь, колючки.

Что они чувствовали в эти моменты, читая на старых ржавых табличках созвучные их родному наречию имена : Иокшас Ромуальдас(1905-1981гг), Антанас Пашканис (1919-1993 гг), Иозас Качинскас (1912-1981 гг), В.А.Гендролис (1954-1994 гг) ... Сколько таких надгробий найдено, они не считали, но закончили эту работу уже при заходе солнца. Когда с сожалением сказала, что они так и не увидели нашего озера, не искупались в Балхаше, то Габриелюс Ляуданскас, популярный в Литве музыкант ансамбля «Сварас», которому 36 лет и он очень хорошо говорит по русски, сказал: «Озеро это, конечно, хорошо, но тогда бы мы не выполнили той работы, какую должны были здесь обязательно сделать». Примерно то же мне сказали и школьница Вильте Масилюнайте, которая в короткие минуты перерыва вела записи в дневнике для будущего отчета об экспедиции, и моя коллега, журналист Литовского телевидения Неринга Скрудупайте. А то, что эти ребята - такие разные, и одновременно схожие в главном – в умении слышать сердцем давно минувшее время и чувствовать свою ответственность за все, что происходит сегодня, уметь помнить–я смогла убедиться за этот день не раз. Так было и на остатках бывшего лагеря на Восточном Коунраде, когда они после долгих и томительных поисков нашли остатки столбов от лагерных ворот. Так было и у памятной стелы Балхашлага

Но я видела также, как они умеют радоваться, открыто выражать свои эмоции, восторгаться глубиной Коунрадского карьера, стоя на самой его кромке, всей грудью дышать степными травами, подставляя озорно свои лица яростному ветру, гордиться знаменем своей страны, подставляя триколор порывам степного ветра.

Глядя на этих ребят из далеких, почти сказочных лесных краев, общаясь с ними, видя их интерес не только к своей, но и нашей истории, понимаешь, что Литва и Казахстан только на карте далеки друг от друга. Нас сближает общая память, память о прошлом, из которого все мы родом. Об этом Альгис Вишнюнас с признательностью написал в своем обращении к читателям «Пульса».

Сентябрь 2009 год « Пульс»
«СУДЕБ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ».

Наша газета уже рассказывала о пребывании в нашем городе в июле этого года молодежной делегации из Литвы, которая по инициативе Союза молодежных организаций приезжала в Казахстан с миссией памяти. И вот новая встреча с литовцами на нашей земле.

Инициатором этой поездки стали посольство Казахстана в Литве и Министерство иностранных дел РК. У проекта очень символическое название «Судеб связующая нить». Это отражает и состав делегации, в которую вошли четыре человека: независимый журналист Антанас Сейкалис и профессор Вильнюсского технического университета, архитектор Альгис Вишнюнас,

которые уже не первый раз приезжают в Казахстан, в том числе в Балхаш. А корреспондент ежедневной национальной газеты «Лиетувос Жинес» («Жизнь Литвы») Феликсас Жемулис впервые открывает для себя нашу страну.

Сопровождала гостей наша соотечественница Айгуль Куспан, советник посольства Казахстана в Литовской республике. Она рассказала, что в многодневную программу поездки вошли города Астана, Жезказган, Караганда, а после Балхаша еще Алматы. Посещение печально-памятных мест ссылки литовских политзаключенных - лагерей Гулага, как АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников родины, Кенгир, Долинка, Спасск и Балхашлаг, а также знакомство и установление связей с литовской диаспорой в Казахстане это лишь первая часть проекта.

По материалам экспедиции в литовском парламенте будет организована фото- выставка, проведена конференция и издан каталог, которые станут своего рода триптихом истории отношений между нашими странами в прошлом, настоящем и будущем.

В прошлом остались гулаговские лагеря с безымянными могилами узников, чей пепел до сих пор стучит в сердце литовского народа. Это жестокое время хорошо помнит старший среди гостей 76-летний Антанас Сейкалис. В Казахстан его зовет память о пережитом. Вместе с братом он 17-летним мальчишкой был арестован по «национальному признаку», прошел по этапам через несколько лагерей, был участником знаменитого Кенгирского восстания политзаключенных. После освобождения вернулся на родину, но и в Советской Литве он какое-то время был лишен гражданских прав, пока известный писатель Антанас Мешкинис, с которым их познакомил и подружил лагерь, помог получить новые документы. Сегодня А.Сейкалис известный независимый журналист, чьи материалы публикуются в различных изданиях в Литве и за ее пределами.

Остался ранимый след и в биографии Альгиса Вишнюнаса. Его родители отбывали незаслуженный срок в Балхаше, отец работал на молибденовых шахтах Восточного Коунрада, мама с другими заключенными женского лагеря - на стройках в городе. Они познакомились после освобождения, когда нельзя еще было вернуться на родину. Так Караганда стала для Альгиса не просто местом рождения, но и силой притяжения. Вместе с мамой и другими балхашлаговцами он приезжал в Балхаш в 2000 году, и с тех пор многое сделал для увековечивания памяти о погибших в казахской степи литовцах. Именно он был автором проекта памятника, который установлен в пригородной зоне рядом с памятной стелой жертвам репрессий от города Балхаша и японским памятником похороненным здесь 51 военнопленным. В заслугу Альгису и Антанасу надо отнести и организацию литовского уголка в нашем городском музее, где представлены присланные ими материалы – карта Гулага, опутывавшего своими щупальцами всю территорию бывшего СССР, редкие фотографии, письма бывших ссыльных И на этот раз они передали в дар музею, который посетили в первый же день, еще один ценный экспонат – фильм «Земля смерти» - об истории лагерей для политзаключенных, которые находились, в Казахстане. И был сделан еще один бесценный подарок – компьютерная копия фотография молодой Марты Вишнюнене, матери Альгиса, переснятая им в недавно открытых архивах лагерей

на территории нашей страны, в которых представлены более 1,5 млн карточек бывших узников лагерей. Эта встреча с давним прошлым стала потрясением. А в настоящем, сегодняшнем дне связующей нитью людских судеб являются не только поездки литовских делегаций в Казахстан, своего рода проявление народной дипломатии. Между нашими двумя странами, как подчеркнула сотрудник посольства РК в Литве, установился активный политический диалог, который особенно актуален сейчас, когда Казахстану в 2010 году, а Литве – в 2011 году предстоит председательствовать в ОБСЕ. Взаимный обмен опытом, преемственность в международном представительстве двух стран взаимно полезны. Как полезны и экономические контакты, к примеру, литовский капитал участвует в 22 совместных казахстанско-литовских крупных проектах.

Еще несколько новых идей родилось и во время нынешнего визита литовской делегации в нашу республику. Когда А. Вишнюнас предложил прочитать лекцию для студентов Карагандинского архитектурно--строительного университета об особенностях современного мирового градостроительства и направлениях в урбанистике, которая вызвала большой интерес у студентов, было решено продолжить эти добрые связи между вузами двух стран. Могут сотрудничать и обмениваться опытом и молодежные организации двух стран. В Караганде гостям понравилось в Литовском доме. Этот национальный музей создан местным бизнесменом, представителем литовской диаспоры в нашей стране. Его заслуги оценены государственной наградой Литвы- Серебряным крестом. Заслуживает внимания и идея установления побратимских отношений между городами наших стран. В ходе встреч состоялось много интересных и памятных событий, как знакомство с национально-культурным центром «Литуаника» в Караганде. По признанию литовских гостей, они воочию увидели, что в Казахстане нет межэтнических разногласий, но есть уважение людей разных национальностей, взаимопомощь, есть мир и согласие. И еще им понравились открытость, радушие, гостеприимство, которое они встречали всюду на пути следования. Гости отметили добрые перемены в облике Балхаша и его благоустройстве. Об этом они с благодарностью говорили на встрече с акимом города К.Г.Тейляновым, который рассказал об истории Балхаша, о реализации в городе республиканского проекта «Дорожная карта», ставшего своего рода противодействием нынешнему кризису в мировой экономике. В дружеской беседе выяснилось, что наш аким бывал в Литве, помнит эту страну и даже сказал несколько фраз по- литовски, чем привел в восторг гостей. На память о встрече им были подарены альбомы с видами Балхаш. В тот же день была организована экскурсия в медеплавильный и сернокислотный цеха комбината, которую провел М. И. Аубакиров, производственно- технологический директор металлургического комплекса корпорации «Казахмыс». Сернокислотный цех, где экологически безопасное производство, уже вышел на проектную мощность, а серная кислота идет на нужды. Особенно это было интересно Ф. Жемулису, пишущему на темы экологии.

Посетили гости и Восточно-Коунрадский поселок, место бывшего лагеря, где отбывал ссылку отец Альгиса, побывали на территории Балхашлага, постояли в минуте молчания у памятника литовским узникам, а вид утопающего буквально

в воде среди камышей первого деревянного креста года вызвал просьбу перенести его в музей отечественной промышленности.

Чтобы сохранить этот уникальный памятник самой памяти людской.

Завершился визит литовской делегации прогулкой по городу, им понравилась Площадь Независимости, а памятники Агыбаю батыру, первооткрывателю Коунрадского медного месторождения М.П.Русакову и танку на Набережной они оценили как знак большого уважения к истории своего народа. Побывали и во дворце металлургов, с благодарностью приняли экспромтом подаренные им песни в исполнении Жумагельды Абдирова и ансамбля «Сары-Арка». Произвели впечатление на гостей и разнообразные оттенки небесной и морской синевы, которые под лучами закатного солнца освещали озерные дали и широкую разноцветную панораму города.

Запомнились слова Антанаса Сейкалеса, сказанные на прощанье:

- Мы вам не чужие, и благодарны за то, что вы сделали для нас в прошлом, за теплый прием. Экономически ваша страна богата, имеет богатую историю, но надо нам больше общаться, развивать культурные, духовные и человеческие связи. Спасибо посольству Казахстана в Литве, что приоткрыли информационные двери. Мы смотрим на все открытыми глазами, чтобы потом рассказать о Казахстане у себя в Литве»

А Альгис Вишнюнас добавил: « Я в Балхаше уже в пятый раз. Если бы мне не было здесь уютно, я бы сюда не приезжал. Спасибо акимату, отделу культуры, нашим друзьям - журналистам. Наше общение сближает наши народы и страны. Мы еще обязательно встретимся».

5.ВРЕМЯ и СУДЬБЫ

От автора: этот материал, написанный в далеком 1989 году, был первым по времени прикосновением всем сердцем к теме репрессий, которая обожгла душу. Тогда и дала клятву самой себе – в память о жертвах Гулага обязательно продолжить эту тему. Этому зарок верна уже более 25 лет. За эти годы накопилось много материалов, опубликованных в разные годы и в разных изданиях. Но эта статья была первой. Потому ею и открываю заключительную главу «Время и судьбы» в сборнике газетных публикаций «Карта Гулага» .

1989 г, 13 апреля «Индустриальная Караганда»
СУДЬБЫ

Время собрать бесценные свидетельства истории-воспоминания, фотографии, письма, справки, выставить в музейных залах, чтобы каждый мог сердцем прикоснуться к народной памяти, почерпнуть силу в ее живительном истоке, просто подумать...

Анкета

« В какой семье родилась, чем занимались родители до революции, чем занимаются в настоящее время? Участвовал ли в боях гражданской или Отечественной войны? Кто из родных подвергался репрессиям, был под судом или следствием, за что, когда, где?»

Эти вопросы были обведены в верхнем левом углу официального бланка, на котором значилось: «автобиография». Мне протянула этот листок миловидная женщина, вытянув его из стопки других таких же разлинованных бланков. То ли просто остались среди бумаг случайно, то ли кто-то запасливо сберег их, но это было в солидном учреждении с полгода тому назад. А этот вопросник – из прошлого. Пусть только эхом, но отозвались в нем 30-ые, а может быть, 50-ые годы. Тому времени они были под стать, но не теперь же, когда гласность открыла нам неведомую до того историю страны, когда «многое знание рождает печаль», ведь невозможно равнодушно относиться к тому, что даже после Дня Победы 9 мая 1945 года вчерашние защитники Родины вдруг оказывались врагами народа.

Сколько раз мне приходилось писать автобиографию, но никто не задавал мне таких вопросов, которые вызывают чувство внутреннего протеста, какой-то неясной тревоги и даже вины - а ведь мало мы знаем о самих себе, какие истоки у родословной моего поколения...Родившиеся в грозное время, когда шла Великая Отечественная война, мы знали, что наши отцы воевали, у многих моих одноклассников, впрочем, как и у меня, отцы погибли в огне сороковых, может, даже не подозревая, что остался на свете живой росток, сохранивший если не

личную, то генетическую память в цвете глаз, волос, своих так никогда и не увиденных отцов.

Юность наша пришлась на удивительные шестидесятые годы, озаренные первым космическим полетом, романтикой новостроек. Мы пели тогда: «Молодым везде у нас дорога», и знали, что это правда. Нас ждали студенческие аудитории, встречи на дорогах жизни, в которую мы вступали с надеждой и верой. Потом уже специалистами приходили на заводы, открывали для себя новые города, влюблялись, рождались уже наши дети. И все вроде как-то недосуг было оглянуться, пристально всмотреться, если не в глаза истории, то в глаза хотя бы своей матери: они многое видели, знали, о чем-то умалчивали. Теперь мы знали, о чем.

Ведь, наверное, не исключение, а скорее правило, что тридцатые годы с их энтузиазмом, с одной стороны, и с налаженной системой подозрительности - с другой, не обошли стороной ни одну семью. Но теперь уже мы, щадя уставшее сердце бабушек наших детей, не тревожили их расспросами. А если обратиться к своим школьным годам, юности, разве мы не видели, не знали, что не все было гладко в летописи современности? Вдруг вопреки школьной программе мы открывали для себя Есенина, Ахматову, Цветаеву, Булгакова, Зощенко.

Проницательным взглядом подростка ведь замечали, что среди общего плача и траурных флагов над городом в год смерти Сталина у кого-то светлели лица.

А вскоре в нашем небольшом городке, где почти все знали друг друга в лицо, появились новые люди, внешне ничем не отличавшиеся, но обладавшие какой-то особой притягательной силой жизнелюбия, непоколебимости духа.

Святая Руфь

В доме своей одноклассницы впервые увидела женщину, которая говорила о литературе так, что хотелось сразу же прочесть все книги на свете, чтобы хоть чуточку приблизиться к тайнам ее мудрости. Если она смеялась, то столь заразительно, что поневоле улыбались и мы. Каким неожиданным светом разгоралась в душе музыка, которую по просьбе гости непременно включали в программу этих поэтических домашних вечеров. Шопеновские мелодии на пластинках сменяла иногда русская песня или романс, и мы тоже подпевали. И ни тогда, ни после, когда судьба дарила встречи с Руфью Мееровной Тамариной, откликнувшейся на просьбу редакции городской газеты «Балхашский рабочий» встретиться с членами местного литературного объединения «Прибой», дать консультацию или совет молодым поэтам, многого не знала об этой удивительно жизнелюбивой женщине, ее причастности к Гулагу.

Таких встреч было несколько, завязалась переписка, но она никогда не говорила о том, что пережила, как удалось ей остаться жизнелюбивой, гордой, пройдя через горнило сталинских репрессий. Биография поэта –его стихи, и какую прозорливость вложила она в давние, еще в предвоенные строки 1939 года: «Как хорошо, как больно жить на свете...»

Товарищ по Литературному институту Б. Слуцкий назвал предисловие к одному из поэтических сборников Р. Тамариной «юнга с нашей бригантины» - в память о дружбе однокурсников П.Когана, М.Кульчицкого, Н. Майорова, А.Копштейна.

Вслед за ними ушла на фронт и Руфь, чтобы уцелеть в огне войны, а потом не уберечься от наветов. В 1987 году в журнале «Простор» в Алма-Ате вышла ее небольшая поэтическая подборка, где она впервые пишет о том, каким был в ее биографии 1937-ой год:

«И август – в окнах липы..

И серое лицо отца.

И мамины глухие всхлипы...

Лишь через много лет узнаю,

И то легендой в дали лет,

Что в смерть избитый, умирая,

Твердил одно он слово –Нет!

Беда свое брала упрямо,

По сердцу била долотом –

Уже арестовали маму,

братишку взяли в детский дом»

А потом был 1948 год:

«...Мне твердят, талдычут « дочь врага»,

Молча знаю- дочка коммуниста.

Нет, меня не били, не секли,

Не ругали и не материли.

Убедить, уверить – не смогли,

А вот подписать- уговорили.

-Ты не просто дочь врага,

Ты враг...

Протокол подписан,

Я устала,,

Кончена жестокая игра.

Надо жить.

В который раз сначала...»

И был 53-ий. Джекказган сменил Балхаш, потом Алма-Ата, где Руфь Мееровна живет сейчас. Те давние памятные строки : «как хорошо, как больно жить на свете»...-не просто провидческий поэтический образ, это факт ее биографии .

Даже не личной, а биографии ее поколения.

Урок истории

С того памятного дня, когда заполняла столь удивившую меня, поразившую своим несоответствием времени анкету-автобиографию, со следами недоверия (кому-то было важно знать, не кто ты есть, а каким было твое окружение, воспитание, что делали предки твои до революции, были ли репрессированные в семье), с того памятного дня записала в блокноте одну цифру, один год- 1937. И

уже тогда знала, что если соберусь когда-либо написать, то непременно повторю: «как хорошо, как больно жить на свете...» Ведь и поэзия способна помочь усвоить уроки истории. Даже самые горькие.

Сегодня интерес к тому, «что было с нами и со страной», идет по нарастающей. Старшему поколению переоценка прожитой жизни, крушение идеалов дается особенно трудно. Нам, воспитанным эпохой шестидесятых, проще. Мы многое знали, видели сами, могли дать трезвую оценку своему времени. В самой сложной ситуации, казалось бы, неожиданно оказались наши дети. Им все приходится воспринимать на веру, а к плюрализму мнений они не готовы, отрицание прежнего опыта не дает надежной почвы под ногами. Когда рушится старое, нужно точно видеть будущее, без этого теряется смысл. В перестройке, начатой партией в мышлении, политике, экономике наши дети смогут участвовать чуть позже, их еще готовят к жизни в учебных и рабочих аудиториях, где они приобретают знания, навыки труда. Ведь не отпала же, и, надеюсь, никогда не отпадет мысль, свойственная молодости: найти дело, которое максимально позволит реализовать себя и принести пользу людям, послужить, как говаривали в старину, во славу Отечества. Очень хочется верить в новое наше поколение, молодую смену тех, кто сумел пронести через все тяготы собственной судьбы веру в день сегодняшней. Да, многие знания умножают печали. Правда, открывшаяся в последние годы о 30-40-50-ых годах, заставляет задумываться, но эта правда и закаляет лучше огня, укрепляет душу, заставляет пристальней взглянуться в самого себя: кто мы, какие мы?

«Хотите знать историю страны, узнайте историю своей семьи». Это урок, сам того не ведая, преподаватель моей дочери задал и мне. Тем более что во времени это совпало с заполнением столь ошеломившей меня анкеты. И вот тут выявился пробел: много читала, слышала, смотрела документы, кажется, знаю историю страны, но разве не частичка народной судьбы семейное прошлое? А это обозначено почти схематично, отложилось не в памяти, а в легендах, где трудно восстановить теперь точные даты и даже имена. Со слов мамы знаю, что ее старший брат был арестован в 1937 году прямо в поле, где косили сено. И никогда больше не увидели его, даже фотографии не сохранилось. Как тут отвечать на вопрос: за что, когда и где подвергался репрессиям? Впрочем, где – известно: детство матери прошло на Алтае. Сколько выпало на плечи обездоленной, лишенной главного кормильца многодетной семьи, не расспросишь теперь. Ушли из жизни люди. Мама была самой младшей, только и остался в памяти день, когда увезли –навсегда- брата. Никогда не говорила об этом прежде, пока однажды не прочла маленькой заметки в «Правде», где говорилось, что в Турочаке, небольшом поселке Горного Алтая, обнаружен уже в наши дни ров, где лежали останки расстрелянных в затылок десятков людей. И обожгла мамины глаза слеза, будто над той безымянной могилой вдруг стала девчонка, которая и не знала всю жизнь, как это было. Еще одним эхом отозвалось письмо из Горьковской области от родственницы мужа –она прочитала рассказ о женском лагере на Сахалине, где под жесточайшим надзором прожила под именем жены врага народа ее мать. «Публикация страшная, боль была невыносимой, мама говорила, что там был земной ад». И тоже не спросишь очевидцев- после реабилитации Жанна

Константиновна Урлауб так никогда и не узнала о подлинной судьбе своего мужа, как позже выяснилось расстрелянного в 1937 году в числе других ленинградских инженеров, ложно обвиненных в экономическом саботаже. Перебраться с разрешенного поселения в Красных Баках в Ленинград, откуда ее выслали, не собралась, а холмик за могильной оградой в приютивших ее ветлужских лесах, молчалив. На снимке 1934 года они так молоды... Глаза, кажется, не в объектив аппарата смотрят, а тебя спрашивают: «Вы помните, не предали нашу память?». О мемориалах павшим в годы сталинских репрессий сегодня ратуют не только родственники, общественные организации, это память народа взывает: «Помните! Всех поименно помните!» Пусть в этом скорбном списке в одном ряду будут дорогие и известные только в нашей семье имена: Дмитрия Матвеевича Дьяконова, алтайского крестьянина, и Бориса Георгиевича Афанасьева, инженера-ленинградца, его жены Жанны Константиновны Урлауб... Исполнила ли я урок, заданный моей дочери- узнать историю своей семьи, чтобы знать историю страны? Разве только краешек тяжелого от времени занавеса приподнять удалось. А ведь были и встречи, и долгие беседы с тем же Яковом Мартыновичем Гец. Не родня, а все-таки очень близкий человек не мне одной, а всем, с кем свела жизнь этого убежденного коммуниста, много лет проработавшего на Балхашском заводе обработки цветных металлов, и почти столько же лет являвшегося штатным корреспондентом городской газеты, местной студии телевидения и всесоюзной газеты «Нойес лебен». Когда отмечали 70-летний юбилей Якова Мартыновича, уже тяжело больного, у него дома, то добрых слов говорили немало и заводчане, и журналисты. И чаще других звучало пожелание оставаться таким же жизнелюбивым, удивительной силы духа человеком, примером для молодых. Жизнью своей, верой в людей он восхищал. Знала из его скупых, и то в редкие минуты откровений, что выпала ему жизнь нелегкая.

В доме Гецов бывал Постышев, и это поставили потом в вину семье: репрессированы были отец, братья-близнецы Яков и Иосиф. Яков Мартынович с неизменным уважением говорил о тех людях, с кем свела его лагерная жизнь. Слушали, а ведь не забывали, не записывали- он же здесь, в городе, забегал почти каждый день в редакцию...

В рассказах его восполнялись те самые страницы, что сегодня пишутся заново. Он всегда говорил о других, только однажды рассказал как-то мимоходом, что настолько был истощен непосильной работой на лесоповалах в лагере, куда попал в 16 лет после ареста трупов он все-таки очнулся. И снова продолжались изнурительные будни, где силы можно было черпать только в общении с людьми, поражавшими его своей верой в идею, оставшимися и там, за тюремной стеной, настоящими людьми. Были тогда и другие в том лагере рядом, но, что утром не мог встать. Его приняли за мертвого, а в холодном бараке среди Гец говорил о таких не иначе как: «Не стоят они того, чтобы их имена вспоминать...»

Эпизоды своей жизни «там» он забывал, радовался новой жизни. И этого удивления не утратил до смертного часа. Та первая запись в блокноте – 1937 год- не давала покоя, и тогда я пошла к Гецу. Не оговорила, именно к нему- без него- и увидела, как бережно хранит архив мужа его жена. Александра Степановна рядом с фотографиями, записками, письмами, документами на полках

шкафа положила книги, которые особенно часто перечитывал Яков Мартынович. «Постышев» из серии ЖЗЛ, Воспоминания» А.Горбатова. В них остались его пометки. Он часто перечитывал сломившееся на сгибе письмо, датированное 3 октября 1938 года. Это последнее письмо от брата, больше он об «Иосифе, с которым его разлучили после ареста, не знал ничего, с трудом через много лет разыскал его сына. Зловещая дата- 1938 год. Снова, в который раз от нее повеяло смертью. В одной из справок в гецевском архиве выписала две даты: 4 июля 1938 года- 30 декабря 1947 года. Это его годы каторжного труда на Севере, на лесоповалах. А в мае 1947 года его перевели в Балхаш, где работал на заводе –под конвоем. Через забор познакомился и со своей будущей женой, которая, как многие женщины, жалела подневольных работников, приносила ему хлеба в дополнение к скудному пацку. В марте 1957 года Яков Мартынович был реабилитирован. В 1959 году он вступил в партию КПСС. Тогда-то и была одна из первых наших с ним встреч, которая осталась в памяти навсегда.

Лагерь у озера был!

Блокнот заполнялся медленно: как искать свидетелей того времени, не всегда поверишь и документам, если в них зачастую, как это случилось с двухтомным изданием «Медный гигант на Балхаше» не найти имени В.Иванова, первого начальника Прибалхашстроя в тридцатые годы. Имя этого человека знают все балхашцы, все-таки сохранила его благодарная людская память. Есть стенд в городском музее, его именем названа одна из городских улиц. А документов нет. В том числе и о том, что была Балхашская лагерная зона.

В городском архиве показали все, что сохранилось за тридцатые годы. И неожиданно следы обнаружались, но вели они совсем в неожиданную сторону. Документы «проговаривались».

Вот обязательное постановление Прибалхашского Совета народных депутатов от 2 декабря 1935 года: «О запрещении купли и продажи обмундирования, выданного лагерем НКВД заключенным – предупредить всех граждан , что выданное лагерем НКВД заключенным обмундирование , имеющее клеймо «ОЛТПиМЗ НКВД Уз.ССР, является государственным имуществом...» 8 апреля 1936 года было вторично принято подобное постановление, но с добавлением «клеймо ОЛТП и МЗ НКВД Уз.ССР, Сиб.лаг НКВД или Карлаг НКВД не является предметом гражданского оборота, а является госимуществом, выданным заключенным на временное пользование, а поэтому купле-продаже или обмену не подлежит. Отобранное лагерное обмундирование немедленно возвратит лагерю НКВД на ПБС (Прибалхашстрой). Зам. Председателя Прибалхашского Совета Порхачев.»

Что-то насторожило в этом постановлении. Лагерь НКВД на Прибалхашстрое? Никогда не приходилось о таком слышать. Карлаг, Степлаг – да. Оставалось поверить постановлению, да и старожилы- балхашцы помнили зону в районе завода.

Позже случайно получила косвенное свидетельство, что были репрессированные не только на стройках, работали они и на фермах, занимались

разведением овец, выращивали овощи на огородных плантациях. Словам этого человека приходилось верить на слово. Хотя, как было не поверить бывшему охраннику такого лагеря?

Нас свел случай: в библиотеке обсуждали очередные материалы о 1937 годе. Он как-то сразу включился в разговор, назвал несколько фамилий людей, которые «были под моим началом в лагере: Селезнев, Прозоров, Орлов, Смушкевич, вернее, его жена и дочь, Игловиков...» Эти имена мало о чем говорили мне, к сожалению, но неожиданный собеседник заинтриговал. Попросила представиться, что он сделал с явным удовольствием: Сергей Николаевич Кудрявцев. Договорились о встрече.

И вот я в 2-комнатной светлой от солнца квартире, но будто какая-то тень нависла над душой. Шла без предупреждения, да и в рассказе, где тон задал сам рассказчик, ничего нового вроде не услышала.

Отчего же тяготит словоохотливое повествование участника тех событий? Он вспоминал не те роковые тридцатые годы, а уже послевоенные. «Воевал, вернулся в родные края, в Шахунью, под Горьким. Работы нет, а тут вербовщик приехал, Цветков (отмечаю, что памятный), набирал в охрану для лагерей в Казахстан. Ехали в товарном вагоне, без билетов, сопровождавший деньги присвоил, как оказалось. Попал в Карлаг. Лагерь как лагерь. Мужская и женская зоны. Работали больше по сельскому хозяйству, огороды были большие, выращивали овощи, картошку. Народу много, сами себя кормили. Зимой на снегозадержании, на фермах работали – были овцы, коровы. Вместе сидели и уголовники, и политзаключенные. Политические самые сознательные, лучшая рабочая сила. Понимали: дан срок, будь добр, отсиди. Дисциплину соблюдали, хотя и побегии были, сам ездил на станции ловить, правда, кто по 58-ой статье сидел, эти не бегали. У них и охрана-то была – один охранник на 25 человек. Сидели и русские, и немцы, и поляки. Никаких издевательств не было, я всегда стоял на страже закона и законности. Был в лагере театр, своя пекарня, хлеб пекли отличный. Я был хозяином за зоной, и завхозом, и начальником снабжения, и инженером по профобразованию. Меня уважали. Многие политические были бесконвойными. Питались хорошо. Клуб был для заключенных. Я сам на многих музыкальных инструментах играю. На мне весь казенный инвентарь числился. Если дети рождались, от матерей их никто не отнимал, а сдавали в дом ребенка. Я сам в таком доме работал, из Германии у меня был фотоаппарат, я фотографировал хорошо, снимал заключенных. Однажды меня матери попросили сфотографировать их с детьми. Разрешили, снимал. Да, это уже было под Горьким. А что Карлаг? В пятьдесят третьем, после смерти Сталина, вышла амнистия, я сам многим брал билеты на поезд. У меня интуиция была, я тогда говорил жене. «Скажи, Таня, как думаешь еще будут про Сталина говорить по другому?» Так и вышло. Правда ли, что о лагерях пишут? Да, я читал, и сам все видел, лучше всяких писателей знаю, как все было. А тут как-то в Балхаше встретил нашего лагерного киномеханика, тоже сидел по 58-ой статье. Вспоминали с ним... Почему не знаю, что с ним теперь? Да он в соседнем подъезде живет, Коробченко Яков Алексеевич, он реабилитированный. У него портрет Сталина висит. Освободили его еще в 52-ом. Сколько людей через меня

прошло! Семь лет работал в лагерях, потом ушел, специальностей у меня много. Сейчас на пенсии, но еще работаю. В охране. Вот только с дежурства пришел.»

Прощаюсь. И еще ничего не решив, через несколько минут стучу в квартиру в соседнем подъезде. Яков Алексеевич выглядит постарше, хотя они с Кудрявцевым ровесники. Разная мета времени. Разговор строго документальный. Коробченко хранит в пакетах справки, выписки, когда беру очередную в руки, комментирует:

-Со 2 августа по сентябрь 41-го курсант Ростовского пехотного училища, а потом на фронт. В боях участвовал, был ранен в ногу. Попал в плен. Бежал, к своим добрался, а потом за мной приехали, сказали, что, мол, землячка твоя написала, что ты технику немецкую восхвалял. Да я не восхвалял, только как мы были вооружены –то в первый год войны, куда нам с их танками воевать! Дали мне 58-ую статью, пункт 10, часть вторая. Это как на лагерном жаргоне говорили: «болтуны, за неосторожные слова сажали. С 1942 по 1952 год все 10 лет ровно отсидел. Киномехаником работал, а когда освободили, куда ехать? Выпустили с поражением прав на пять лет да еще минус 39, это значит, что в 39 городах не имел права жить, в том числе в Ростове. Так и остался, работал сначала в совхозе, потом в геологоразведке. Женился. Когда геологов перевели из Агадыря в Балхаш, то и переехал сюда. В 1957 году написал в Ростов, а там дело передали на пересмотр в Северо-Кавказский военный округ, меня же военный трибунал судил. Без меня пересудили, и вот эту справку прислали. «Приговор отменен, дело прекращено». Так в конце 1958 года был полностью реабилитирован. Тогда же документы прислали, довоенную еще характеристику. Киномехаником всю жизнь до пенсии работал, сам и машину водил с передвижной киноустановкой, доверили, хотя один глаз у меня еще в войну ослеп. А это у меня значок «Отличник кинематографии СССР». Льготы за него? А зачем они мне теперь? Жизнь прожита. Почему портрет Сталина? Я его только и признаю. Ну и что, что лагеря были? Так классовая борьба была. Мы-то «болтуны» только, сидели, раз лишнего чего сказал, а ведь были и другие статьи: 58-1а, 1б,1-2, это же изменники Родины, агитацию вели. В Карлаге тоже такие были, зря не сажали! Встречались там чэсээры –члены семей изменников Родины, жены, дети сидели больших военначальников. Я только за то Сталина виню, что расстрелял высший командный состав армии, но потом он и выиграл войну! А если бы еще тех, кто сидел в лагерях тогда, на фронт послали, здоровые же люди были, а то пацанов бросили в бой. Не было бы тогда 20 миллионов погибших. Кого там Сталин арестовывал, расстреливал, меня не интересует. А мы жили в лагере неплохо, сыты, одеты-обуты, получше, чем сейчас. Горбачеву я верю, что хочет сделать что-то хорошее, а только когда это будет? Вам кто про меня сказал, Сергей Кудрявцев? Да, он у нас был надзирателем, но вреда никому не делал, а то бы ему...

Монологи эти записаны в присутствии их авторов, даже поинтересовались, будет ли напечатано. Ведь сказали всю правду, как есть. Странное чувство оставили эти встречи. Да в нынешнем ли времени они живут –бывший охранник и заключенный, принимая как должное все, что было? Или эта машина сталинской системы оставила печать в их судьбах, а еще больше в мыслях?

Что, мол, может человек, если он только винтик. Сколько таких надломленных людей?

Аресты в Прибалхашстрое

Из самых добрых побуждений говорили мне разное: что тебе дался этот 37-ой год? Вон сколько об этом сейчас пишут. Там такие судьбы! Документы не сохранились, а рассказам можно ли доверять? Сейчас так говорят, а что завтра скажут, еще неизвестно. Даже если напишешь, и все такие опубликуют, кому от этого польза? Жизнь расстрелянным не вернуть, самой славы не прибавит, только одни нервы. И чем больше отговоров, тем упрямее искала встреч, хоть каких-то зацепок.

Выздороветь можно, лишь переболев. Болит сердце- значит, живое, без боли его и не чувствуешь. Растревожило чтение архивных записей. Верить ли глазам своим?

В августе 1935 года адресовано обкомам, райкомам предписание за подписью секретаря крайкома Мирзояна: « В ознаменование 15-летия Казакстана (такова транскрипция) учреждены памятные нагрудные знаки, вещевые премии для ударников. К 1 сентября представить списки кандидатов для награждения юбилейным знаком с подробными характеристиками.»

В итоговом списке в числе первых В.И. Пухов. «Начальник ПБС Пухов В.И. , инженер-геолог, член ВКПб, под его руководством детально разведано и сдано в эксплуатацию крупное месторождение Коунрад. В тяжелых пустынных условиях сгруппировал кадры специалистов, по его инициативе развернута разведка полиметаллических месторождений. Пухов В.И. принимает активное участие в общественно-политической жизни.»

В другой папке протоколы собраний с отчетами поссовета перед избирателями от 31 октября, 1 ноября 1935 года. В повестках дня значится: докладчик В.И.Пухов. Выписываю: «Под руководством Сталина наш край преобразуется в цветущий край: растет комбинат, есть баня, хлебозавод, электростанция, население увеличилось с 15 до 30 тысяч. В школах учится 2637 человек. Скоро поссовет будет горсоветом. Наша задача –развивать стахановское движение, быть классово-бдительными, из нашего совета в прошлом году выведены троцкисты. На площадку прибыли 30000 классовых чуждых элементов. Мы в долгу перед страной, которая ждет пуска комбината, балхашской меди...» Через несколько страниц снова о Пухове. Но что это? «Надо разоблачать и уничтожать презренных врагов народа, подлых предателей Родины, реставраторов капитализма, агентов фашизма, троцкистов и местных националистов. У нас в геологоразведочном отделе был зажим самокритики, производственный план составляется, но в жизнь не проводился, все шло самотеком. Пухов не обращал на это никакого внимания...»

Эти строки из доклада парторга Дюсебаева. Выступили в прениях Поздняк, Саманов- те же обвинения. Зигмунтович идет против течения: «Пухов часто выступал и ничего антисоветского или антипартийного не было замечено». Закljučая собрание, парторг итожит: «На Балхаше сидели ряд троцкистов-

зиновьевцев и занимались вредительством, это Поддубный, Рот, Павлов, Измайлов, Горский... А Пухов спекулировал словами Орджоникидзе о комплексном методе разведки. Орудовали враждебные элементы, теперь понятно, почему затягивается пропуск на комбинате, тем более, что Пухов состоит в родстве с врагом народа троцкистом Пятаковым...» На собрании, как это было бы теперь, обсуждаемый (или осуждаемый?) Пухов не участвует, похоже, это уже вдогонку проявляют бдительность..

Протокол от 13 марта 1937 года. Постановление партсобрания звучит сурово даже по тем временам: «одобрить сигнализацию парторга о том, что Пухов имеет родство с Пятаковым». Нет подтверждений даже устных, а звучит как приговор. «Одобрить сигнализацию»- снова сработала система, в которой доносительство, подозрительность выше рангом, чем безукоризненная характеристика, и недавняя совсем, четырех месяцев не прошло.

Следы Пухова тем протоколом 37-го года обрывались. Но не может быть, чтобы никто не помнил о нем. Снова обращаюсь к документам истории, они в книге «Медный гигант на Балхаше». Есть Пухов! И это наверняка он. Страница 94, первый том. «...Первая пятилетка привела в эти места людей. Геологи и инженеры начали обследовать подземные богатства прибалхашского края. В течение одного лишь 1931 года инженер Пухов заложил 132 глубокие опытные скважины, и каждая из них была новым доказательством того, что берега озера

Балхаш скрывают несметные сокровища. Сегодня об этом богатстве знает уже весь Советский Союз»- писал Ю.Фучик 25 августа 1935 года в пражской газете «Руде право». Нет пророка в своем Отечестве. Думается, что составители сборника, подчищая, группируя факты, не рискнули править известного писателя. А что было потом?

- Вячеслава Ивановича Пухова хорошо знал, начальник геологоразведочного отдела, потом Коунрадстроя. На общеплощадковом собрании обсуждалась будущая судьба Коунрада, как вести разработку – открытым методом или строить шахты, или использовать смешанный вариант. В конечном счете остался вариант Пухова, он ратовал за открытую разработку. Он умел убеждать других, всегда был полон энергии, весельчак... В 1937 году был арестован, как и Василий Иванович Иванов, Александр Клементьевич Горский, всего 18 человек из высшего эшелона руководства на стройке. Кстати, Иванова и Горского связывала до этого совместная работа на Сталинградском тракторном заводе.- рассказал Иван Тимофеевич Волков, первый комсорг Прибалхашстроя, Почетный гражданин города, ветеран труда комбината. Его имя тоже встречается в тех грустных документах, что помечены 1935-1937 годами.

Зачитываю Волкову характеристику на А.К.Горского, представленного к знаку «15 лет Казахстана». «Горский, главный архитектор строительства, кандидат в члены ВКПб, общественник, под его руководством работают и учатся молодые специалисты. За строительство Сталинградского завода награжден орденом Ленина».

-Да, ордена Ленина были у Иванова под номером 7, у Горского под номером 9. Горский вел все металлургическое производство Пирострой. Был арестован. О дальнейшей судьбе мы могли тогда только догадываться, обвинения были

предъявлены по статье 58. По всем параграфам : 7- вредительство, 9- террор, 11- участник контрреволюции, вменялся в вину «экономический саботаж, измена Родине». Приговор в таких случаях был один - расстрел. Без суда и следствия, по приговору «тройки». Через много лет я вместе с другими товарищами два месяца работал в архивах Караганды. Мы смотрели дела наших товарищей, готовили документы на посмертную реабилитацию, потому что чудес не бывает - приговор, как свидетельствовали документы, был приведен в исполнение в марте 1938 года. Дело Иванова составляло три тома, они как будто и сейчас жгут мне руки.

Иван Тимофеевич не может какое-то время говорить, ходит, ходит..

-Когда изучали дела, больше всего потрясла история Калюкова, председателя пропагандистской группы ЦК, был вторым секретарем райкома. Знали, что посадили, но за что? Листаю его дело: «Особым совещанием приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение..» А в деле - ордер на арест, протоколы обыска, допросов. Основанием послужило, что кто-то слышал от другого, что Калюков будто член буржуазно-националистической организации. Кто-то слышал, кто-то сказал, и все- никакой проверки, никаких подтверждений. Не сразу решаюсь спросить Ивана Тимофеевича, а он снова размеренными шагами ходит от стола к двери, что выдавало его волнение, как и дрожь в голосе, а что был для него 37-ой год?

Пытки

-Я в 1937 году поступил в Промакадемию на факультет самолетостроения, в августе меня освободили от всех дел на стройке, сердечно благодарили, провожали. Уехал, начал учиться. Присылали друзья газеты, знали, что дорожу каждой строкой о Прибалхашстрое. Потом читаю в письмах, что арестовали весь командный состав, а на собраниях спрашивают: почему Волкова отпустили, он же был с ними... В конце октября поехал в Балхаш, не мог не поехать, еще работал секретарем горкома партии Т.С.Назаренко, к нему пошел: давай соберем следственную комиссию. Было бюро, обсуждали мое персональное дело, решили ограничиться обсуждением. Как раз тут приехал Мирзоян, уговорил остаться: «Никуда Промакадемия не уйдет, а тут работать некому». Исполнял обязанности начальника Промстроя. А 22 июня 1938 года меня арестовали.

В который раз переборол волнение, заученным движением массирует правую щеку:

-Это мне оттуда память на всю жизнь- шрам на щеке. Били по лицу, по ушам. Следователи Павлов, Зернов, Иванов сменяли друг друга. Особенно Павлов изощрялся. Интеллигентный вид, важно, по деловому выдвигал ящик стола, доставал кожаные перчатки, медленно их надевал и с таким наслаждением бил, бил... С двух сторон – по голове, по ушам. Выбили мне тогда барабанную перепонку, не слышу этим ухом совсем. Но самой мучительной была пытка лишением сна. Сутки,

другие, третьи... Свет яркий, а на табуретке, чтобы не мог уснуть, по диагонали острая планка прибита. Врезается в тело, не дает спать, да что там- сидеть невозможно...

Слушаю, и кажется подо мной сейчас такая же диагональная, острием вверх, планка. А уж Ивану Тимофеевичу, видно, вонзилась с тех пор в самое сердце. Да вправе ли я даже ради самой благородной цели снова заставлять его терпеть те муки, как было 50 лет назад? Или вчера? Но он угадал мое состояние, говорит:

-Да что моя судьба- эпизод. Не в том дело, кого, сколько били, сколько и как мучили, этим сейчас чрезмерно увлеклись в печати. Нужны не эпизоды, а обобщения, может, сильнее даже, чем «Дети Арбата» Рыбакова. Чтобы показать само явление, почему оно было. Чтобы поняли наши дети, молодежь, чтобы не допустили никогда повторения. Это сейчас самое важное!

Когда он говорил это, вдруг угадала в нем того легендарного комсомольского вожака Прибалхашстроя тридцатых годов, который умел говорить со сверстниками вот так же убежденно, вдохновенно, вот так же блестяли его и теперь молодые глаза. Фразы короткие, весомые. Он и сейчас высокого роста, а тогда был издали приметен, да и шел всегда, как помнят многие балхашцы, впереди, пример сам подавал во всем. Первый в республике аэроклуб – в Балхаше, первые планеры, отряды осовиахимовских стрелков. Звонкие горячие дела, которыми гордятся комсомольцы тридцатых, а для него обернулись обвинением: «специально оживлял военную подготовку молодежи, готовился к вооруженной борьбе.» Ему намекали об этом на допросах, которые строились всегда по одинаковой схеме: кем, когда и при каких обстоятельствах завербован в пособники троцкистов, буржуазных националистов, в фашистские агенты? Кто соучастник? Какие задачи ставила перед собой организация? Что делали?

Когда в «Комсомольской правде» в те годы была опубликована статья о том, как пытались сфабриковать «комсомольское дело», заговор во главе с Косаревым, как выстоял Косарев, Иван Тимофеевич понял, что за тучи сгущались и над ним. Но не сработала система, не мог перемолоть всемогущий молох твердость духа комсомольских комиссаров. Стреляли в них, тела болью изматывали, выбивали перепонки, а не сломали!

-- Я и слезу-то проронил только раз, когда везли из Алматинской тюрьмы в Москву, увидел под крылом самолета озеро. Защемило сердце, глаза будто пеленой подернулись – влажной, соленой. Думал: неужели было все напрасно? Столько отдано делу, людям, а везут как преступника. Да со мной ли все это происходит?

О размерах репрессий в те годы могли только догадываться. После Ежова была создана видимость справедливости. Волкову помогло, что был изувечен – шрам на лице, потеря слуха, лежал в госпитале. Попал в первый эшелон освобожденных. Сколько было потом - эшелонов движения вспять! Теряли лучших людей, а верность, гордость, честь сберегли! И свою, и дела, которому служили.

За те 14 лет тюремных месяцев Иван Тимофеевич сбросил вес до 51 кг. Но шутил: «Были бы кости...» Старался забыть кошмар, уходил с головой в работу.

Место сам выбрал после освобождения – Балхаш. Уже на всю оставшуюся жизнь. Восстановился в партии. Сроднился с людьми. Себя не щадил, ушел с комбината, когда посчитал, что вышел его срок. А в строю остался: не почести почетного президиума нужны ему, а возможность увидеть дорогие лица сверстников, посмотреть в глаза новой молодой смене. И.Т.Волков стал организатором традиционных встреч поколений.

... В блокноте появляются все новые имена, адреса. Отзываются люди, достают из архивов памяти самые далекие, хрупкие порой воспоминания, дорогие фотографии, полустертые карандашные записи писем, справки. Время собирать эти бесценные свидетельства истории, чтобы выставить в музейных залах, чтобы каждый мог сердцем прикоснуться к народной памяти, почерпнуть силу в ее живительном потоке, просто подумать. Судьба у каждого своя, но есть общая, на всех одна- судьба Родины.

1995 г, май, «Казахстанская правда»

ТРУДАРМЕЙЦЫ

Из лексикона военной поры осталось это слово – «трудармейцы». Емкое и точное определение – в тылу тоже проходила линия фронта, только трудового. А главной рабочей силой были старики да дети.

Коле Тютюннику в сорок первом исполнилось 13 лет. О том, что началась война, в их селе узнали только на второй день.

-Прискакал на лошади из района посыльный, привез эту страшную весть. Помню первую мобилизацию в нашем селе –собрались все мужчины с вещмешками, стали грузиться на трехтонки, а вокруг плач стоит. Мало кто вернулся живым с фронта, если и возвращались, то инвалидами. Вся работа легла на наши плечи, в поле от восхода солнца, оплаты никакой не было, жили впроголодь. Соседка принесла с поля колоски, чтобы детей накормить, так ее судили, пять лет дали. Суровы были законы военного времени, но все согласны были терпеть, лишь бы перестали приходить похоронки, чтобы наши победили.

-Зима сорок первого года была очень суровой, в холоде-голоде сами, а скот берегли пуще глаза,- продолжает Николай Федорович.- Весной посевная, летом сенокос, осенью хлебоуборка, работали на совесть. Всю войну в трудармии числилось все население колхоза имени 8 марта Узенкольского района Кустанайской области. Отец с начала войны на фронте был, а нас у матери трое осталось. В школу не ходили, не до того было. Как в 1939 году закончил четыре класса, так и все. Только в 1955 году уже в Балхаше пошел в вечернюю школу. Правда, еще была школа ФЗУ, где учился после войны, с сорок пятого по сорок девятый год. В пятидесятом отслужил в армии, вернулся, пошел работать на завод по обработке цветных металлов и там уже –до пенсии. Закончил после вечерний техникум, выдвинули на партийную работу. Много выпало испытаний на долю нашего поколения, но один из самых светлых дней так и остался на всю жизнь – День Победы. Газет не было, радио и то одно в районе. Как только сообщили про

победу, в село прискакал нарочный, верхом. То-то было радости и слез. Закалила нас жизнь, может, оттого такие живучие. Все меньше остается ветеранов войны и тыла, побольше бы им внимания сейчас, в преддверии юбилея победы.

Николай Федорович Тютюнник немногословен, а человек в городе заметный. Вся жизнь здесь прошла, на виду у людей. В двухтомнике «Медный гигант на Балхаше», где собраны уникальные документы по истории города, приводятся выдержки из протокола партийного собрания от июня 1966 года. Секретарь парткома ЗОЦМ Н.Ф.Тютюнник обращался тогда к прокатчикам: «Дело чести нашего коллектива – досрочно изготовить и отгрузить продукцию для сельского хозяйства, помочь подшефному совхозу имени 22-го партсъезда в сено- и хлебоуборке...»

Ему ли крестьянскому сыну не знать нужд земледельцев, ведь память детских лет – это навсегда. Сейчас Николай Федорович, хоть и на пенсии, заместитель председателя городского совета ветеранов. Сюда приходят люди не только за помощью, но и просто поговорить, вместе вспомнить былое, те грозные сороковые: как жили, как ждали победу, а фронт тогда проходил везде – и на передовой, и в тылу. Недаром же осталось с той поры это слово в нашем словаре – «трудоармейцы». Одним из бойцов трудового фронта в годы войны была и Татьяна Александровна Замиралов:

-В трудармию брали ведь не по согласию, а по возрасту. Училась в 8 классе в селе Афанасьевка Северо-Казахстанской области. Приехал тогда вербовщик из Коунрада, звал в ФЗО, рассказывал, что там, у озера много солнца, рыбы, яблок. Нас несколько девчонок собрались на Балхаш. Вручили нам комсомольские путевки, и мы с узлами, а кто и с деревянным ящиком-чемоданом поехали. До рудника довели нас в гондолах, в ФЗО расселили по комнатам, а потом началась учеба. Я попала в группу машинистов электровоза. Шел 1942 год. Учились больше на рабочих местах, тогда все равнялись на стахановцев- Мироевского, Корнилюка, Руденко. Это экскаваторщики, а на электровозах работали в основном женщины. В ночное время охраняли свое здание, нам и винтовки выдавали - мы изучали военное дело. Работать было тяжело, полуголодные были, пайка хлеба для работающих была 800 грамм, как ни экономь, все мало. После работы вязала крючком шторы, салфетки, вяжу, думаю, вот продам и хлеба наемся. А буфетчица возьмет салфетки, даст кусочек хлеба.. Выжили! А какая дисциплина была тогда, да и ответственность у каждого, мы знали, что работаем на Победу. 9 мая по радио передали сообщение, что кончилась война. Что тут было, сразу митинг, шумно, плачем и смеемся. Дождались! Так и осталась в Балхаше, работала потом в торговле, уж и на пенсии давно, а дома не сидится. В совете ветеранов сейчас работаю, вижу, как нужна наша работа людям. Правильно, что фронтовики на особом учете, но и о трудармейцах надо бы помнить. В тылу тоже работы хватало, рано пришлось повзрослеть. У молодости свое преимущество – на какое бы трудное время она ни пришлась, а все равно помнится. Не дай Бог нашим детям, внукам пережить такое... Как мы мечтали тогда, что вот кончится война и будем мы все жить счастливо. Правильно, что в России льготные пенсии решено выдавать всем, родившимся до 1931 года. Мы были подростками и работали в карьерах, в горячих цехах, а на селе и в 10 лет

уже в поле выходили. Теперь мальчишки те стали уже стариками, и государство у них в неоплатном долгу.

Не согласиться с Татьяной Александровной нельзя. Право на праздник Победы имеют вместе и фронтовики, и трудармейцы.

Теперь такие льготы есть у трудармейцев. В том числе и тех, кто был зачислен в трудовую армию из числа депортированных корейцев с Дальнего Востока и ссыльных немцев, высланных в Казахстан с Поволжья, прибалтов, для которых наша земля стала второй родиной после их насильственного переселения в первые военные годы из родных мест.

Этим людям было особенно тяжело - они были под постоянным наблюдением у властей, работали в трудовой армии, не щадя сил, но все равно жили с оглядкой. Как рассказывал один из пожилых немцев, уже после войны, после победы, если за ними приходили, чтобы вызвать на работу, они шли с тяжелым чувством открывать в неурочный час дверь дома – а вдруг за ними пришли, чтобы арестовать? Слишком близко все это было - аресты, ссылки, недоверие власти к целым народам, которые после высылки в Казахстан сразу же зачислялись в трудовую армию целыми семьями. Сам термин - трудармия - существовал еще и в пятидесятые годы, так и вошел в биографию многих записью- «трудармеец»)

Май 2001 г «Пульс»

СУДЬБА ПОЧЕТНОГО ЧЕКИСТА

Неожиданно для меня после первых статей о Балхашлаге отозвались неизвестные корреспонденты из Литвы. Завязалась переписка, и с берегов Балтики были высланы списки литовцев-балхашлаговцев с фотографиями, воспоминаниями.

Но только раз за все эти долгие годы поиска новых имен и адресов встретила с человеком, который был по другую сторону сторожевой вышки- не в лагере, а в лагерной охране. Поразила тогда его уверенность, что все было правильно, раз враги народа, значит должны отвечать лишением свободы, а то и самой жизнью. Конечно, имена людей, входивших в лагерную охрану, лагерных работников и сегодня малоизвестны. Лишь недавно нашим молодым-ученым, исследователем, преподавателем медицинского колледжа А.Ю.Плахотиным в архивах Караганды было найдено в числе других дело об одном из бывших начальников Балхашлага Зубарева. И вот еще одна фамилия из прошлого.

Линин Отто Георгиевич. В течение семи лет с 1932 по 1939 годы он был начальником Карлага. Случайно узнала, что его судьба была связана с нашим городом. Неординарная личность, своеобразная судьба, в которой отразилось еще более далекое время, чем годы репрессий. Об этом свидетельствуют документы, чудом попавшие в наш городской музей. Они были присланы из его сыном – Владимиром Оттовичем по просьбе бывшего сотрудника музея О.Ф.Дайкер, которая разыскивала совсем иные следы- героев гражданской войны, участников

революции. Ей в свою очередь об этой странице биографии старшего Линина рассказали жившие в то время в Балхаше ветераны гражданской войны. Их было несколько человек, и я помню, как их торжественно чествовали в годовщину Великого Октября.

Изменилась не история, изменились наши взгляды на нее, и сегодня об этих людях мало кто помнит, еще меньше мы знаем о них. Благодаря семейному архиву, бережно сохраненному сыном революционера, эти папки с документами О.Г.Линина помогли узнать необычные и малоизвестные факты истории. В том числе по не отпускающей и обостренно воспринимаемой мною теме мрачного периода ГУЛАГовских лагерей. Особую ценность в этих документах представляют упоминания о Балхаше, пусть и косвенные.

Отто Георгиевич Линин родился, по нынешним меркам, в позапрошлом веке, в 1895 году. Выходец из бедной латышской семьи был призван еще в царскую армию, где служил рядовым с 1915 года. Во время Февральской и Октябрьской революций он служил в латышском стрелковом полку, в команде конных разведчиков. После демобилизации добровольцем поступил в Красную гвардию в г. Саратове.

С марта 1918 года началась его карьера красноармейца. Линин был назначен организатором Красной гвардии г.Саратова. В мае того же года поступил добровольно в формирующийся в то время на Волге латышский стрелковый полк, принимал активное участие в подавлении белогвардейского восстания, участвовал в боях против белоказаков на Дону и «белых латышей» на территории родной Латвии.

Потом он был переведен в кавалерийский дивизион латышской дивизии на должность командира эскадрона. Об этом времени сохранились фотографии: звезды на остроконечных буденовских шлемах, лихие кони под бравыми кавалеристами, шашки наперевес...

В 1921 году Линин был назначен уполномоченным уездного политбюро Смоленской губернии, вел борьбу с бандитизмом. Затем была служба в секретном отделении Смоленского отдела ОГПУ, в особом отделе Белорусского военного округа, начальником особого отдела отдельной кавалерийской бригады, перебазированной из Белоруссии в Ленинградский военный округ. Был награжден именными серебряными часами с гравировкой «За преданность делу революции».

В 1928 году бывший кавалерист и особист был назначен начальником следственного отдела и заместителем начальника управления соловецкими лагерями НКВД. Обратите внимание на дату- октябрь 1928 года, до поголовных репрессий еще не дошло, но уже появились лагеря НКВД-наркомата внутренних дел.

Соловки стали предвестниками большого Гулага, в систему которого с 1932 года был вписан Карлаг. Здесь и проходила дальнейшая служба О.Г.Линина. Но только с 1932 по 1937 годы. Потому что, как не раз бывало, за кадрами в Гулаге тоже была слежка. Линин был арестован и более года находился под стражей, пока шло следствие.

Что же вменялось в вину человеку, который верно служил делу революции, был удостоен высокого звания «Почетный чекист», притом не в числе последних, судя по номеру №1939.

Среди подлинных документов личного архива Линаина есть два прямо противоположных документа, характеризующих личность этого человека. Первый из них, судя по содержанию, был вручен ему боевыми товарищами перед назначением на Соловки.

«Сотрудники особого отдела при 29-ой имени финляндского пролетариата стрелковой дивизии считают, что за время совместной работы мы сроднились в служебной и товарищеской обстановке. Ты был безупречным руководителем, всегда приходил на помощь товарищам, проявлял чуткость к каждому в условиях чекистской работы, оставался всегда идейным исполнителем поставленных перед нами задач. Внешняя обстановка, активизирующийся внутренний враг заставляют с большей бдительностью охранять страну строящегося социализма, и ты, переходя на ответственную работу, прими наши пожелания быть таким исполнителем приказов пролетариата и таким же чутким к коллективу сослуживцев, каким был здесь.» И далее десятки подписей сотрудников особого отдела.

А вот и другой документ, где за протоколом партийного бюро об исключении из членов ВКПб от 18 декабря 1938 года прочитывается и причина ареста.

«О.Г.Линин, как начальник Карлага, допустил потерю большевистской бдительности, оторвался от масс, как руководитель не помогал партийной организации развивать критику и самокритику, не проводил в жизнь решения Пленума ЦК о борьбе с последствиями вредительства в лагере, а своим бездействием способствовал и создавал объективные условия для вражеской работы пробравшимся в аппарат контрреволюционным элементам. За отрыв от партийной массы, за потерю большевистской бдительности, за засорение кадров контрреволюционными элементами, отсутствие большевистской борьбы с вредителями в Карлаге, за хранение в личной библиотеке троцкистской литературы О.Г.Линаина из членов партии исключить. Заместитель секретаря партбюро Гарина. Утверждено начальником политотдела НКВД Самоходовым.». Какой же из характеристик стоит больше верить? Почему надо было вести борьбу с контрреволюцией в кадровой среде Карлага, если кадры проходили через сито проверок? На какое вредительство в Карлаге намекают сотоварищи? И где потом оказались сами рачители большевистской бдительности?

Наскоро сфабрикованному делу был дан ход. Ровно год продолжалось следствие. Видимо, обличительных фактов не доставало. К тому же чекист отказывался признаваться в несовершенных проступках, даже объявил 12-дневную голодовку, после чего в Карлаг прибыл Военный трибунал войск НКВД Казахской ССР и в течение шести суток разбирал дело. 29 января 1940 года был вынесен оправдательный приговор.

Искусственность и необоснованность предъявленных обвинений подтверждает необычный в судебной процедуре факт- заместитель военного прокурора, военный юрист первого ранга Лобачев на шестые сутки отказался

выступать как государственный обвинитель и с разрешения председателя трибунала выступил в защиту Линаина.

Однако на прежнюю работу Линаин не вернулся. По обрывкам отдельных документов можно проследить лишь пунктирно дальнейшую судьбу Линаина. В 1940 году он работает начальником сельхозотдела Жезказганского лагеря НКВД. В 1943 году переведен начальником Медьпродснаба в Балхаш. Есть справка Балхашского горсовета от 1946 года о награждении Линаина медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Сохранилась фотография Линаина, датированная 1952 годом, на фоне только что построенного в нашем городе Дворца культуры металлургов.

В одной из анкет среди мест своей службы Линаин называет Карелию, Урал и Казахстан. По воспоминаниям сына, отец работал в Казахстане с 1931 года, начиная с Карлага по 1957 год, до ухода на пенсию.

Есть также копия приказа по ОРСу Жезказганского комбината от 5 июля 1960 года о временном принятии на работу О.Г.Линаина. а в 1962 году, как пишет сын, отец переехал к нему в Баку, где сын служил, а потом они одной семьей жили в г. Новомосковске Тульской области.

Почетный чекист скончался 2 августа 1962 года, был похоронен с воинскими почестями. Земной путь был завершён. Но из дальней дали долетела от Линаина необычная рукопись: копия письма в партийную комиссию ЦК КПСС от 1954 года, где Отто Георгиевич вспоминает о своей встрече с С.М.Кировым, секретарем ЦК партии.

Сопоставляя даты, удивляешься бегу времени. Сергей Михайлович Киров приезжал в Казахстан в октябре 1934 года, а через несколько месяцев, 1 декабря того же года, он был убит.

Во время поездки в Казахстан, как вспоминал Линаин, официально необъявленной, Киров приезжал в Караганду, в том числе посетил Карлаг. Линаин как начальник лагеря сопровождал Кирова в краткой поездке по с. Долинское. Долинка была своеобразной столицей Карлага. Как вспоминал Линаин, приехала высокая комиссия из Караганды на пяти машинах, Кирова сопровождали секретарь ЦК Компартии Казахстана Мирзоян, председатель Совнаркома республики Исаев, полномочный представитель ОГПУ в Казахстане Каруцкий и начальник областного отдела ОГПУ Бок.

С Кировым был майор из Питера, латыш. Как положено, высокому гостю был отдан рапорт. Киров потом спрашивает начальника вооруженной охраны лагеря Подберезина, откуда он знает, что перед ним секретарь ЦК?

«Я из Питера, путиловец, знаю вас давно.» На подобный вопрос пришлось отвечать одному из заключенных, тоже из питерцев, который, рассказывая о вверенном ему хозяйстве- большой свиноферме, обратился к Кирову по имени-отчеству. Кирову понравилась свиноферма. Он записал имя бывшего питерца. Через несколько месяцев тот был освобожден из лагеря после пересмотра дела.

Киров побывал и на молочной ферме, где беседовал с заключенной, которая работала дояркой. Он ее спросил, за что сидит и какой срок у нее. Та бесхитростно отвечает, что ее как кулачку приговорили сначала к высшей мере, а потом дали всего 10 лет лагерей.

Киров ее поправил: «Никому не говори, что 10 лет это мало. Это очень много. А вот ваши претензии, что мыла не хватает, спецодежды, я начальнику лагеря скажу.»

Как вспоминал Линин, потом был увеличен лимит на хознужды. А женщина та через два месяца также, как заключенный ленинградец, была освобождена из лагеря.

Осмотрел Киров тогда и древопитомник, одобрил, что здесь выращивают новые посадки, обещал способствовать, чтобы на озеленение обратили внимание при формировании бюджета. Так позже, вспоминал Линин, и было.

Кирова интересовало также, как идет строительство железной дороги Караганда-Балхаш, просил начальника Карлага по мере сил помочь строителям. На это Линин сказал, что и так помогают рабочей силой. Летом, к примеру, на дороге, участок которой протяженностью 200 км, проходил через территорию лагеря, работают 3000-3500 человек, а зимой до 12 тысяч.

Эти цифры, как бы мимоходом возникшие в разговоре Линаина с Кировым, меня просто оглушили – техники в те годы минимум, все вручную почти... И сколько же та железная дорога унесла жизней, если в лютые здешние зимы на ее строительстве работали до 12 тысяч заключенных – и не очень сытых, и не очень одетых...

Так что когда мы едем из Балхаша в областной город, где-то у Караганды постойте в минуте молчания у вагонного окна: может быть, как раз в это время колеса стучат не только по рельсам, но и по костям узников Гулага.

Жутко даже подумать, каково было людям там просто выжить. Сколько еще таких безвестных памятников гулаговским заключенным на нашей грешной земле!

Сентябрь 2001 г «Пульс

«БЫЛО ДА ПРОШЛО, НО БЫЛЬЕМ НЕ ПОРОСЛО»

По биографии М.Е.Василевича можно изучать историю и географию бывшей огромной страны.

Услышав как-то о человеке, который дважды живым возвращался из ада, побывав в плену сначала у немцев, а потом в гулаговских лагерях, я решила разыскать его. И вот встреча с Михаилом Емельяновичем Василевичем.

Высокий, даже статный, он выглядел моложе своих 82 лет. Возраст подчеркивают лишь седина да густые морщинки вокруг глаз с приветливым, открытым, добрым взглядом. Его волнение передавали только сильные по-мужски крепкие руки, знавшие тяжелую работу, которые непроизвольно то сплетались в замок на коленях, то разглаживали невидимые складки одежды. Он рассказывал историю свой жизни как-то буднично, без трагических красок, даже чуть отрешенно.

-Долгая была жизнь, много в ней всего было. Было да прошло, но быльем не поросло...

Истоки

Михаил Емельянович тепло вспоминает отчий край, свою деревню с необычным названием –Нюра.

-Это в Сибири, в Иркутской области, Тулунский район. Места очень красивые, наверное, потому что родные, 20 лет там прожил. Там родился и жил до того, как в армию призвали в 39-ом году. Мне было три года, когда мамы не стало, брату Василию еще меньше досталось материнской любви. Отец вскоре женился, у мачехи своих две дочери, потом еще двое родились. Так что семья большая была. У отца свое крестьянское хозяйство было, мы с малых лет ему помогали, летом скот пасли. Даром хлеб не ели. А все равно нас мачеха не любила, бывало, закроет в подпол молоко, продукты под замок, так что даже рады были, когда они с отцом отдельный дом купили на окраине села. Мы с братом сами себе были предоставлены, да уже и подросли тогда.

Я окончил три класса, по тем временам, считай, грамотным был. Работал сезонно на железной дороге, шпалы меняли, рельсы на соседней станции. А потом дядька взял меня к себе в леспромхоз. Начал я больше зарабатывать, нам с братом хватало. А когда мне исполнилось 20 лет, в армию призвали.

Как тогда уехал из своей деревни, так больше там никогда не был. Теперь уже деревни нет, там уголь нашли, открытым способом добывают. Наверное, слышали про черемховские, азейские шахты?

Деревню нашу полностью снесли. Да вот из памяти не стерлась, бывает, леса тамошние, речка Ия, дом родной во сне приснится.

Тогда будто детством пахнет, брата вспоминаю, он в войну погиб. Из всей большой родни остался где-то брат сводный по отцу, Петр, но уже 10 лет как перестал письма писать. Есть еще двоюродные братья-сестры, под Иркутском живут.

Раньше почти каждый год ездил туда, все-таки родина, там мои истоки. Это уж потом жизнь по другому руслу потекла.

Завтра была война

У Михаила Емельяновича, как у всех людей старшего поколения, общий водораздел, перегородивший реку по имени жизнь –война. Но когда в октябре 1939 года 20-летнего парня призвали на воинскую службу, до войны еще было далеко.

- Поначалу я попал в Бийск, определили в минометное отделение, только недолго пришлось теорию учить. Финская война началась, и нас отправили в Омск, там готовили сибирский полк для отправки на фронт. Зимняя экипировка была для нас заказана, маскхалаты, буденовки уже примерили. Но на финскую мы не попали – успела к тому времени закончиться.

Нас отправили назад в Бийск, а оттуда в Башкирию, где я служил в хоззвезде. Были при лошадях, продукты, дрова возил для солдатской столовой. А потом нас несколько человек, что были поздоровее, покрепче, отправили на Кавказ, в г. Потти. Еще по пути следования в Новороссийске меня почему-то

записали, что окончил 5 классов, и направили на шестимесячные курсы по подготовке младших командиров минометного расчета.

Я, честно сказать, в командиры никакие не хотел, не по характеру было кем-то командовать, да в армии своя дисциплина. У нас строго было. А все равно молодой же, радовался, что аж на берегу Черного моря из Сибири оказался, Кавказ повидал. Места там красивые, горы, небо синее, морской прибой... В одночасье все изменилось.

22 июня, в воскресенье, мы в столовой были, когда вдруг тревогу объявили: война! Мы бегом в казармы, за боевым снаряжением. Через несколько минут казармы опустели, а мы скорым ходом – к берегу. Наша часть строила оборонительные укрепления, почти месяц там стояли. Ни с моря, ни с воздуха налетов не было. Нас перебросили несколькими эшелонами сначала в Луганск, потом в район Мелитополя. И вот там вся наша 4-ая стрелковая дивизия попала в настоящую мясорубку, шла непрерывная бомбежка.

Солдату, каким был на фронте М.Е.Василевич, трудно было представить всю картину сражения. Но вот свидетельство маршала К.Г.Жукова о первых месяцах войны в тех краях: «Захват Украины имел особенно важное значение для немцев. Гитлеровцы стремились быстрее захватить Украину, чтобы лишить Советский Союз крупнейшей промышленной и сельскохозяйственной базы и одновременно укрепить свою экономику криворожской рудой, донецким углем, никопольским марганцем и украинским хлебом. С первых же дней войны ход событий здесь развивался не так, как было предусмотрено гитлеровским планом молниеносной войны. Отходя под ударами немецких войск, несмотря на тяжелые потери, Красная армия мужественно сопротивлялась. Войска Юго-Западного фронта во взаимодействии с Южным фронтом контрударами пытались задержать продвижение противника, но не смогли. Значительная часть отходящих соединений была окружена».

В одной из таких частей и сражался минометчик М.Е.Василевич.

-Бои были жестокие. Наши войска отступали с большими потерями. В районе большой деревни Белозерка, что к северу от Мелитополя, немец обошел нас километров на 15. Мы оказались в тылу. Конечно, пытались прорваться. Но ни тогда, ни после не знал, кому удалось выжить. Помню, как рвались вокруг снаряды, горело все вокруг, дымилось. Ни бегом, ни ползком шагу не сделать. Прижался к земле, поплотнее надвинул каску. Вдруг рядом слышу немецкую речь. Лежу, стараюсь даже не дышать, думаю, может, мимо пройдут, вокруг же одни убитые лежат...- Но нет, пинают сапогами: «Рус! Вставай, рус!»

Плен

И снова я обращаюсь к воспоминаниям маршала К.Г.Жукова: «На Южном фронте сложилась очень тяжелая обстановка. Почти две армии попали в окружение. Будучи тяжело раненым, попал в плен командующий 6-ой армией И.Н. Музыченко. Не избежал пленения и командующий 12-ой армией генерал П.Г.Поделин. 9-ая армия, отходя, вела тяжелые бои. Потери были очень велики.»

То, о чем с горечью писал через много лет после войны великий военначальник, вспоминая первый год войны, испытал на себе рядовой солдат М.Е.Василевич. Он, заново переживая тот далекий день, рассказывал:

- Я подняться не успел, как под прицелом у меня вырвали сумку, а там были документы - моя красноармейская книжка, пистолет.. А потом сорвали и натальный медальон с данными на меня, такие были у всех в войну. Вот так я попал в плен. Когда гнали под ружьем в деревню, то почему-то обратил внимание, как много вдоль дороги подсолнухов...

Эти подсолнухи с ярко-желтыми цветущими шапками на высоких стеблях, выжившие под огнем, запомнились солдату на всю жизнь. И вот вспомнились снова, как будто из тех давних дней на исходе лета 41-го года озарили все пережитое, стали символом собственного лета жизни на ее исходе. Все-таки уже разменял девятый десяток. А только из долго прожитых лет нельзя вычеркнуть те черные годы. Михаил Емельянович сохранял ясную в свои годы память, но его рассказ часто сбивался с хронологической последовательности. Не называя точные даты, он останавливался лишь на самых крутых, порой неожиданных поворотах из долгой истории немецкого плена.

- Когда нас, пленных, пригнали в село Белозерка, то на разных работах использовали. Однажды нас двоих отправили сено носить для застилки траншей, по которым потом связисты провода тянули, да еще настилали в палатки. Раз принесли охапку, другой, а потом нас остался сопровождать только один часовой. Мы от него уж далеко ушли, он орет, чтобы возвращались. Я напарнику говорю: давай его пристукнем. Тот не решился, мы же безоружные против него, вооруженного. Ну, я один тоже не осмелился.

Принесли мы очередную охапку травы, а уж вечер, я сено бросил в палатку и бегом назад. Сколько бежал, не знаю. Стреляли вслед, но мимо. А потом ракету пустили, осветила она все вокруг, но я успел в поле большую скирду заметить, к ней пополз, укрылся, сижу... Ночь сижу, день, другую ночь. Вроде тихо, выполз из-под соломы, есть же охота. Нашел у стога оброненный брикет каши да луковицу. Снова в скирду, что побольше. Еще двое суток выдержал, а потом сам вышел, жажда измучила. Добрался до околицы, в крайний дом постучал. Там дед с бабкой, они хоть и с опаской, все-таки на оккупированной территории живут, приютили меня, накормили, дали одежду взамен моей солдатской, но ночевать не решились оставить у себя. А тут немцы на машине, стали обыскивать меня, все спрашивали «папир», бумаги то есть мои. А у меня же никаких документов нет. Меня в штаб, там допрашивали долго, а потом заперли в какую-то халупу, в подвал. Там еще один раненый грузин был, у него обе ноги прострелены. Его вскоре увезли и вернулись. Дали мне лопату, ну, думаю, все, себе могилу заставят копать. А меня послали... картошку копать. Не мой час, видно, был тогда. А потом я в селе работал долго.

В другой раз чуть в Германию не выслали. Из деревни по спискам туда молодежь забирали. Ну, меня, как пленного, а такие списки первым записал сельский староста из местных полицаев, а они почище немцев лютовали. Нас много собрали, молодых, повезли на подводах на станцию за 40 километров. А там что-то поезд задержался, двое суток ждали. Когда подогнали состав, начали в

вагоны загонять, я бросил свой мешок в вагон, а сам быстро вернулся на подводу, будто возница. Так и вернулся в село. Ну там меня, конечно, нашли. В жандармерии пригрозили, но отпустили: работы в поле было много, каждые рабочие руки были на счету.

Довелось и в лагере для военнопленных позже побывать. В Запорожье большой лагерь был, тысяч 60 там пленных собрали. Оттуда тоже в Германию посылали партиями. Уж зима была, а у нас на ногах у кого лапти, а то и просто тряпки, одеты как попало. Нас же, как скот держали, только что кормили из мисок, и то одной баландой. Я попал в очередную партию для отправки в Германию.

Везли нас в вагонах из-под цемента, дышать было нечем. Долго везли, в щели видели, как Днепр переехали, все ближе к Киеву... Нашлись отчаянные головы, умудрились лаз в днище вагона сделать. Ну, думаю, надо и мне рискнуть. На каком-то пустынном месте поезд чуть сбавил ход, я и выпал из вагона. Отдышался и в путь. А куда идти? Впереди немцы, позади- тоже. Пошел все-таки в ту сторону, откуда везли.

23 дня шел, в основном ночью, днем хоронился то в степи, то в какой-нибудь сараюшке, то в конюшне. Люди, конечно, помогали, все-таки немец успел всем досадить. Так и добрался снова до села Белозерка, оно мне почти что родным стало. Там работал, там и дождался наших, когда Красная Армия в наступление пошла и стала освобождать Украину.

Краткий миг свободы

Из хроники войны: «24 декабря 1943 года ударная группировка советских войск развернула наступление на Украинском фронте. 26 марта 1944 года передовые части Украинского фронта первыми вышли на государственную границу СССР. В августе 44 года советские войска завершили освобождение Украины.»

В числе первых освобожденных украинских сел было и Белозерка, которая оставила такой глубокий след в судьбе М.Е.Василевича.

-Когда наши войска вошли в село, то всех мужчин мобилизовали на фронт. Я тоже был в этом числе, и хоть у меня по-прежнему не было документов, кроме справки с фамилией, выданной в местной конторе, меня записали во фронтовую бригаду, выдали винтовку и отправили на передовую. Я был зачислен в пехоту в составе 101-го стрелкового полка. Фашисты, их ставленники из полицаев, вынуждены были отступать перед натиском советских войск, но сопротивлялись отчаянно. На нашем направлении шли бои местного значения, но и в них полегло немало людей. А я как будто заговоренный – даже не ранен был, хотя сам рвался в бой.

Вновь вдруг ставшему нужным Родине, армии, бывшему пленному солдату М.Е.Василевичу было за что сражаться - он отстаивал свое право на свободу. Но воевать ему пришлось недолго. Особый отдел наступающей армии работал напряженно, прямо с поля боя отзывая порой тех, кто вызвал хоть какое-то подозрение. А биография одного из новых пехотинцев их заинтересовала

особенно, ведь он и не скрывал, что в первый год войны попал в плен. М.Е.Василевич был арестован и находился под следствием три месяца. Для установления личности были сделаны запросы в Сибирь по месту рождения, уточнялось время призыва в армию, его послужной список.

Этапы Гулага

Суд состоялся 14 апреля 1944 года в г. Одессе.

-Судили меня как «изменника Родины», был же сталинский приказ: раз принимал присягу, то не должен был живым попадаться в плен. А попал в плен, значит, виноват.

Михаил Емельянович сказал это спокойно, видно, все переболело давно. Он даже не пытался за долгие годы Гулага писать куда-то, добиваться реабилитации. Почему? Не хотел ворошить прошлое, беречь душу?

-Даже не поэтому. Жизнь так сложилась, видно, на роду написано было: все равно ничего нельзя изменить, ни исправить. Я ни на кого не в обиде. Время такое было. Сколько нас через лагеря прошло – миллионы!

Да, он был одним из многих миллионов, прошедших через советские концлагеря Гулага. И путь по этому страшному этапу у него был похожим на другие, разве что различался конкретными адресами.

-Из Одессы после приговора «особой тройки» попал в Харьков, там был большой пересыльный пункт. Оттуда нас целым эшелоном отправили на Урал. В тайге под Соликамском валил, сплавливал лес. Отбыл там пять лет, а потом под усиленным конвоем нас отправили в Казахстан, где были лагеря первой категории.

Наш вагон отцепили в Жезказгане. Там работал на медной шахте. За три месяца я там таким доходягой стал, что уже за стенку держался при ходьбе. Из Жезказгана попал в Кенгирский лагерь, там чуть подлечили, и в Караганду, оттуда в Актас на стройку. Под конвоем нас перебросили в Жана-Арку, в комендатуре предупредили: шаг в сторону считается отлучкой – еще 15 лет без всякого суда.

И только в 1953 году меня перевели на вольное поселение в Коктенкуль. Там и был освобожден. 35 лет прожил на одном месте. Теперь уже 12 лет живем с бабушкой своей, у нее тоже жизнь была несладкой. Да что об этом говорить! Уж как жизнь прошла, так прошла.

Мудрость возраста все-таки не удержала дрожь в голосе, когда Михаил Емельянович достал единственное свидетельство из прошлого. Справку, выданную после освобождения из второго, советского плена. В ней указано, что М.Е.Василевич, осужденный 14 апреля 1944 года на 10 лет по 58-статье с поражением в правах сроком на пять лет после отбытия срока наказания, был освобожден 4 сентября 1953 года. Со снятием судимости. Справка от 17 сентября 1956 года предназначалась для получения паспорта и вида на жительство. Новый паспорт вольного человека Михаил Емельянович получил только 1 декабря 1955 года.

Медаль за целину.

Биография Михаила Емельяновича могла бы стать справочником по географии. Куда только не заносила его судьба! Сибирь, Урал, Кавказ, Украина, Казахстан... И хотя последний период его странствий – в основном подневольный – по плену и по лагерям – связан был с казахстанской сетью ГУЛАГовского спрута – все-таки именно здешняя степь дала ему долгожданную свободу, право создать семью, иметь работу по собственному выбору.

- В Коктенкуле М.Е.Василевич оставил о себе добрую память. Здесь знали его как трудолюбивого, очень честного, общительного человека. Он пользовался огромным авторитетом у сельчан, - говорит ветеран труда, первый секретарь Приозерного райкома партии И.А.Колбасин. - Нам пришлось работать вместе, поднимали целину. У него золотые руки, был и трактористом, и мотористом на электростанции, кочегаром, помощником бригадира и работал отлично! Михаил Емельянович был награжден медалью «За освоение целинных и залежных земель», медалью «Ветеран труда». Мы теперь в Балхаше нашли друг друга, встречаемся, вспоминаем. Он очень хороший человек, честный, порядочный, открытый. Но вот так сложилась жизнь, что мало радости ему выпало, больше испытаний.

Да уж, испытаний на долю М.Е.Василевича выпало столько, что хватило бы на несколько жизней. Но ему досталась одна, его единственная жизнь, и он принял ее достойно, сохранив в себе доброту, жизнелюбие и силу духа. Пусть продлятся его дни и годы!

Август 2002 г. «Пульс» ХУДОЖНИКИ ИЗ БАЛХАШЛАГА

Я держу в руках небольшой, с записную книжку альбом «Когда искусство уходило из памяти». Он издан в Алматы более чем скромным тиражом – всего 758 экземпляров. Каждая страница книжечки пропитана болью, потому что рассказывает о художниках, прошедших через сталинские лагеря.

Случайно увиденное в альбоме знакомое слово –Балхаш, заставило пристальнее взглядеться в незнакомые лица. Короткие биографические справки рядом с портретными снимками размером 3х4 см сообщали, что двое художников имели в свое время прямое отношение к нашему городу. Но это были не самые лучшие времена в их жизни. Потому что оказались они на берегу нашего озера не по своей воле, а как узники Балхашлага. И это оставило отпечаток не только в графе анкеты, но и в их творчестве.

« По 20 лет нам было »

По 20 лет нам было в среднем,
не подходил наш возраст к бредням,

Что следствие нагородило,
Мальчишек в чудищ превратило...

Так писал позже о причине своего ареста Лев Премиров, уточняя в другом стихотворении:

Что мы из озорства болтали,
И то, что было лишь игрой,
Предстало черною бедой.

Его арестовали в 1943 году, когда он был студентом второго курса Московского художественного института. По этапу юноша был направлен в Ухту. В лагере удалось устроиться в мастерскую, где он писал объявления, рисовал плакаты, выполнял заказы лагерного начальства. Иногда это спасало от рабского труда на лесоповале. Но суровая, полуголодная, в холоде и унижении жизнь совсем не оставляла времени для любимой живописи.

В институте его считали очень способным художником, прочили ему большое будущее. Лев Премиров вошел в историю искусства как автор иллюстраций лагерной жизни, увековечив в своих графических листах черный беспредел, которым стал Гулаг для миллионов людей, оказавшимися заложниками кровавого режима репрессий.

Одна из наиболее известных картин Л.М.Премирова называется «Этап». По бесконечному снежному полю бредут люди в казенных бушлатах, головы низко опущены – от пронизывающего холодом ветра, от безысходности. Этюд, который сам художник назвал картиной своей жизни, написан в 70-ые годы по воспоминаниям, так как не уцелели те листки, которые писались с лагерной природы. Да и как они могли сохраниться, если после ареста в 1943 году художник вышел на свободу лишь в 1956 году. Молодость прошла в лагерях, среди которых было Балхашское отделение Карлага. По воспоминаниям Л.М.Премирова, здесь в бараках, рассчитанных на 50 человек, содержалось по 200-250 заключенных. Возможно, кто-то из бывших балхашлаговцев помнит своего сокамерника, и тогда можно будет больше сказать об этом человеке, каким он был, как переносил ненавистную неволю, когда душа рвалась к творчеству

Наш лагерь в город перерос,
Бульварами кругом оброс,
И кости, ржавые шипы
Уж не торчат среди тропы.

О Балхаше это написано или о другом лагере, мог сказать лишь сам автор. Он умер в 1978 году, успев оставить свои стихи, рисунки и воспоминания, где писал: «Я покинул лагерную зону 20 лет назад, и только теперь смог взяться за эту тему. Раньше не хватало нужных духовных сил, я боялся поднимать страшный пласт воспоминаний. Я знаю, что мои писания, мои рисунки, все мои труды погибнут, но надеюсь, что какой-то экземпляр случайно останется и дойдет до следующих поколений...»

Теперь это время пришло. Имя художника Льва Премирова, его картины вошли в историю искусства, его слово услышано.

Неразгаданные иероглифы

Как ни грустно думать об этом, но благодаря художникам, которые писали свои картины не только карандашами, красками, но и своим израненным сердцем, все, что рассказывали узники Гулага, теперь можно представить зримо. И вслед за авторами этих страшных иллюстраций содрогнуться от одного сознания, что это было : репрессии, застенки, расстрелы.

Вот рисунок японского художника, чье имя скрыто за неразгаданными иероглифами, их просто некому расшифровать. Этюд документален. На нем изображен лагерь для японских военнопленных, который находился под Балхашом. Это так называемое 37-ое отделение Карлага, навсегда запечатленное в памяти оставшихся в живых и вернувшихся из балхашского лагеря на родину бывших военнопленных.

Рисунок подарила нашему городскому музею в 1998 году дочь одного из бывших балхашлаговцев, приехавшая поклониться праху своего отца, нашедшего в степи у озера свой последний приют. Тогда же был подарен музею поистине бесценный фотоснимок бывших пленников Балхашлага, которые после возвращения в Японию после освобождения, ежегодно собираются там вместе. Их, увы, становится все меньше- живых, но место тех, кто уходит в поднебесье навсегда, не пустует, его занимают вдовы или родственники бывших балхашлаговцев. Теперь уже не осталось никаких следов от того лагеря, где военнопленные жили отдельно от политзаключенных, но рядом, всего лишь через дорогу. Дорога эта сохранилась. И она по-прежнему указывает путь к Балхашскому лагерю, появившемуся едва ли не в числе первых в пригороде, еще в 1935 году на карте будущего Архипелага Гулаг и его самого большого по численности подразделений Карлага- Карагандинского лагеря.

Время стирает следы былого, но все-таки мне стало не по себе, когда недавно побывала вместе с председателем Карагандинского филиала обществ жертв политических репрессий Г.В.Плотниковым на месте общего захоронения балхашлаговцев у стен лагеря. Благие намерения местных энтузиастов, да приезжих, в том числе из Литвы и Японии, сделать здесь памятный мемориал, остались словами. А на деле картина просто дикая.

Католический крест, который воздвигли в память о погибших соотечественниках приезжавшие сюда бывшие балхашлаговцы из Литвы, ... расстреливают! В буквальном смысле –рядом стрельбище местной воинской части, и пули разбивают дерево в клочья. Вдобавок сорвана табличка с надписью на русском и литовском языках : «Место покоя политзаключенных- жертв сталинизма 1941-1957 годов». Литовцы не указывали национальность тех, кому поставлен памятник. Ведь на лагерном кладбище похоронены все рядом, а то и в братских могилах.

Отдельно были отмечены, и то потому, что так требовали международные правила, лишь могилы иностранных военно-пленных, но тоже не всех. Над 51 похороненным под Балхашом японскими пленными убогие металлические прутья со сделанными сваркой номерами стоят лишь над офицерским погостами. Где могилы рядовых пленных –неизвестно.

«Пульс» уже не раз писал об этом брошенном кладбище, где покоятся тысячи умерших в Балхашлаге. Увы, оно все больше приходит в запустение. Бывшие саманные стены рушатся не ветрами и дождями- людьми... И что особенно покорило в последнее посещение –территория захоронения стал местом... свалки! Дико, кощунственно хоронить людской прах под мусором. Это ведь мы память нашу хороним, предаем ее и тех, кто и при жизни жил в аду. Но опомниться еще не поздно...

Без права выезда

Именно такую формулировку «без права выезда из Балхаша» –записали в справке Льва Евгеньевича Кропивницкого при освобождении из Степлага. Это произошло 29 декабря 1954 года. Сам художник считал год поворотным в судьбе: « В 1954 году началось воскрешение. Для меня это было возвращением к искусству».

Его жизнь начиналась счастливо: мальчик рос в семье художника, и потому будущее определилось с детства. В 1939 году юноша поступил в Московский институт прикладного и декоративного искусства. В 1941 году он был призван в армию, прошел фронтовыми дорогами до 1944 года. По ранению, получив инвалидность, был демобилизован. Продолжил учебу в институте, с увлечением занимался живописью, скульптурой, художественным стеклом. И вдруг арест.

Это произошло 23 января 1946 года. В обвинительном заключении по следственному делу № 1661 бывшего фронтовика, студента Л.Е.Кропивницкого занесли в черный список вместе с пятью друзьями-однокурсниками «как враждебно настроенных к существующему строю, проводивших антисоветскую агитацию, клевету на мероприятия партии и советского правительства, советскую демократию».

Подобные подозрения в адрес молодых людей подпадали под печально-известную 58-ую статью и означали лишение свободы сроком на 10 лет. И только в декабре 1954 года, после девяти лет лагерей на Севере и в Казахстане, пришла долгожданная свобода. Для Льва Кропивницкого она ассоциировалась с Балхашом. Ему предписано было поселиться только здесь без права выезда в Москву, где его так ждали родные. Как вольнонаемный Л.Кропивницкий устроился работать во дворец металлургов.

Это все, что было известно о балхашском периоде его жизни. Поиск я начала с архива. В нынешнем году, когда коллектив готовится к 50-летию дворца металлургов, документы первых лет представляют большой интерес. Но найти хоть какие-то зацепки удалось только в архиве БГМК благодаря помощи заведующей, Людмилы Геннадьевны Рогозниковой. Она обнаружила немного-всего лишь ведомости о заработной плате сотрудников дворца, из которых стало известно, что Кропивницкий Л.Е. был принят на работу в январе 1955 года и уволился по собственному желанию 20 октября 1956 года в связи с выездом в Москву.

Вместе с Людмилой Геннадьевной мы порадовались, что такая скромная бумага, как ведомость о зарплате, тоже что-то может рассказать о человеке. Опальный человек работал художником во дворце и еще вел, судя по доплате, занятия в изокружке. По ведомости же были установлены работавшие в те годы сотрудники дворца. Многие имена в этом списке до сих пор памятны балхашцам. Директора дворца В.К.Морозова позже знали как заведующего городским отделом культуры. А.Н.Замиралов, как выяснилось из расспросов десятков горожан, вел хоровой кружок. Магауя Хамзин, (чье имя теперь носит дворец), сам рассказывал об этом в дни наших последних встречи с ним, создал и руководил в те годы домбровым оркестром дворца. Вспоминали горожане и другие фамилии сотрудников дворца тех лет –библиотекаря Марию Зеликовну Миренскую, киномеханика Якова Кима, руководителя духового оркестра Моисея Семеновича Воликова, заведующую читальным залом Тамару Александровну Харитонову.

Тамара Александровна по-прежнему живет в нашем городе, и мы связались с ней. – «Помню Кропивницкого. Невысокого роста, скромный человек. Он очень много читал и подолгу сидел в читальном зале. Никогда не отказывался помочь в оформлении книжных выставок. Да, припоминаю, что как художник он писал и афиши для кино, которые всегда оформлял очень красочно. Еще вел кружок изостудии. Позже, насколько я знаю, он уехал также внезапно, как появился в городе. Ведь в те годы в Балхаше после освобождения жили многие временно- до разрешения вернуться на родину. Но об этом не было принято ни рассказывать, ни расспрашивать. А знать- знали. К примеру, я была знакома с прекрасным доктором, литовкой по национальности. Ей, к сожалению, не разрешили вернуться домой, и она покончила с собой. А прекрасный была человек.

В этот момент я подумала: как же тесен мир, потому что врача с литовской фамилией я помню по другому списку. Его после публикации о Балхашлаге составил ветеран здравоохранения П.М.Тимофеев. Лихорадочно ищу этот список, который еще ждет своего часа, чтобы рассказать о судьбе врачей, работавших в Балхаше по той же причине, что и художник Л.Кропивницкий, то есть не по своей воле: кто был здесь в ссылке, кто в лагере, кто не имел права после освобождения вернуться в родные места.

И точно есть фамилия врача – Купикаускене Галина Андреевна, терапевт. « Она?» - с надеждой спрашиваю у своей собеседницы. И она подтверждает:

-Да, именно Галина Андреевна. Жаль, что так сложилась ее судьба. Когда бываю на кладбище, обязательно иду к ее могиле, приношу цветы. Вообще, сколько замечательных людей прошло через Балхаш! Помню Миренского Бориса, он с женой приехал в Балхаш с Украины, подробности переселения не знаю. Именно он организовал при городской библиотеке очень популярный клуб интеллектуалов «Горизонты знаний». Работали также супруги Миндель. У Вениамина Яковлевича, который бил заведующим библиотекой дворца в 1955-1956 годы, позже мне пришлось принимать дела.

Вот так одна судьба вызывала из небытия все новые и новые имена. К сожалению, о бывшем художнике дворца, с которого началась эта глава, больше никто вспомнить не мог.

Но был еще один звонок из архива БГМК. Оказывается, вместе с художником уволилась и уехала в Москву бывший работник БМЗ Гребенникова Александра Кузьминична, работавшая на комбинате с 1944 года бухгалтером. Известно, что приехала она в Балхаш из Алматы, а уезжала в Москву как Гребенникова-Кропивницкая. Скорее всего, это жена. И возможно, именно она, другие родственники художника собрали воедино все его дневники, стихи, его графические и художественные листы, издав книгу о нем. Об этой книге известно только, что она издана в Москве в 1995 году.

К сожалению, ее нет в библиотеках города и области, а ведь, возможно, именно на страницах этой автобиографии Льва Кропивницкого мы могли бы больше узнать о балхашском периоде его жизни, о нашем городе тех лет, о дворце. Остается довольствоваться тем, что об этом человеке рассказано в небольшом альбоме, в заголовок которого вынесены его слова: «Когда искусство уходило из памяти». Это он о Гулаге.

После освобождения и приезда в Балхаш художник скажет: «1954 год стал для меня возвращением к искусству. Но я был другой. И искусство не могло оставаться прежним. Весь гнетущий, мрачный мир пережитого стремился лечь в плоскость картины. Но, конечно, прежней натуралистической живописи было не под силу вместить его. Только абстрактная живопись, более емкая эмоционально, более личная по видению мира, а по существу более реалистичная, может сделать это» .

Лев Кропивницкий по возвращению в Москву занимался живописью, плодотворно работал в графике, плакате, проектировал экспозиции национальных выставок (США, Франции, ЧССР и т.д.) и отечественных музеев, писал стихи и статьи по искусству. Он был участником более 100 выставок в СССР и за рубежом. То есть наш, хоть и поневоле, земляк был достаточно известен в мире искусства в своей стране и за границей. В 1994 году он умер в Москве.

На одной из известных гравюр Л.Кропивницкого «Композиция» изображен схематичный круг со сгустками красок - как круговорот жизни или мироздания? В этом вихре художник видит все-таки больше света, чем тьмы. В этом он убедился на примере собственной жизни.

Света, как и добра, в жизни гораздо больше, чем тьмы и зла. Впрочем, к этой истине каждый из нас приходит по-разному. Потому что каждый должен прожить только свою, единственную и неповторимую Жизнь. И пусть в ней, в вашей душе найдется место унесшимся в небесную высь душам тех людей, с кем вы сегодня познакомились. Пока есть память, жизнь продолжается...

30 мая 2003 г «Пульс»

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Утро завтрашнего дня, 31 мая 2003 года начнется в нашем городе, как и по всей стране, с торжественно-траурной церемонии митинга и возложения цветов к памятнику жертвам политических репрессий. На этом памятнике, установленном на площади в центре города, нет ничьих фамилий, потому что имя им- миллионы.

Миллионы людей стали жертвами в необъявленной войне диктаторского режима против собственного народа, который загоняли в тюрьмы и лагеря, заставляли покидать родные места при депортации, изнуряли непосильным трудом, разлучали с семьями, заставляли забыть собственное имя, клеймя позорными номерами, присваиваемыми всем заключенным Гулага.

Делалось все, чтобы вытравить, стереть саму память, не оставляя надежды родным отыскать места тайных захоронений своих близких, умерших и расстрелянных в сталинских застенках. Но все-таки правда о том беспощадном, кровавом безвременье дошла до нас, воскресила из пепла и забвения доброе имя людей, пострадавших от террора репрессий.

Многие из тех, кого называли «врагами народа», остались в памяти и истории народными героями. Среди них немало легендарных личностей, воздвигнутых в посмертной славе на постаменты памятников, ставших улицами и другими достопримечательными местами, в том числе в нашем городе. Улицы Иванова и Казбековой, памятники Русакову на Набережной и Вере Хоружей на территории ремонтно-механического завода БГМК отражают заслуженное уважение и признательность этим людям, которые внесли большой вклад в развитие нашего города. Но занесение этих имен на карту Балхаша стало еще и данью мужеству, негромкому подвигу наших земляков, сохранивших свою честь и достоинство, не склонивших головы перед палачами гулаговских застенков. А как блестяще начинались биографии этих людей!

Василий Иванович Иванов.

Бывший балтийский матрос, вступивший в партию большевиков в 1917 году с верой в идеалы революции, получивший престижный диплом политехнических курсов, руководивший Харьковским ЧК, в 32 года становится директором крупнейшего по тем временам Сталинградского тракторного завода. Первый советский трактор сошел с конвейера досрочно, за что большая группа работников завода во главе с директором была удостоена государственных наград.

А потом в его жизни был Балхаш. В.И.Иванов был назначен первым директором Прибалхашстроя, практически с нуля начав строительство будущего города и комбината. Как рассказывают те, кто работал рядом с ним, это был человек неукротимой энергии, строгость, а порой даже суровость сочетались в нем с душевностью и заботой о людях. В 1937 году, в тот самый год, когда Балхаш получил статус города, грянула беда: В.И.Иванов по сфабрикованному обвинению в антисоветской деятельности, якобы как участник троцкистско-диверсионной организации был арестован. Долгие годы о нем, о его дальнейшей судьбе никто ничего не знал. Он был реабилитирован в 1957 году. Посмертно.

Еще позже удалось установить, что В.И.Иванов был расстрелян 25 февраля 1938 года. До сих пор существуют разные версии о месте расстрела, скорее всего, это было в Москве, слишком яркой фигурой был первый директор двух самых

великих строек первых пятилеток –Сталинградского тракторного завода на Волге и Прибалхашстроя на берегу озера Балхаш, чтобы доверить казнь над ним где-то в глубинке. Благодарные балхашцы присвоили ему в числе первых звание «Почетный гражданин города» и присвоили его имя одной из самых зеленых и уютных улиц города, названной улицей имени Иванова.

Вера Захаровна Хоружая.

Сколько еще белых пятен в истории того смутного и страшного времени? Чем дальше уходит прошлое, тем больше становится прочитанных, и то по особому разрешению, неизвестных ранее страниц спецхранов. Примером может служить судьба Героя Советского Союза Веры Хоружей.

В Балхаш она приехала в мае 1935 года. Иван Тимофеевич Волков, бывший тогда комсомольским вожаком Прибалхашстроя, неизменно называл ее «комиссаром». Это отвечало ее характеру и вполне увязывалось с тем значением, которое занимала эта хрупкая на вид девушка в создании и становлении комсомола в Белоруссии, где она родилась, где окончила гимназию, а в 17 лет была одним из лидеров молодежного подполья в Западной Белоруссии.

В письме матери она писала: « У меня много друзей, и каких! Так вот нам, молодым, храбрым, разве страшны трудности жизни!» А трудностей на ее долю выпало много: польская разведка напала на ее след. Веру дважды бросали в тюрьму – в 1925 и 1928 году, но она и в застенках не теряла присутствия духа, написав оттуда «Письма на волю». Об этой книге очень высоко отзывалась Н.К.Крупская, Президиум ЦИК в 1930 году наградил мужественную комсомолку орденом Красного Знамени. Но освобождение пришло только в 1932 году, когда Веру поменяли на польского ксендза.

Возвращение в Родную Белоруссию было желанным, но вскоре на нее обрушились потоки клеветы в анонимках и доносах, за которыми последовало преследование набравших силу с легкой руки Сталина спецорганов. Ее даже исключили из партии якобы за непартийное поведение в польской тюрьме. Но партколлегия восстановила Хоружую в партии с прямо противоположным выводом, что в тюрьме она «вела себя достойно члена партии.»

Так начинался январь 1935 года, а в мае Вера уже была в Балхаше. Здесь некоторое время работала инструктором райкома партии, а потом была назначена секретарем парткома одной из крупных парторганизаций Прибалхашстроя - на ремонтно-механический завод. Наряду с организацией четкой работы по снабжению стройки материалами, техникой для монтажа нового оборудования, по ее инициативе были организованы курсы по ликвидации безграмотности, ликбез, где она сама вела занятия..

При ее активном участии был открыт и рабфак на 200 человек для обучения молодежи необходимым будущему комбинату профессиям, , а также начал работать Дом политпросвещения. Вера была на виду, открыта людям, да и молодость брала свое. Она вышла замуж, ждала ребенка. Только счастье было недолгим. Она с горечью потом говорила: «В Балхаше меня пытались оклеветать, как же, за кордоном жила, стали прорабатывать на собраниях. Разоблачителем

выступил и муж». Больше она никогда об этом человеке не вспоминала.

Эту историю в недосказанном виде можно найти на страницах книг, посвященных жизнеописанию Героя Советского Союза В.Хоружей: «Жизнь, отданная борьбе», изданной в Белоруссии в 1975 году, где, кстати, есть статья тогдашнего секретаря парткома БГМК В. Дукреева. А также в документально-художественной повести Б. Котельникова, «Нарвите подснежников», напечатанной в Москве в 1981 году.

Косвенно подтвердил эти семейные факты балхашской жизни В.З.Хоружей и бывший директор РМЗ А.А.Тепляков, который слышал об этом от И.Т. Волкова, близко знавшем Веру Захаровну в те годы по совместной работе в Балхаше. К сожалению, самого Ивана Тимофеевича Волкова уже не спросить, хотя я несколько раз встречалась с ним, и он рассказывал о собственной драме, когда вслед за Ивановым был арестован и отсидел 14 месяцев в подвалах Алматинского, а потом Московского КГБ, где его пытали и избивали, оставив почти глухим. В последнюю нашу встречу Иван Тимофеевич рассказывал, как спустя годы ему пришлось заново пережить ужас тех лет, когда он, как член комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, впервые увидел документы того расстрельного времени.

Тогда, видимо, и он не знал, что В.З.Хоружая тоже была узницей одного из самых многолюдных отделений всесоюзного Гулага- Карагандинского. Но это подтверждают документы, которые приводит в своей книге карагандинский журналист В.Могильницкий «Звезды Гулага». В обнаруженном им партийном архиве в протоколе решения бюро Прибалхашского райкома КПб от 1 сентября 1937 года черным по белому написано: «Хоружую как разоблаченного и арестованного врага народа из рядов партии исключить»

За недоказанностью обвинений В.З.Хоружая, находившаяся под следствием сначала в Карлаге, а потом в Белоруссии, была освобождена в августе 1939 года. Это подтверждает справка № 452 из военного трибунала Белорусского военного округа. И вот снова Балхаш, где 3 октября 1939 года на заседании бюро Балхашского горкома партии было принято решение о восстановлении В.З.Хоружей в партии. После этого она вскоре снялась с партучета и выехала в Москву.

Дальнейшая судьба ее известна. В годы войны В.З.Хоружая возглавила Витебское партизанское подполье, которое доставляло немало хлопот и потерь фашистам. В 1942 году отважная партизанка была схвачена гестаповцами и была расстреляна в подвалах Витебской тюрьмы. Здесь, в этом подвале установлена мемориальная плита, есть в Витебске и памятник В.З.Хоружей, установленный на городской площади. В 1960 году Вере Хоружей было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. А в 1968 году был установлен памятник этой нестигаемой женщине и в Балхаше, который, как вспоминал А.А.Тепляков, был отлит по эскизу местными мастерами из балхашской бронзы. В этом памятнике она предстает той юной девушкой, которая верила: «Жизнь безгранична прекрасна, а жизнь в соединении с борьбой — это счастье».

27 сентября 2003 года Вере Захаровне Хоружей исполнится 100 лет. И будет справедливо, если балхашцы отметят это событие. Это нужно не мертвым, это

нужно живым! И прежде всего молодежи, которая должна знать, каким было прошлое, увы, уходящего старшего поколения, какой ценой был завоеван сегодняшний день.

Магрифа Казбекова

В этом году исполняется еще один знаменательный юбилей -100 лет со дня рождения «Заслуженного врача Казахстана» Магрифы Мырзагуловны Казбековой. Это будет 1 июня. И если уже не успеть подготовить праздник улицы, которая носит ее имя, то принести цветы к мемориальной доске на доме №46 по улице Ленина, где долгие годы жила Магрифа Мырзагуловна, можно уже завтра, в День памяти жертв политических репрессий. Ведь и через ее жизнь прокатилось разрушительное колесо смертоносной машины по имени Гулаг. Она никогда не афишировала, не рассказывала об этой печальной странице своей биографии.

Все, кто знал и помнит эту удивительную женщину с тонкими благородными чертами лица, всегда собранными в узел волосами, открывающими высокий лоб, замечали тайную грусть в ее глазах, ранние морщинки, выдающие пережитые ею страдания. Она была красивой даже в последний год жизни, которая оборвалась в 1982 году. В ней и в старости угадывалась утонченность, нежность той девушки с роскошными косами, какой она предстает с фотографий музейных стендов в городском историко-краеведческом музее.

... Вот она в своем родительском доме. Вот студентка медицинского факультета Средне-Азиатского государственного университета в Ташкенте. Под стать ей и суженый – Исмагул Казбеков, который как молодой ученый не только подавал большие надежды, но и сумел осуществить их как заведующий отделом семеноводства Казахского института земледелия. Именно его научная деятельность, в которой он был последователем академика Вавилов и его генетической теории, была поставлена И.Казбекову в вину, когда он был арестован в 1937 году как «враг народа»

По дикой, изуверской логике подозревающего всех и вся самого «вождя народов» Сталина и обладающих теми же «достоинствами» его приспешников, не обременяющих себя здравым смыслом, недоказанная, но ловко сфабрикованная вина любого арестованного человека тут же отзывалась на членах его семьи. Так Магрифа Мырзагуловна стала узницей АЛЖИРа- лагеря для жен и родственников «врагов народа», в котором томились жены «изменников родины».

Какие душевные муки перенесла она в лагере, что выстрадала, выплакала, думая о своем муже, о детях, с которыми ее насильно разлучили, знает только сама Магрифа Мырзагуловна, потому что о своем лагерном прошлом не хотела ни вспоминать, ни рассказывать даже близким. Выжить ей в этом земном аду помогала, кроме огромной силы духа, еще и профессия. Как врач она старалась облегчить страдания других, забывая на время о собственной боли.

Только в 1942 году ей впервые разрешили свидание с детьми, которые приезжали к ней в Долинку, что под Карагандой. Позже она была переведена в Балхаш, где работала лагерном госпитале для японских военнопленных. Здесь и

осталась после реабилитации. О ее высочайшем профессионализме, авторитете среди коллег и уважении горожан говорят факты биографии. М.М.Казбекова – кавалер ордена Трудового Красного Знамени, избиралась депутатом городского совета народных депутатов, а в 1966 году ей было присвоено звание «Заслуженный врач Казахской ССР».

Признание людей, собственное жизнелюбие, да еще материнский долг помогли ей пережить долгую безвестность о судьбе мужа, а потом и горечь от известия о его гибели, еще позже о реабилитации.

Она искренне верила, что впереди только хорошее. Нельзя без волнения и без преклонения перед ее мужеством и оптимизмом читать слова, обращенные ею к участникам теперь забытых октябрьских торжеств :

«Этой мой 23-й балхашский Октябрь. Я старше революции на 14 лет, и я радуюсь ее бесконечной молодости. Пройдут десятилетия, а она также будет щедра в людям моей Отчизны, как была щедра ко мне».

И это говорила женщина, чья жизнь прошла испытания Карлагом. Она оставалась Человеком! Потому и остался добрый след М.М.Казбековой в истории Балхаша и на карте города в улице ее имени.

Михаил Петрович Русаков

Такую же добрую память оставил о себе и Михаил Петрович Русаков, которому балхашцы воздали должное, признав за Русаковым неоспоримое право открывать список знаменитых людей всего Прибалхашья как первооткрывателя Коунрадского месторождения, давшего начало городу и комбинату.

Улица имени Русакова в Коунраде, в Балхаше жилой квартал имени Русакова и школа его имени, памятник Михаилу Петровичу на берегу озера – лишь малая дань его заслугам. И тот факт, что известного геолога с мировым именем, академика, профессора тоже не обошли репрессии, лишь доказательство той трагичной ошибки истории, которую пытались изменить террором и репрессиями в годы лагерной диктатуры теперь проклинаемые вожди. Те же, против кого были направлены ядовитые стрелы, обрекающие на смерть и забвение, так и остались непокоренными. Какая сила духа, какая великая любовь к жизни водили пером уже немолодого М.П.Русакова, который послал из неволи, по эстафете, заявление в правительство:

«На пятом году лишения свободы я позволяю себе обратиться с просьбой. В 1953 году, в юбилейном году открытого мной в 1928 году Коунрадского медного месторождения, на базе которого работает крупнейший в Европе и Азии Балхашский медьзавод, прошу разрешения мне взять обязательство разведать в Центральном Казахстане, если для этого будут соответствующие условия, месторождения с последующей добычей 1 миллиона тонн меди».

Он просил не свободы, а работы, дела для себя и для пользы страны. Разве можно было свалить такую глыбу человеческую, заставить изменить собственную суть! Свой голос за Русакова подняли тогда академики Д.В.Наливкин, В.А. Обручев, другие друзья геолога.

От автора: А ведь ошибался Русаков, мечтая о 1 млн тонн меди. Он уже давно стал миллионером и даже многократно. Потому что эти миллионы тонн меди уже давно дал и ныне работающий с 1928 года Коунрадский медный рудник, переживший уже несколько реконструкций, но все еще богатый медными рудами. Перерабатываются и отвалы, в которых тоже есть медь, пусть и с небольшим процентом содержания ценного металла, но новые технологии позволяют использовать богатства Коунрада уже почти сто лет! Кроме Коунрадской меди, М.П.Русаков является первооткрывателем и других крупных месторождений полезных ископаемых, как Семизбугинское, Каргайлинское, Кайрактинское и другие месторождения. Ведется разведка и Актогайского месторождения, которым советовал заняться ленинградский геолог еще в 50-ые годы. Польза его трудов на благо народу, в том числе независимому Казахстану, где он долгое время жил и плодотворно работал в Академии наук и даже называл себя «казахстанцем»- эта польза особенно очевидна сегодня. Черная дата в жизни М.П.Русакова, день его ареста 31 мая 1948 года, через много лет отозвалось другим событием.

31 мая 1997 года был объявлен в Казахстане Днем памяти жертв политических репрессий. Случайное, но глубоко символическое совпадение! Завтра, когда у общего памятника всем жертвам политических репрессий будут звучать речи, воспоминания и поминальные молитвы, когда растревожат душу тихие скорбные мелодии и лягут на камни у постамента живые цветы, пусть вместе с участниками городского митинга и у вас замрет сердце. Чтобы услышать в минуту молчания и в святой тишине голоса белых журавлей нашей памяти. Свое место есть там и у тех, о ком я рассказывала сегодня. Чтобы помнили...

Май 2003 г «Пульс»

ДЕТИ КОПАЙ – ГОРОДА

Старожилам еще памятно это необычное название – Копай-город, довольно большого поселка, располагавшегося в начале 50-ых годов на берегу озера. Теперь его следы затерялись во времени, да и место бывшего городка из землянок и саманных домиков занято многоэтажными «хрущевками».

Каждое утро я вижу из своей квартиры этот давно знакомый городской пейзаж с домами, зелеными верхушками деревьев между ними и краешком озера. Отсюда, где был когда-то городской базар, хорошо видна панорама бывшего Копай-города, в котором навсегда осталось мое детство, а вместе с ним и первая встреча с людьми, чья жизнь была перечеркнута коротким и звучащим, как выстрел, словом- репрессии. Впрочем, тогда о репрессиях вслух не говорили даже взрослые, а вновь прибывших поселенцев называли просто «ссылными».

Они жили рядом, в таких же глинобитных, уходящих наполовину в землю, убогих хатках. Во многих семьях были дети, и, конечно, мы дружили: после

школы играли вместе на узких улочках Копая, бегали смотреть на строящийся еще тогда дворец культуры, а летом все пропадали на озере.

Иногда мы ходили друг к другу в гости, и, кажется, только в такие «гостевые» часы понимали, что живем в своего рода многонациональном и многоязычном Вавилоне. Потому что в Копай-городе соседями в те времена были казахи и русские, немцы и прибалты, корейцы и уйгуры... Так что в нашу речь быстро входили слова родных языков всех наших друзей детства. Даже не очень способные к языкам становились там полиглотами.

Но главное, что мы все понимали друг друга, нужны были друг другу. И если кто-то съезжал в настоящую квартиру в еще одном построенном доме, мы продолжали дружить.

Для полноты картины в этот давний, ставший уже историческим пейзаж, наряду с Копаем надо внести и другие примечательные места нашего детства. К примеру, мы часто бывали в кинотеатре «Ударник», зимой вместе ходили на каток стадиона «Металлург», к которому вел тогда огромный пустырь от самого дворца.

Среди любимых копайской детворой мест был и Метрогородок, где тоже проживало немало ссыльных, с детьми которых мы общались. Вместе ходили, если находились деньги на билеты, в популярный кинотеатр «Первомайский», частенько лазили на Чечен-гору, ходили купаться на Теплое течение, совершали походы в Ботсад.

Многим эти названия уже ничего не говорит, а для моего поколения они способны вызвать в памяти старую карту города и даже мысленно увидеть Балхаш таким, каким он был 50-ые годы. Хотя неофициально и теперь некоторые из старых наименований еще в употреблении. К, примеру, как Чечен-гора. Теперь там разместились гаражи, а давно, в моем детстве, стояли бараки и землянки, в которых жили ссыльные с Кавказа. Среди них особой популярностью пользовались сапожники. Это были и впрямь искусные мастера. Полгорода, а уж в Копее и стар, и млад – носили чеченские тапочки, хотя старикам нравились мягкие кожаные сапожки кавказского образца – ичиги. Шили здешние мастера и туфли, которые красили в яркие лаковые краски и которые охотно носили местные модницы.

Среди любимых лакомств, хоть и очень редким для многих детей из Копая, конечно же, было мороженое. Его продавали около бани, которая и теперь стоит на старом месте.

Ну, а какое же это было счастье сначала полюбоваться, а потом медленно смаковать белое или розовое мороженое, заключенное между двумя вафельными кружочками или квадратиками. Тянули удовольствие, как могли, только долго не получалось. Да и мороженое таяло. А вот воспоминания не растаяли, бередят душу былым.

Вспоминая то не очень сытое и совсем небогатое время, я благодарна ему за то, что в нем не было места злобе или насмешкам, какому-то иному неприятию или отторжению ссыльных и тем более их детей от местных жителей. Не принято было спрашивать в детской среде, почему чеченцы или эстонцы, корейцы или поляки оказались здесь, на берегу озера.

Конечно, взрослые знали об этом, но берегли наши детские души от черного злословья, от неверия в людскую доброту. Только много лет спустя, когда мы, дети Копай-города, повзрослели, когда уже вышел «Архипелаг Гулаг» и другие книги Солженицина и других узников, когда весь мир узнал зловещие тайны сталинских лагерей и о миллионах жертв политических репрессий, все обрывки детских воспоминаний встали на свое место. Каждый человек из детства приобрел свой облик и свое имя. Как тот эстонец, которого приютила в своей землянке после освобождения из лагеря моя тетя и который перед отъездом на родину подарил мне великолепный альбом с марками. Не то удивляет теперь, как он умудрился собрать коллекцию, а то, что в ней были марки разных стран: письма оставались для ссыльных единственной связью с родными местами.

Из того же детства первая встреча в доме моей одноклассницы с поэтессой Руфью Тамариной. Много лет спустя она сама мне рассказывала, да и в ее стихах и в книге прозы «Щепкой в потоке» прочитывается грустная история о том, как молодая выпускница Литературного института, ушедшая добровольцем на фронт, была арестована и осуждена как «дочь врага народа» на 25 лет лагерей. По счастью, она вышла из лагеря раньше, в 1956 году, в числе первых освобожденных гулаговцев.

Много лет мы переписывались с Руфью Мееровной, она присылала мне свои новые сборники, ее стихи печатались в городской газете, в которую она после освобождения из лагеря была принята литературным сотрудником. Эта удивительная по жизнелюбию женщина беспредельно верила в людскую доброту, которую не раздавили даже танки при подавлении Кенгирского восстания в Жезказганлаге, где она чудом осталась жива. Тогда в 50-ые она даже жила неподалеку от Копая, на Набережной, в маленькой комнате в бараке, которой была безмерно рада и где была счастлива своей свободой и любовью к своему единственному человеку, встреченному в той же лагерной неволе. В этой комнатке, как запомнила моя мама, бывавшая там с поручениями от редакции, вместо стола и табуреток были приспособленные для нового назначения посылочные ящики, стояла железная койка, а сама хозяйка в перешитом из старых одеял халате, спрашивала: «правда же, что хорошо получилось!» Она всегда выглядела элегантно, даже в таком наряде.

За годы журналистской работы я близко познакомилась и постаралась познакомить наших читателей с удивительными судьбами удивительных людей, переживших репрессии. Иногда выяснялось, что в их жизни тоже был Копай-город, и тогда мы вместе вспоминали, каким золотым был песок на берегу Балхаша, как дружно мы жили в своем Вавилоне. Даже чеченские тапочки, в которых, к примеру, моя мама, работавшая секретарем-машинисткой в редакции городской газеты, ходила на работу, каждое утро начищая их мелом. У меня тоже были такие же уютные тапочки, как и у многих моих друзей в Копае. Мы вспоминали эти и другие приметы 50-ых годов с ностальгией, как приметку того ушедшего, но так и не забытого времени нашего детства.

Сегодня дико думать, что в нашей истории были позор и страх Гулага, депортация миллионов корейцев, насильное переселение из родных мест жителей Кавказа, Прибалтики, немцев Поволжья, массовые расстрелы и тысячи

изломанных судеб. Все это осталось там, за далеким горизонтом не только моего детства, но хочется верить, и детства всех новых, приходящих нам на смену поколений. Чтобы история репрессий осталась только в прошлом. И осталась там навсегда!

Вот такие мысли навеяло и разбередило душу приближение 31 мая – черной даты со светлой и святой памятью о всех жертвах политических репрессий. Пустите эту память в свое сердце!

Май 2011г. «Пульс»

«ПРИШЛИТЕ МНЕ РОМАШКИ»

«Получила ваше письмо и фотографии, огромное спасибо за все. Расплакалась, когда увидела больницу, где умер брат, кладбище, где покоится его прах. Пусть не знаю бугорка, где он лежит, но для меня все кладбище и все усопшие там как одна семья. Спасибо казахскому народу, что они предали земле наших близких. В нашем домашнем архиве много грустных документов, в папке отца – он отсидел в Магадане 10 лет, есть копии его дела – допросов, приговора, справка об освобождении и реабилитации. Мой старший брат попал в плен в 1942 году и умер в плену в ноябре 1943 года в Германии. Через Красный крест мне прислали снимки военного кладбища, на одной из плит его имя. И вот теперь благодаря балхашскому музею мне известно место последнего приюта моего младшего брата под Балхашом. Он в одном из писем от 9 января 1942 года писал: «Когда нас везли до Балхаша, двое ребят замерзли до смерти, а одному ампутировали обе ноги, несколько человек остались без руки или ноги. Я был слаб, не вставал с кровати. Больница переполнена ранеными, вместе со мной лежит местный мужчина, его дочь принесла мне буханку хлеба и повидло. Ко мне здесь хорошо относятся»... Брату было всего 16 лет. Обращаюсь к вам с просьбой: пришлите мне ромашки с того кладбища, где лежит мой брат. У нас в семье все очень любили эти цветы...»

Это письмо директору Балхашского историко-краеведческого музея А.К.Сейлхановой прислала из Эстонии пожилая женщина Эрене Сарана. Вместо ромашек в нашей степи растет только полынь, так что просьбу из далекой Эстонии не удалось выполнить.

А само письмо из Прибалтики стало еще одним документальным свидетельством, как политика террора, подозрительности ко всем народам, живущим в прифронтовых районах в годы войны, давала основание отправлять людей в ссылку, местом которой чаще всего становились закрытые лагеря, каким был и существовавший с 1935 по 1956 год Балхашлаг. Это было лишь одно из отделений печально знаменитого Гулага.

На карте, которая была составлена в Литве бывшими узниками Гулага, в том числе Балхашлага, и передана в дар нашему музею, где представлена в постоянной экспозиции, сотни черных кружочков, указывающих места

расположения лагерей. Самыми густо «населенными» наряду с Сибирью, Камчаткой, Мордовией были лагеря в Центральном Казахстане. Здесь были Карагандинские лагеря под общим именем Карлаг, из них свыше десятка были размещены в Прибалхашье. В нашей степи еще и теперь, несмотря на всеразрушающее время, можно увидеть остатки лагерных зон в районе Восточного Коунрада, а Балхашлаг размещался вообще почти в черте города. Оттуда и были привезены в музей несколько лет назад страшные экспонаты – саманные кирпичи от бывших бараков, решетки полуподвальных окон, проржавевший бидон, колючая проволока... Эти немые свидетельства нечеловеческих условий проживания тысяч узников, в числе которых были пленные немцы и японцы, ссыльные из Прибалтики, Поволжья, Кавказа, Западной Украины, а также арестованные как «враги народа» представители различных слоев многонационального Казахстана.

О том, каким было то жестокое время, как были сломаны судьбы тысяч людей, рассказывают уникальные экспонаты музейной экспозиции. Здесь есть фотографии бывшего лагеря, общий снимок более чем 300 балхашлаговцев, вернувшихся после освобождения на родину, в Литву. Представлены подлинники справок о реабилитации, газетные публикации, книги, альбом с этюдами художников из числа узников, а также личные вещи бывших заключенных, в том числе гармошка и скрипка, переданные музею семьями, перенесшими опалу. Большой стенд рассказывает о наших земляках, на себе испытавших и репрессии, и жизнь за лагерной проволокой Гулага.

На снимках знакомые многим ветеранам известные люди Балхаша: врач А.С.Зозуля, геолог, первооткрыватель Коунрадского месторождения М.П.Русаков, первый директор Прибалхашстроя В.И.Иванов, первый секретарь комсомольской организации Прибалхашстроя, а потом ведущий специалист Балхашского комбината И.Т.Волков, Герой Советского Союза В.З.Хоружая, работавшая в Балхаше в тридцатые годы и погибшая в годы войны в Беларуси, поэтесса Руфь Тамарина, которая после освобождения из лагеря жила в нашем городе и работала в городской газете. В этом же грустном списке пострадавших в годы репрессий наши земляки сельчанин З. Копбаев, композитор А. Сармантай, один из первых предпринимателей Прибалхашья К.Бижанов, герой –панфиловец Ж.Байшагыров, строители И.И.Сайбель, трудармейцы Д.Я.Суппес, О.Э.Каценштейн, репатриант Битнер, спецпереселенцы Преслер и Гроссман, интернациональная семья Вальтер Линды и Константина Ли...

Точку трудно поставить. Слишком большим будет список всех, по чьей жизни прокатилось колесо Гулага, кто был сослан, оклеветан доносами, приговорен к расстрелу, предан забвению. Но вопреки официальным властям, в народе никогда не забывали тех, кто пострадал от репрессий и был уничтожен. В числе таких дорогих казахскому народу людей Сакен Сейфуллин (1894 -1938 гг), Жакып Акбаев (1876-1934 гг), Турар Рыскулов (1894 -1938 гг), Алихан Бокейханов (1866-1937 гг) и многие другие. Обращают на себя внимание зловещие даты смерти, которые пришлось на время массовых расправ с интеллигенцией, в том числе и в Казахстане. Недаром 1937-1938 годы в народе называют «расстрельными».

К этой же славной плеяде борцов за независимость своей страны относился и Алимхан Ермеков (1891-1970 гг), известный политический деятель, ученый. Когда речь идет о людях такого масштаба, то кажется, что вместе с их уходом безвозвратно утеряно все, что касается их судьбы, их семьи. К счастью, это не так. Потомки по крупицам собирают каждое слово о своем именитом предке. К примеру, праправнучка Алимхана Ермекова - Гульшат Сейтмукашева, которая работает хранителем в нашем музее, показала именную папку, где собраны уникальные сведения о ее прадеде. Она рассказала, что в семейном архиве есть очень интересные документы, из которых она с гордостью узнала, что старейшина их рода Алимхан Ермеков был первым, кто представлял карту Казахстана Ленину, а также был одним из первых ученых - математиков среди казахов.

В год 100-летия Ермекова на его родине в Актогае состоялся большой вечер памяти, на который приехали со всех концов Казахстана. Среди гостей были внук Ермекова – Мадиниет Кожамбаев и его жена, певица Дарига Акатаева. Многие в городе хорошо помнят ветерана войны Абеу Ермековича Ермекова, он был скромным человеком, и мало кто знал о его кровном родстве с известным всей Сары-Арке Алимханом Ермековым. В родстве с ученым еще один популярный в Прибалхашье музыкант, основатель ансамбля «Токрауын толкыны» Куат Кожамбаев. Гульшат рассказала, что у ее прапрадеда было 8 детей, осталось много внуков, правнуков, праправнуков, и эти новые поколения делают все, чтобы сохранить добрую память о человеке, который дорог не только их семье, но и всему народу.

Об этом долге - хранить добрые имена своих предков, не предавать их забвению и напоминает День памяти жертв политических репрессий. В календаре независимого Казахстана это святая дата - 31 мая. В этот день по традиции в Балхаше, как и по всей стране, состоятся торжественно-траурные митинги, будут возложены цветы к монументу скорби, который напоминает- это никогда не должно повториться!

Будем жить и помнить!

Пока составляла этот сборник материалов о Гулаге и Балхашлаге, о тайнах спецхранов, о фактах и судьбах людей, чья жизнь была связана с репрессиями, заново переживала и пропускала через сердце давно минувшее прошлое, которое не отпускает от себя.

Когда-то давно в поездке по Германии еще в студенческие годы запомнила на всю жизнь, как стонут и плачут колокола над Бухенвальдом. Их звон раздается днем и ночью, от малейшего дуновения ветра, а он там дует постоянно. Над поклонной горой, высящейся над бывшим фашистским концлагерем, где до сих пор не растет трава, стоят пустые бараки и печь, в которой сжигали людей заживо, где в экспонатах развернутого там мемориального музея до слез больно видеть детские башмачки и срезанные волосы с бантиком, колокольный звон звучит как эхо печального прошлого.

Никогда тогда не думала, что буду когда-нибудь писать о советских лагерях, которые объединены одним зловещим словом Гулаг. А в нем были еще Карлаг, Степлаг, Балхашлаг, узнав о которых, уже не смогла забыть об этой тяжелой странице в истории нашей страны, о людях, переживших ужас неволи, рабского труда.

Но, даже побывав в этом земном аду, они вопреки всему, сумели выжить, не растерять жизнелюбия и веры в то, что такое никогда больше не должно повториться.

Политические репрессии унесли миллионы жизней..

Это и по ним звучат колокола нашей памяти. «Все, что было не со мной, помню»... ,

Я постаралась рассказать о том времени, в котором навсегда остались лагерь, расстрелы, депортации, когда даже солнце было черным.

Но свет правды все равно пробивается к нам из прошлого, чтобы не забывали, что было с нами и со страной.

Будем жить и помнить!

Тамара Григорьева
Апрель 1989 г. – январь 2013 г.
г . Балхаш

Содержание

Все, что было не со мной, помню

1. «Тайны секретных документов»

1998 г -- «Баллада о черном солнце»

2000 г – Забвению не подлежит

2001 г-- Тайны спецхрана.

2001 г-- Карта Гулага

2001 г - Это не должно повториться

2002 г- Митинг памяти

2002 г_ - Живи и помни

2004 – Без права на забвение

2011г- Знать и помнить

2012 г. – Пролог к празднику

2010г.- Депортация

2.Руфь Тамарина

1990 г- Время добрых людей

1991 г- Щепкой в потоке

2001 г- Как хорошо, как больно жить на свете

3.Лики прошлого

1997 г – Депортация: факты и судьбы

1997 г – Лики прошлого

2007 г – Солнце над нами одно

4.Миссия из Литвы

1997 г. – Крест в степи

2000 г- Литовцы в Балхаше

2003 г- Звонок из прошлого

2004 г—Посол Литвы в Балхаше

2009 г – Из Литвы с миссией памяти

2009 – Судеб связующая нить

5.Время и Судьбы

1989 г – Судьбы

1995г- Трудармейцы

2001 г – Судьба почетного чекиста

2001 г – Было да прошло, но былшем не поросло

2002 г- - Художники из Балхашлага

2003 г- Чтобы помнили

2005 г- Дети Копай-города

2011 – Пришлите мне ромашки

Жить и помнить!

Грищенко Тамара Тимофеевна

Родилась на Волге в 1943 году. Зн. Балхаш в 1961 году окончила СВН, затем кораблестроительный факультет Горьковского института инженеров водного транспорта, работала чиновником на Советском судостроительном заводе. В 1971 году переехала в Балхаш. Работала редактором на Балхашской студии телевидения, редактором журналистской факультета Казанского государственного университета. Затем работала заместителем редактора в городской газете «Балхашский рабочий», собственным корреспондентом областной газеты «Дзержинская правда» и «Индустриальный Карагай», с 1998 года - корреспондент региональной газеты «Путь». Член Союза журналистов СССР и Союза журналистов Казахстана.

Почетный журналист Казахстана

Автор много очерков, в том числе в коллективной сборнике «Времена сменяются века». С 1983 года ведет журналистское расследование: о судьбах людей в истории Балхашлага, чему и посвящена эта книга.

«Карта Гулага» - сборник документальных очерков о фактах и судьбах людей и народов, ставших жертвами политических репрессий и «красного террора» в СССР в тридцатые – пятидесятые годы 20-го века. В печально известном «архипелаге Гулаг», где самым крупным его подразделением был Карагандинский лагерь – Карлаг, одна из лагерных зон находилась на берегу озера Балхаш.

Через «Балхашлаг» прошли несколько тысяч людей разных национальностей, многие из которых навеки остались в балхашской степи. Над братскими могилами Балхашлага установлены два мемориала с литовским католическим крестом и японскими иероглифами. Есть памятник жертвам репрессий и в центре города, где каждый год 31 мая проходят траурные митинги, звучат воспоминания очевидцев и возлагаются цветы.

Боль пережитого старшим поколением и завет молодежи, чтобы подобное никогда не повторилось, отзывается гулким эхом памяти на страницах этого документального сборника. Прочтите их! Будем жить и помнить!

ISBN 978-1-291-22192-3

9 781291 221923